

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

7-й год издания

№ 7 июль 1937 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

А. Кучкин

VI съезд партии большевиков

1

VI съезд партии большевиков происходил 8—16 августа (26 июля — 3 августа) 1917 года в Петрограде.

К этому времени в стране произошла более четкая размежевка классовых сил. Господствующая буржуазия сорвала с себя маску революционности и открыто выступила как контрреволюционная сила. Ее пятимесячное господство значительно ухудшило положение трудящихся.

Экономическая разруха, вызванная империалистической войной, усиливалась. Буржуазное Временное правительство, делая вид, что оно борется с этой разрухой, в действительности всячески содействовало ее росту. Продолжая империалистическую войну, оно увеличило военные расходы. Ежедневно на войну тратилось в июле — августе 60,6 миллиона рублей. Чтобы собрать такую огромную сумму денег, Временное правительство увеличивало налоги на трудящихся, оберегая карманы капиталистов.

На трудящихся надвигалась голодная смерть. Хлеба в стране было много, но его прятали помещики и кулаки. Развилась чудовищная спекуляция. Хлебные акулы продавали хлеб втридорога. Посевные площади сокращались помещиками сознательно. А когда крестьяне пытались засеять заброшенные помещиками земли, то Вре-

менное правительство сажало за это крестьян в тюрьмы.

В стране не хватало товаров широкого потребления, ибо капиталисты сознательно вели линию на закрытие фабрик и заводов, чтобы при помощи разрухи задушить революцию. Даже Петроградский меньшевистско-эсеровский совет вынужден был в июле обратить внимание Временного правительства на то, что металлическая промышленность пятнадцати губерний Московского района «находится в остро критическом состоянии», что капиталисты сознательно ведут предприятия к остановке. Капиталисты пытались в июне закрыть паровозостроительный Коломенский завод, Сормовский, Брянский, но московские рабочие не позволили сделать это.

Железные дороги работали день ото дня все хуже и хуже. Транспорт разваливался. Перевозки сократились до минимума. В июле было недогружено 200 тысяч вагонов, а в августе — 248 тысяч. Сама буржуазия говорила, что наступает полный паралич железнодорожного транспорта.

Ценность денег падала. Временное правительство усиленно печатало бумажные деньги, которыми платили рабочим и крестьянам, но на которые почти ничего нельзя было купить. Это был еще один способ, при помощи которого буржуазия обдираала трудящихся как липку.

«Приходится бить в набат ежедневно, — писал в июле Ленин по поводу растущей экономической разрухи в стране. — Катастрофа не ждет. Она надвигается с ужасающей быстротой»¹.

Такова была хозяйственная обстановка в стране, когда собрался VI съезд партии большевиков.

Политическая обстановка сложилась в пользу буржуазии.

К этому времени буржуазии удалось укрепить и мобилизовать свои силы и покончить с двоевластием, существовавшим в стране с марта 1917 года по 16—18 июля, и установить единовластие буржуазного Временного правительства. Советы, бывшие до июльских дней зачаточными органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, вследствие предательства меньшевистско-эсеровского большинства в них передали власть целиком и полностью в руки контрреволюционной буржуазии. Меньшевистско-эсеровские советы сами превратились в орудие контрреволюции.

Мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров стали открытыми контрреволюционными партиями, вместе с буржуазией расстреливавшими июльскую демонстрацию петроградских рабочих и солдат.

Контрреволюция торжествовала свою победу. Большевики подвергались ярким преследованиям, их травили, на них клеветали, их сажали в тюрьмы. Буржуазия прилагала все усилия к тому, чтобы арестовать вождя революции — Ленина, для того чтобы при «попытке к побегу» застрелить его. Ленину пришлось скрыться в подполье, где он и находился вплоть до Октябрьского переворота. Партия большевиков вынуждена была перейти на полулегальное положение.

Но июльские дни были, по сути дела, не победой буржуазии, а особого рода победой пролетариата, победой партии большевиков, ибо буржуазии совместно с меньшевиками и эсерами не удалось разгромить партию большевиков и задушить революцию. Партия сохранила сплоченность своих рядов и не дала разбить силы пролетариата.

¹ Ленин. Т. XX, стр. 576 — 577.

После июльских событий авторитет большевистской партии стал расти еще быстрее. Массы воочию убедились в предательстве меньшевиков и эсеров. Массам стало еще более ясно, что единственной партией, защищающей интересы трудящихся, борющейся на деле за прекращение империалистической войны, за землю и хлеб, является партия большевиков.

Партия большевиков укреплялась с каждым днем. Никакие репрессии правительства, никакие ухищрения меньшевиков и эсеров, никакая демагогия, ложь и клевета по адресу большевиков не остановили притока новых членов в партию Ленина—Сталина, не остановили роста сочувствия ей со стороны трудящихся масс. Гнусные наемники, грязные клеветники, осмелившиеся открыто бросить клеветническое обвинение в «измене» по адресу величайшего гения революции, ее вождя Ленина, рассчитывали вызвать растерянность в рядах большевиков и посеять в массах недоверие к вождям большевистской партии. Но от имени большевиков и рабочих масс вторая петроградская партийная конференция, состоявшаяся 29 июля — 2 августа (16—20 июля), в своем обращении «ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда», написанном товарищем Сталиным, ответила этим клеветникам:

«Жалкие! Они не знают, что никогда еще не были так дороги и близки рабочему классу имена наших вождей, как теперь, когда обнаглевшая буржуазная сволочь обливает их грязью!

Продажные! Они и не догадываются, что чем грубее клеветают буржуазные наймиты, тем сильнее любовь рабочих к вождям, тем безграничнее их доверие к ним, ибо они знают по опыту, что когда враги поносят вождей пролетариата, — это верный признак того, что вожди честно несут свою службу пролетариату»².

За двадцать дней после июльских событий, к 8 августа (26 июля), в Петроградскую организацию большевиков вступило 2500 новых членов партии. Вся организация ко времени VI съезда насчитывала свыше 40 тысяч членов партии, а организация молодежи Петрограда, находившаяся под влиянием

² «Рабочий и солдат» № 2 за 1917 год.

большевиков, — до 50 тысяч человек. Почти все районные советы Петрограда были в руках большевиков. Частичные переборы в Петроградский совет дали перевес нашей партии. Лучшим показателем растущего влияния большевиков на массы были переборы членов Совета на заводе Эрикссон. Этот завод считался крепостью меньшевизма и вотчиной меньшевистского «вождя» Гвоздева. Июльские дни прояснили сознание рабочих этого завода, и они отозвали из Совета меньшевиков, а вместо них послали большевиков. То же самое имело место и на заводе Лангензипен и др.

В Балтийском флоте июльские события усилили влияние большевиков. После 16—18 (3—5) июля на сторону большевистской партии целиком перешли такие суда, как «Гангут», «Севастополь», «Рюрик», «Андрей Первозванный», «Диана», «Громобой», «Индия».

XII армия в большинстве своем продолжала оставаться на стороне большевиков. В конце июля 12 полковых комитетов были в наших руках. Вместо закрытой Временным правительством «Окопной правды» стал выходить «Окопный набат».

О росте большевистского влияния на рабочих, солдат, матросов свидетельствует и состоявшееся 3—4 августа (21—22 июля) совещание делегатов с фронта от 29 полков, от кронштадтских морских частей, пехоты, артиллерии, технических войск и фортов Кронштадта, от 90 заводов Петрограда, от заводов Кронштадта и окрестностей Петрограда. Это обширное совещание, обсудив вопросы текущего момента, вынесло большевистскую резолюцию, в которой говорилось, что «...задачей всех истинно-революционных элементов... является разоблачение всяких контрреволюционных мероприятий, беспощадная критика реакционной политики (меньшевистско-эсеровских) вождей, укрепление позиций революционного пролетариата, крестьянства и солдат и подготовка сил к решительной борьбе»¹.

В Москве большевистское влияние на массы после июльских дней тоже усилилось: к концу июля из десяти-

В. И. Ленин в гриме.

1917 год.

ти районных советов Москвы в руках большевиков находились шесть. На заседании Московского совета 7 августа (25 июля) была принята большевистская резолюция против смертной казни на фронте, введенной Временным правительством. Московская конференция фабрично-заводских комитетов, состоявшаяся 5—10 августа (с 23 по 28 июля), прошла под руководством нашей партии и вынесла по всем вопросам повестки дня большевистские резолюции. Усилилось большевистское влияние и в московских профессиональных союзах, а в некоторых из них за большевиками шло большинство членов.

После июльских событий значительно вырос авторитет нашей партии среди масс и в Московской области, объединявшей 13 губерний Центрального промышленного района. В некоторых Советах по области к концу июля большевики были в большинстве. Партийные организации выросли за счет вступивших после июльских дней новых членов. Об этом свидетельствует состоявшаяся 3—6 августа (21—24 июля) вторая Москов-

¹ «Рабочий и солдат» № 3 за 1917 год.

ская областная конференция РСДРП(б). Если первая Московская областная конференция, происходившая 2—4 мая (19—21 апреля), представляла 8 тысяч членов партии, то на второй уже было представлено до 58 тысяч.

В Харькове после июльских событий большевистское влияние на массы было значительным. Об этом говорит решение Харьковского совета, вынесенное под давлением большевистски настроенных масс, осуждающее поднятую в столице травлю большевистской партии.

О таком же влиянии на массы говорят происшедшие 22 (9) июля выборы в харьковскую городскую думу. Несмотря на дикую травлю, вследствие которой за большевистский список могли голосовать только наиболее революционные и самые сознательные рабочие и солдаты, большевики получили до 10 тысяч голосов.

В Екатеринославе после июльских дней наблюдалась та же картина. Под давлением масс меньшевистско-эсеровский Совет вынужден

был в своей резолюции назвать деятельность министров - капиталистов «явно контрреволюционной», «преступной». Орган большевиков «Звезда» продолжал выходить регулярно. Меньшевики и эсеры не только не осмеливались на рабочих собраниях повторять гнусную клевету на большевиков, поднятую в центре, а вынуждены были ее осуждать. 271-й и 228-й полки, состоявшие более чем из 12 тысяч человек, после июльских событий стали часто приглашать к себе на общие собрания большевистских ораторов и обращались к ним с просьбой рассказать о программе и тактике партии. Выборы в городскую думу показали, насколько поднялся наш авторитет в массах. Вместо 6—8 мест, которые надеялись получить большевики, они получили 22 места. К концу июля в решающих екатеринославских профсоюзах они имели большинство, а некоторые правления (союз металлистов и др.) были в наших руках.

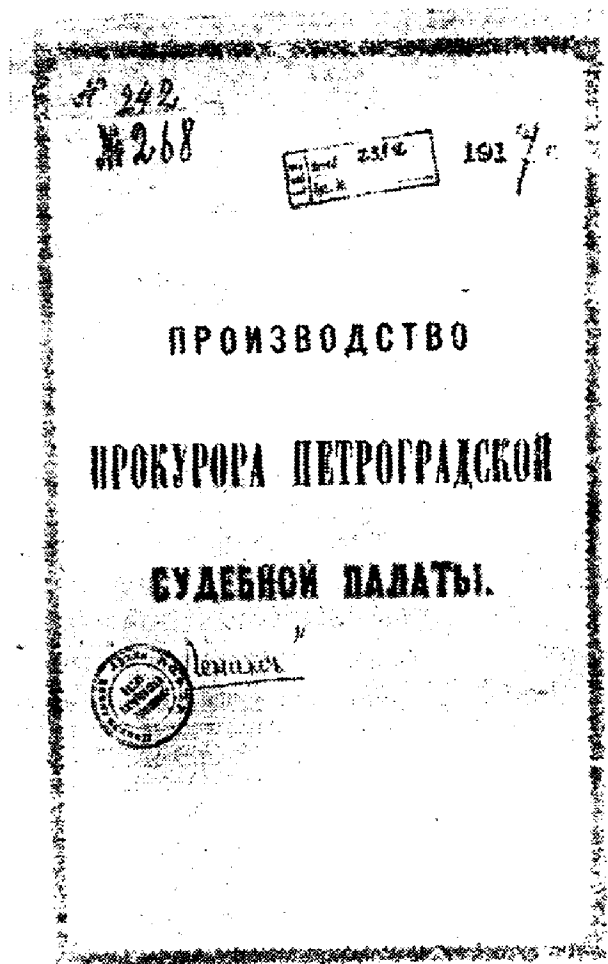
В Саратове и Царицыне при выборах в городскую думу большевистский список завоевал третье место.

Луганские большевики под руководством тов. К. Ворошилова после июльских событий усилили свое влияние на массы. В их руках была городская дума, а потом, при перевыборах в Совет, большевики получили около 95% всех депутатских мест. Председателем Совета был избран тов. Ворошилов.

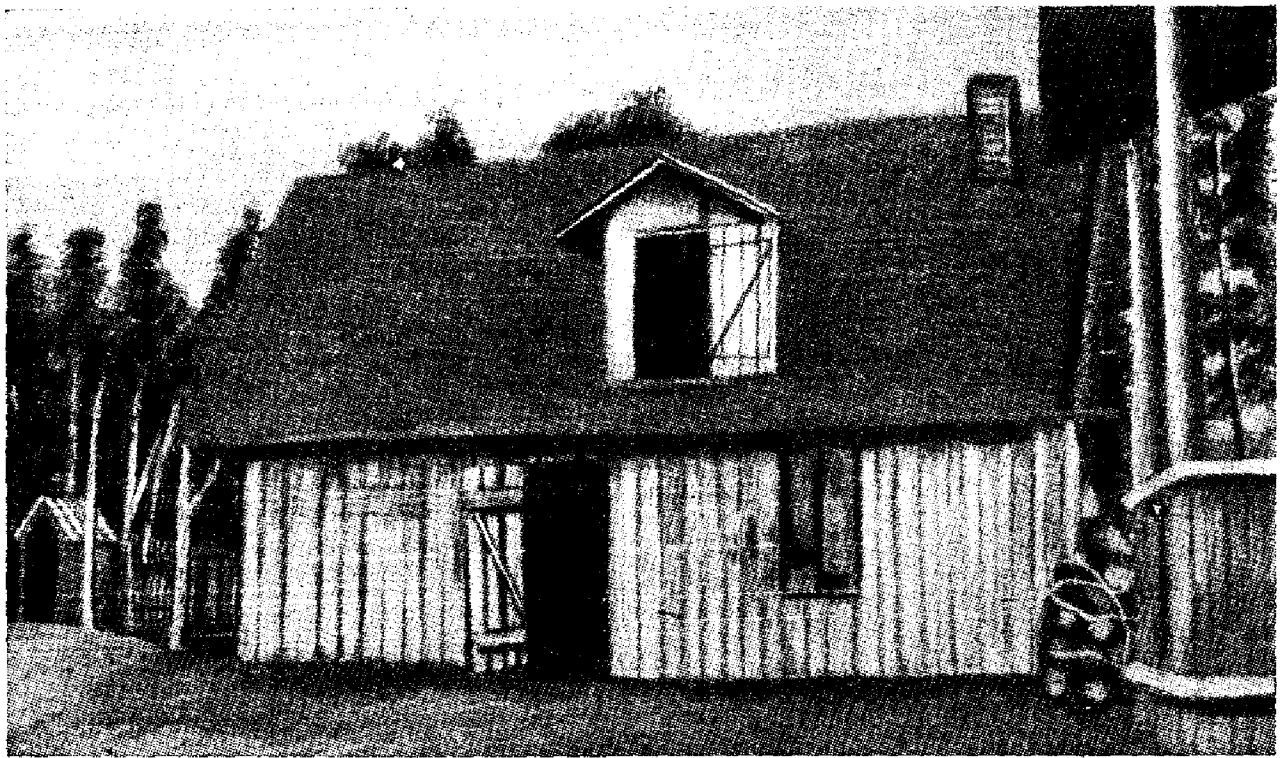
В Баку июльские события вызвали у рабочих еще больший интерес к большевистской партии несмотря на меньшевистско-эсеровскую травлю. Спрос на большевистскую литературу значительно возрос. Кампания по заключению коллективного договора рабочих нефтяных приисков с союзом нефтепромышленников прошла под большевистским влиянием.

В Тбилиси к концу июля усилилось влияние большевиков главным образом среди многотысячных солдатских масс. Гарнизон Тбилиси в своем большинстве был на стороне большевиков. При выборах в городскую думу большевики заняли четвертое место, получив 7 депутатских мест.

Такой рост популярности большевиков заставил тбилисских меньшеви-

Дело прокурора петроградской судебной палаты о В. И. Ленине. 1917 год.

Сарай на станции Разлив, в котором скрывался на чердаке В. И. Ленин.

1917 год.

ков обратиться к Тбилисскому комитету нашей партии с призывом «сговориться о координации своих действий» в городской думе. Ответ комитета гласил:

«Вы предлагаете войти с вами в переговоры. Вы еще вчера называли нас германскими агентами, провокаторами, контрреволюционерами, врагами народной свободы»¹.

И Тбилисский комитет с негодованием отверг предложение меньшевиков о совместной работе.

На Урале наши партийные организации к 28 (15) июля насчитывали 25 тысяч членов (в апреле было 15 тысяч) и численно значительно, раза в три, превышали организации меньшевиков. На многих заводах Урала Советы и профессиональные союзы были в руках большевиков.

Крестьянство Урала после июльских дней стало еще больше прислушиваться к голосу большевистской партии. На происходившую 27 — 31 (14 — 18) июля вторую Уральскую конференцию РСДРП(б) явились делегаты от волостей, чтобы разрешить вопросы, волнующие крестьян.

В Красноярске большевики к концу июля преобладали в Совете и профессиональных союзах. Там фак-

тически вся власть была в руках Совета. Комиссар Временного правительства существовал только номинально. Правления профессиональных союзов, как и городская дума, были в руках большевиков. В ряде деревень были созданы большевистские ячейки, пользовавшиеся большим авторитетом.

Такова была политическая обстановка в стране. Мы видим, что поднятая врагами революции после июльских дней бешеная травля, грязная клевета, аресты и убийства не только не ослабили большевистскую партию, а укрепили, сплотили ее ряды, консолидировали ее силы и увеличили влияние на широкие массы.

«Разве удавалось когда-нибудь каким-нибудь угнетателям уничтожить то или иное народное движение арестом, ссылкой или смертью его вождей? Нет и тысячу раз нет»², — писал товарищ Сталин после июльских дней в статье «В чем наша сила?»

Дикий, злобный вой буржуазии по адресу большевиков открыл многим и многим глаза на взаимоотношения классов и партий, на их целевые установки, на их тактику борьбы, на их лозунги. Многие трудящиеся распознали в лице травимых большевиков сво-

¹ «Кавказский рабочий» № 119 за 1917 год.

² «Рабочий и солдат» № 1 от 23 июля (5 августа) 1917 года.

В. И. Ленин. Рис. А. Соловьева. 1917 год.

их друзей, своих защитников, а в лице тех, кто травил,— своих старых заклятых врагов. Попытка Временного правительства и меньшевистско-эсеровского ВЦИК уничтожить большевистскую партию потерпела крах, ибо большевики своими корнями уходили в самую гущу рабочих, солдат и крестьян.

«Нас поставить вне рядов революционной демократии невозможно,— писал в той же статье товарищ Сталин,— ибо мы основа и сущность этой демократии, ее самая революционная, самая выдержанная и последовательная часть, ее авангард»¹.

Партия уверенно смотрела на будущее, зная, что оно несет победу пролетариата и беднейшего крестьянства. Поскольку оставались неразрешенными коренные вопросы революции — о войне, о хлебе, о земле, — подъем революционной волны был неизбежен, неизбежен был «девятый вал» революции, сметающий со своего пути диктатуру буржуазии и ее опору — партии меньшевиков и эсеров. О грядущих победах, подготовляемых большевистской партией, товарищ Сталин писал:

«Мы — партия борющегося за свое

¹ «Рабочий и солдат» № 1 от 23 июля (5 августа) 1917 года.

освобождение пролетариата. Не сможет не пойти с нами и солдат, измучившийся, истерзанный, которого снова лишают добытых свобод, которому снова грозят каторгой и смертью. Пойдет с нами и крестьянин, до сих пор земли не получивший, до сих пор облегчения не почувствовавший.

И так всегда. Каждое наше «поражение» превращается в нашу победу, каждая победа наших противников — в их поражение.

Так было всегда, так будет и теперь»².

Происшедшие после июльских событий классовые сдвиги в стране, изменение политической обстановки требовали от партии большевиков изменения тактики и смены лозунгов. Для выработки новой тактики и новых лозунгов применительно к новой обстановке, к новому периоду революции и собрался VI съезд партии.

2

Партия пришла на съезд с большими успехами, значительно выросшая. На съезде присутствовало 157 делегатов с решающим голосом, представлявших 240 тысяч членов партии. Мы имели к этому времени уже 41 газету с ежедневным тиражом в 320 тысяч экземпляров. 14 газет из 41 выходили на национальных языках: польском, латышском, грузинском, армянском, татарском и других. Миллионы людей читали эти газеты, что было показателем огромного влияния большевиков на трудящиеся массы всех национальностей, населявших Россию.

VI съезду партии пришлось работать в тяжелых условиях. Каждый день можно было ожидать ареста делегатов съезда. Ищейки Временного правительства: шпики, провокаторы, корреспонденты буржуазных газет — рыскали по Петрограду, вынюхивая место работ съезда. Чтобы избежать ареста, съезд, открывшийся на Выборгской стороне, переехал в более безопасное место — к Нарвским воротам. Многие делегаты назывались вымышленными именами.

В повестке дня стояли вопросы: политический отчет ЦК (докладчик — товарищ Сталин), организационный

² Там же.

отчет ЦК (докладчик — Свердлов), доклады с мест о войне и международном положении, о политическом положении (докладчик—товарищ Сталин), о профессиональных союзах и другие.

С'езду давал указания Ленин из подполья; непосредственным руководителем с'езда был товарищ Сталин. Основные вопросы были изложены в двух его докладах. В докладе о работе ЦК партии за истекшие три месяца товарищ Сталин подробно охарактеризовал все стадии развития революции после VII (апрельской) партийной конференции и политическую деятельность ЦК на каждой из этих стадий. Основным фактом, определявшим деятельность ЦК партии, являлся, говорил товарищ Сталин, «...факт развития нашей революции, ставящей вопрос о вмешательстве в область экономических отношений в форме контроля над производством, о передаче земли в руки крестьянства, о передаче власти из рук буржуазии в руки Советов Р. и С. Д. Все это определяет глубокий характер нашей революции. Она стала принимать характер социалистической, рабочей революции»¹.

Товарищ Сталин говорил, что за отчетный период партия благодаря правильному руководству со стороны Центрального комитета завоевала значительные массы. Мобилизация масс происходила под лозунгами, данными Центральным комитетом партии. Основных лозунгов было три: «Вся власть Советам!», «Контроль над производством и распределением», «Конфискация помещичьих земель». Эти лозунги оказались верными, онинискали себе симпатии со стороны рабочих, солдат и крестьян, они стали лозунгами самих масс.

Об организационной деятельности ЦК делал отчет Я. М. Свердлов. Он говорил, что со времени VII (апрельской) партийной конференции, на которой было представлено 78 организаций с 80 тысячами членов партии, партия выросла до 162 организаций с 240 тысячами членов партии. Идейное и организационное руководство местными партийными организациями ЦК осуществлял через «Правду», в кото-

¹ Протоколы VI с'езда РСДРП(б), стр. 14. Партиздат. 1934.

И. Сталин

И. В. Сталин. С автолитографии В. Шухаева. 1917 год.

рой давались ответы на все теоретические и практические вопросы.

В отдельные партийные организации ЦК рассылал работников. Но спрос на работников был так велик, что его нельзя было удовлетворить и в малой степени.

«Если мы за это время, — говорил Я. М. Свердлов, — все-таки сумели сплотить широкие круги Российской социалдемократической партии, то это лишний раз доказывает прочную связь ЦК с местными организациями»².

В своем докладе о политическом положении в стране товарищ Сталин подробно развил ленинскую оценку момента.

Ленин накануне с'езда писал, что положение в стране после июльских дней круто изменилось. Временно победила контрреволюция. Двоевластие окончилось, власть перешла целиком в руки контрреволюционной буржуазии. Сейчас, писал Ленин, силы революции и контрреволюции открыто выступают друг против друга. На одной стороне стоит кадетская партия, во-

² Там же, стр. 38.

В. М. Молотов.

Я. М. Свердлов.

К. Е. Ворошилов.

С. Орджоникидзе.

Делегаты VI съезда. 1917 год.

круг которой сплавивается вся контр-революция, на другой стороне — партия большевиков, вокруг которой все больше и больше сплавивается масса рабочих, солдат и крестьян. Меншевики и эсеры окончательно превратились в придаток контрреволюции.

Исходя из этого, Ленин указывал на необходимость изменить тактику партии и ее лозунги. Лозунг «Вся власть Советам!» после июльских событий устарел. Лозунг перехода всей власти к Советам, писал Ленин, был правлен в апреле, мае, июне до 16—18 (3—5) июля, то есть до перехода фактической власти в руки военной буржуазной диктатуры. Тогда, в период двоевластия, когда почти вся вооруженная сила была на стороне Советов, буржуазия не могла бы оказать серьезного сопротивления, если бы Советы согласились взять власть. После июльских дней, разъяряя Ленин, меньшевистско-эсеровские Советы превратились в орудие контрреволюции.

«Лозунг перехода власти к Советам, — писал Ленин, — звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и теперь достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать не бывшим»¹.

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 35.

В этих условиях лозунг «Вся власть Советам!» оправдывал бы переход Советов на сторону контрреволюции. Поэтому Ленин предлагал снять этот лозунг.

Снятие лозунга «Вся власть Советам!» Ленин предлагал как временную меру. Это не означало, что большевики совсем хоронят Советы, что они отказываются от своего лозунга «Республика Советов», что пролетариат в новой революции, захватив власть, установит форму своей диктатуры, не советскую, а какую-то иную.

«Советы, — писал Ленин, — могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контр-революцией и с предательством данных Советов»².

Ленин писал, что партия должна вести усиленную работу по подготовке свержения Временного правительства и перехода власти в руки пролетариата. В этом направлении Ленин предлагал вести всю агитацию в народе, выясняя ему полнейшую безнадежность получить из рук буржуазной диктатуры мир, землю, хлеб, свободу. Только пролетариат, взяв власть в свои руки, может все это дать народу и удовлетворить все жизненные его потребности. Только пролетариат при поддержке деревенской бедноты

² Там же, стр. 38.

может свергнуть буржуазную диктатуру.

«Свержение буржуазной контр-революции, — писал Ленин, — не может дать ничто, никакая сила, кроме революционного пролетариата. Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть — вне этого победы революции быть не может. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями, — вот единственный выход...»¹.

Именно эти положения Ленина и развивал на VI съезде партии лучший его соратник и ученик товарищ Сталин. Он начал свой доклад о политическом положении с характеристики политического момента. Товарищ Сталин говорил, что вопрос о политическом моменте есть вопрос о судьбах революции, о силах,двигающих ее, и силах, подкапывающихся под нее; что революция все более и более принимает социалистический характер: она врывается в сферу производства, ставя вопрос о контроле; она врывается в сферу сельскохозяйственных отношений, ставя вопрос не только о конфискации земли, но и о конфискации живого и мертвого инвентаря. «Поскольку рабочие вмешиваются активно в процесс организации контроля, обмена, постольку у нас ставится практически вопрос о социалистической революции», — говорил товарищ Сталин. Следовательно, большевики, являвшиеся глашатаями

пролетарской революции, совершенно верно определили характер приближающейся революции как революции социалистической.

В то же время продолжение империалистической войны, усиление хозяйственной разрухи в стране, неполучение крестьянами земли, ненависть солдат к войне — все это говорило за то, что новые взрывы и новые битвы абсолютно неизбежны.

Но в партии нашлись правые оппортунисты — ныне расстрелянный враг народа Каменев, и один из нынешних главарей правых реставраторов капитализма в СССР, Рыков, и некоторые другие, которые пытались остановить революцию, пророча ей гибель. Они паникерски утверждали, что социалистическая революция в России неминуемо будет раздавлена объединенными силами буржуазии и крестьян. Основным их аргументом был меньшевистско-троцкистский тезис о невозможности социалистической революции в России из-за ее технико-экономической отсталости.

Разоблачая этих оппортунистов, товарищ Сталин указывал, что революция в России не может остановиться на этапе буржуазно-демократическом, что она должна перерасти в социалистическую, в противном случае она неизбежно погибнет, будет раздавлена контрреволюцией.

«Перед Россией стояло два пути, — говорил товарищ Сталин, — либо прекращается война, разрываются все финансовые связи с империализмом, революция двигается дальше, расшатываются основы буржуазного мира, и

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 37—38.

С. В. Косиор.

М. О. Ольминский.
Делегаты VI съезда. 1917 год.

Ем. Ярославский.

начинается эра рабочей революции; либо другой путь, путь продолжения войны, продолжение наступления, подчинение всем приказаниям союзного капитала и кадетов, — и тогда полная финансовая зависимость от союзного капитала... и торжество контр-революции.

Третьего пути быть не может, третьего не дано»¹.

Товарищ Сталин подчеркивал, что в России есть все внутренние предпосылки для победы и упрочения социалистической революции, для победы социализма. Если революция победит, то она победит только как пролетарская, социалистическая революция.

Товарищ Сталин высказал твердую уверенность, что под руководством партии большевиков пролетариат сумеет сплотить вокруг себя деревенскую бедноту, свергнет диктатуру буржуазии, установит свою диктатуру и тем самым откроет эру социалистической революции.

Подготовка политической армии для свержения диктатуры буржуазии должна проводиться под новыми лозунгами. Лозунг «Вся власть Советам!» должен быть снят, ибо обстановка резко изменилась и требует иного лозунга. Товарищ Сталин в своем докладе говорил, что до 16 (3) июля была возможна мирная победа революции, мирный переход власти к Советам. Если бы тогда Советы решили взять власть в свои руки, то возглавлявшие контр-революцию кадеты не осмелились бы выступить открыто против Советов, ибо в то время такое выступление было обречено заранее на гибель, так как у буржуазии не было еще достаточно контрреволюционных боевых отрядов, а за Советами шла вся вооруженная сила революции.

Но в начале июля положение резко изменилось. Контрреволюция организовалась и укрепилась. Советы уже не могут мирным путем взять власть в свои руки.

«Мирный период революции кончился, наступил период не-мирный, период схваток и взрывов...»² — заявил на с'езде товарищ Сталин.

В этот период партия должна

вести борьбу с буржуазией и ее верными псами — меньшевиками и эсерами — под новым лозунгом. Но временное снятие лозунга «Вся власть Советам!» не означает «Долой Советы!» Советы как массовые организации, в которых представлено до 23 миллионов человек, должны существовать. Большевики не ушли и не уйдут, говорил товарищ Сталин, из Советов, и даже из ВЦИК, несмотря на занятую ВЦИК контрреволюционную позицию. Партия большевиков рассматривает Советы как будущие органы пролетарской диктатуры в новой, социалистической революции. Но чтобы стать такими органами, Советы должны быть большевистскими, и поэтому большевики, оставаясь в Советах, должны продолжать неослабную борьбу за завоевание большинства в них, изгоняя оттуда меньшевиков и эсеров. «Да живут и укрепляются такие Советы», — воскликнул товарищ Сталин.

Однако главный, решающий вопрос теперь не в этом, ибо сила уже не в Советах... «Вопрос теперь, — говорил товарищ Сталин, — не в завоевании большинства в Советах, что само по себе очень важно, но в сметении контрреволюции»³.

Вопрос состоял в том, в руки какого класса должна была перейти власть. Таким классом являлся пролетариат, поддерживаемый в борьбе с буржуазией деревенской беднотой. Этим и определялся новый лозунг. Вместо старого лозунга «Вся власть Советам!» «теперь мы выдвигаем лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства»,⁴ — так формулировал товарищ Сталин новый лозунг.

Подавляющее большинство делегатов VI с'езда единодушно поддержало товарища Сталина и одобрило его доклад. Но против него и ленинской линии в революции выступили на с'езде правые оппортунисты, которые попытались столкнуть партию с ленинских позиций. Правые оппортунисты: Ногин, Ангарский и другие — были против линии партии на вооруженное восстание и решительно высказывались против борьбы за социалистиче-

¹ Протоколы VI с'езда РСДРП(б), стр. 109. Партиздат. 1934.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 118.

⁴ Там же.

скую революцию. Отрицая, что после 16—18 (3—5) июля меньшевики и эсеры открыто перешли на сторону контрреволюции, правые оппортунисты вели линию на соглашение с ними. Они говорили, что лозунг «Вся власть Советам!» не устарел, а потому и не должен быть снят.

Отстаивая точку зрения Каменева, что буржуазно-демократическая революция еще не закончена, Ногин, Ангарский, Преображенский призывали партию бороться за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Этой диктатурой они хотели увенчать дело революции. Они отрицали возможность победы социалистической революции в России до победы ее на Западе.

Правые оппортунисты: Ногин, Ангарский и ставший впоследствии теоретиком контрреволюционного троцкизма Преображенский говорили, что у российского пролетариата «нет резервов», что в социалистической революции пролетариат «совершенно не будет поддержан широкими народными слоями», что все крестьянство в целом будет против пролетариата, поэтому он будет разбит и революция погибнет.

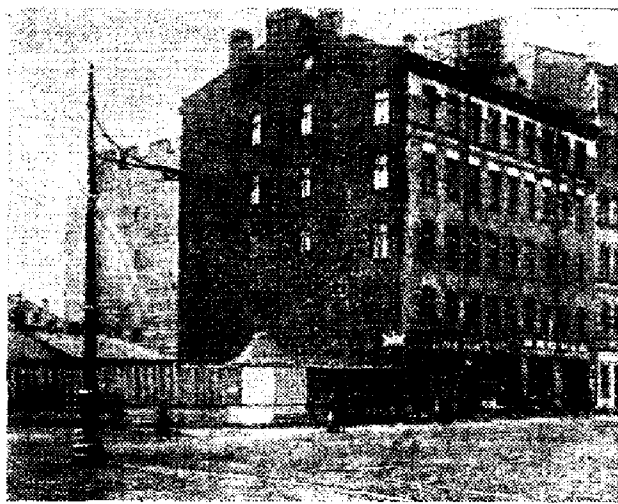
Оппортунистическую, троцкистскую по существу позицию защищал на съезде и Бухарин, ныне ставший врагом народа. Он утверждал, что все крестьяне как мелкие собственники выступят против пролетариата в социалистической революции.

В защиту ленинско-сталинских положений выступил на съезде против оппортунистов тов. Молотов. По его словам, мирный период революции кончился, лозунг «Вся власть Советам!», рассчитанный на этот период, должен быть снят.

«В изменении мирного характера революции и есть переломный момент,— сказал тов. Молотов.— Власть можно получить только силою»¹.

Он утверждал, что революция идет и будет идти вперед, ибо не разрешены ее коренные вопросы. Партия должна помочь беднейшему крестьянству, указать ему выход, и оно пойдет за пролетариатом.

¹ Протоколы VI съезда РСДРП(б), стр. 132. Партиздат. 1934.

Дом, в котором происходили первые заседания VI съезда РСДРП(б). Петроград, 1917 год.

«Только пролетариат и беднейшее крестьянство хотят взять власть в свои руки, смогут это сделать и сделают в интересах большинства, представителями которого они являются», — вот слова тов. Молотова².

В заключительном слове товарищ Сталин дал резкую отповедь всем оппортунистам. Он говорил, что нельзя рассматривать крестьянство как одно целое, как это делает Бухарин. Среди крестьян есть кулаки, середняки и бедняки. Масса беднейшего крестьянства не поддержит буржуазию. Часть деревенской бедноты идет пока за буржуазией, но она идет по неосознанности, ее просто обманывают. Партия большевиков должна помочь этой беднейшей обманутой части осознать свою ошибку, и тогда она пойдет вместе с пролетариатом на свержение капитализма. Крестьянские низы уже ведут ожесточенную борьбу с Временным правительством и с меньшевистско-эсеровской политикой.

По поводу нарисованных Бухариным перспектив революции товарищ Сталин указал, что анализ Бухарина «неверен в самой основе»³, что его схема революции является игрушечной схемой.

Товарищ Сталин сформулировал на съезде главную задачу партии в тот период.

«Главная задача, — говорил он, — пропаганда идеи необходимости свержения существующей власти»⁴.

² Там же, стр. 133.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Там же, стр. 139.

В борьбе за диктатуру пролетариата партия должна опереться на рабочий класс России, на революционное крестьянство и на международный пролетариат, который, безусловно, окажет поддержку российскому пролетариату, ибо революция в России есть часть и начало мировой революции.

«...мы должны, — сказал в заключение товарищ Сталин, — опираться на три фактора: российский пролетариат, крестьянство и международный пролетариат, так как судьбы нашей революции тесно связаны с западно-европейским движением»¹.

Оппортунисты на VI съезде потерпели полное поражение.

Съезд принял все положения, выдвинутые в докладе товарища Сталина, и предложенный им новый лозунг. Съезд указал, что партия должна организовывать рабочих и беднейших крестьян, готовить их к вооруженному восстанию против Временного правительства.

Ведя линию на завоевание пролетариатом власти, партия большевиков вместе с тем вела линию на победу социализма в России. Все резолюции VI съезда были направлены на завоевание и установление диктатуры пролетариата и на построение социалистического общества в нашей стране. В резолюции «О политическом положении», предложенной VI съезду товарищем Сталиным, прямо говорится, что задачей пролетариата и деревенской бедноты является «напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества»².

Против этого пункта, дающего установку на построение социализма в нашей стране, возражал Преображенский. Он предложил VI съезду внести в него такую поправку: «для направления ее (власти) к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму».

Это означало, что буржуазно-демо-

кратическая революция в России не может перерасти в социалистическую до тех пор, пока пролетариат Западной Европы не придет к власти и не окажет пролетариату России свою государственную помощь. Именно такую точку зрения все время отстаивал Троцкий в борьбе с ленинской партией. Такая позиция вела к отказу от диктатуры пролетариата, от социалистической республики Советов, вела к установлению в России буржуазного парламентаризма с сохранением власти буржуазии.

Товарищ Сталин резко выступил против этой троцкистской постановки вопроса, со всей силой отстаивая ленинское учение о возможности построения социализма в одной стране.

«Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму, — говорил он. — Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь»³.

Стойкий соратник Ленина товарищ Сталин выразил на VI съезде непоколебимую уверенность партии в том, что пролетариат под ее руководством сумеет повести за собой трудящееся крестьянство на разгром и уничтожение капиталистического строя, на построение полного социалистического общества в нашей стране.

VI съезд партии отклонил меньшевистско-троцкистскую поправку Преображенского.

3

В начале работы съезда был обсужден вопрос о явке Ленина на суд. С докладом по этому вопросу выступил тов. Орджоникидзе.

«Мы ни в коем случае не должны выдавать товарища Ленина, — заявил он. — Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы сохранить (его) в безопасности»⁴.

Некоторые делегаты съезда: Володарский, Лашевич и другие — высказывались за то, чтобы Ленин предстал перед буржуазным судом, дабы превратить этот суд «в суд над Алексинским, Церетели и другими». Такие же взгляды отстаивали Троцкий и Рыков. Но съезд постановил, что ни о каком

¹ Протоколы VI съезда РСДРП(б), стр. 140. Партиздат 1934.

² Там же, стр. 233.

³ Там же, стр. 233—234.

⁴ Там же, стр. 32.

МАНИФЕСТЪ

Российской Соц.-Демокр. Рабочей Партии.

Мы всея трудящихся, во всея рабочимъ, солдатимъ и крестьянамъ России.

Товарищамъ!

Въ настоящее время Россия переживаетъ величайшую революционную эпоху. Вспыхнувшая революция, охватившая всю Европу, достигла в России своего апогея. В течение нескольких месяцев мы пережили ряд величайших событий: свержение самодержавия, провозглашение республики, образование Временного правительства, переход власти к рабочим и крестьянам, образование Советского правительства. Эти события свидетельствуют о том, что в России началась новая эра в истории народа.

В течение нескольких месяцев мы пережили ряд величайших событий: свержение самодержавия, провозглашение республики, образование Временного правительства, переход власти к рабочим и крестьянам, образование Советского правительства. Эти события свидетельствуют о том, что в России началась новая эра в истории народа.

В течение нескольких месяцев мы пережили ряд величайших событий: свержение самодержавия, провозглашение республики, образование Временного правительства, переход власти к рабочим и крестьянам, образование Советского правительства. Эти события свидетельствуют о том, что в России началась новая эра в истории народа.

Шестой Съездъ Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии (Большевики)
Изданъ въ Петроградѣ 21/10/17 г.

Манифест VI с'езда РСДРП(б). 1917 год.

беспристрастном суде над Лениным не может быть и речи, что явка его на суд означала бы гнусную расправу буржуазии с вождем мирового пролетариата. Поэтому с'езд решительно высказался за то, что Ленин не должен отдавать себя в руки правительства Керенского, и предложил Владимиру Ильичу оставаться в подполье.

Буржуазии не удалось поймать Ленина и убить его. Вождь партии и мирового пролетариата был сохранен для революции. И в этом величайшая заслуга товарища Сталина. Именно он, как никто, решительно высказывался против явки на суд. Товарищ Сталин прятал Ленина глубже в подполье, охраняя его от ищек Временного правительства.

VI с'езд, заслушав доклад об экономическом положении страны, вынес резолюцию, в которой дал целую программу экономических мероприятий по поднятию разрушенного народного хозяйства. Констатируя, что вследствие преступного хозяйничанья капиталистов «страна уже падает в бездну окончательного экономического распада и гибели», с'езд указал пути восстановления производительных сил страны.

«Необходимо, — говорится в резолюции с'езда, — вмешательство в область производства в целях планомерного урегулирования производства и распределения, а также необходима национализация и централизация банкового дела, национализация ряда синдицированных предприятий... Организация правильного обмена между городом и деревней, опирающегося на кооперативы и на продовольственные комитеты... Установление действительного рабочего контроля... отмена коммерческой тайны... правильное распределение рабочих сил... введение всеобщей трудовой повинности...»¹ и так далее.

Но проведение в жизнь всех этих экономических мероприятий возможно, как указывается в резолюции, только при условии перехода государственной власти в руки пролетариев и полупролетариев.

По вопросу об империалистической войне, продолжаемой Временным правительством и одобряемой партиями меньшевиков и эсеров, VI с'езд вынес резолюцию, в которой говорится:

¹ Протоколы VI с'езда РСДРП(б), стр. 242—243. Партиздат. 1934.

«Единственным способом действительно демократической ликвидации войны для международного пролетариата является поэтому завоевание им власти, а в России завоевание ее рабочими и беднейшим крестьянством»¹.

VI съезд принял резолюцию о профессиональных союзах, в которой подчеркивалось, что профессиональные союзы являются боевыми классовыми организациями пролетариата, что борьбу за социализм они должны вести в тесном, органическом сотрудничестве с большевистской партией, под ее руководством.

Придавая огромное значение рабочей молодежи в борьбе за диктатуру пролетариата и за построение социализма, съезд в специально принятой резолюции вменял партийным организациям в обязанность уделить делу организации молодежи и работе с ней «максимум внимания», подчиняя ее идейно партии.

VI съезд принял в партию группу «межрайонцев» во главе с Троцким. Эта группа состояла из меньшевиков-интернационалистов и нескольких бывших большевиков, ранее отколовшихся от партии. Она объединилась в 1913 году в особую организацию в Петербурге, возглавляемую Межрайонным комитетом. Межрайонцы были центристской организацией, которая была против большевистской борьбы с оппортунизмом на два фронта. Во время империалистической войны межрайонцы были за единство с оборонцами и боролись против большевиков, ведших непримиримую борьбу с социал-шовинистами. Межрайонцы осуждали лозунг большевиков — превращение империалистической войны в гражданскую. Они не признавали политики, рассчитанной на поражение царского правительства в империалистической войне. Они отрицали возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране. В 1917 году руководителями межрайонной организации были Троцкий, Луначарский, Юренев, Иоффе, Володарский, Урицкий и др.

¹ Протоколы VI съезда РСДРП(б), стр. 238. Партиздат. 1934.

К лету 1917 года межрайонцы под влиянием развивающейся революции приблизились к позиции большевиков. Они порвали с оборонцами и повели против них борьбу. Они высказались за лозунг «Вся власть Советам!», за превращение империалистической войны в гражданскую, за немедленное предложение советским правительством мира на основе полного самоопределения народов и отказа от аннексий и контрибуций.

На VI съезде межрайонцы заявили, что принимают установки большевиков по всем основным программным и тактическим вопросам, и на этом основании съезд принял их в ряды большевиков.

Таким образом, оказался в большевистской партии и Троцкий. Однако, как позже выяснилось, Троцкий обманном путем пролез в партию. На деле он лишь на время «спрятал в шкаф», по выражению товарища Сталина, свой меньшевистский груз с тем, чтобы в каждый удобный для себя момент извлекать его для борьбы с партией. Это он делал неоднократно, пока, наконец (в 1927 году), превратившись в открытого контрреволюционера, не был изгнан из рядов ВКП(б) и выслан за пределы СССР. Он стал одним из вдохновителей военного нападения империалистов на Страну советов, проданся фашистской контрразведке и стал организатором террористов, шпионов, диверсантов, посылаемых в СССР для убийства вождей партии и для массовых убийств стахановцев, для подрыва экономической и военной мощи родины мирового пролетариата.

VI съезд обратился ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России с «Манифестом». В этом пламенном «Манифесте» говорится:

«Но рано торжествует контрреволюция свою победу. Пулей не накормить голодных. Казацкой плетью не стереть слезы матерей и жен. Арканом и петлей не высушить море страданий. Штыком не успокоить народов. Генеральским окриком не остановить развала промышленности.

Работают подземные силы истории. В самых глубинах народных масс зреет глухое недовольство. Крестья-

нам нужна земля, рабочим нужен хлеб, и тем и другим нужен мир. По всему земному шару залетали уже буревестники...

В эту схватку наша партия идет с развернутыми знаменами. Она твердо держит их в своих руках и не склоняет перед насильниками и грязными клеветниками, перед изменниками революции и слугами капитала. Она впереди будет держать их высоко, борясь за социализм, за братство народов. Ибо она знает, что грядет новое движение и настает смертный час старого мира.

Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»

VI съезд большевиков нацелил партию на вооруженное восстание. Все его решения были направлены на подготовку пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию. Это был съезд боевой подготовки Великой октябрьской социалистической революции. Товарищ Сталин, осуществляя дело Ленина, мобилизовал партию на свержение Временного правительства и захват власти пролетариатом. Партия вышла со

Дом, в котором происходили последние заседания VI съезда РСДРП(б). Петроград, 1917 год.

съезда еще крепче спаянной, готовой к боям за диктатуру пролетариата. Избранный на съезде Центральный комитет партии во главе с Лениным и в составе Сталина, Свердлова, Дзержинского и других обеспечил победу пролетариата над буржуазией. 7 ноября (25 октября) героическим натиском петроградских рабочих, петроградского гарнизона и матросов Балтийского флота, поднятых на восстание и руководимых ЦК большевистской партии и непосредственно Лениным и Сталиным, было свергнуто буржуазное Временное правительство и установлена диктатура пролетариата.

Ю. Полевой

Вторая петроградская общегородская конференция РСДРП(б) (июль 1917 года)

1

1 (14) июля 1937 года исполнилось 20 лет со дня созыва второй общегородской петроградской конференции большевиков. Она происходила в бурные июльские дни, события которых отделяют два различных периода в развитии и подготовке Великой октябрьской революции.

Период между I, апрельской, и II, июльской, 1917 года петроградскими общегородскими конференциями является периодом борьбы петроградских большевиков за создание политической армии революции, за сплачивание петроградского пролетариата, солдат и матросов вокруг нашей партии, вокруг исторических апрельских тезисов Ленина.

Петроградская организация большевиков, воспитанная, как и вся наша партия, на долголетней непримиримой борьбе со всеми врагами рабочего класса, со всяческими разновидностями оппортунизма, с первых дней февральско-мартовской революции заняла твердую ленинскую позицию, разгромив «левых» и правых оппортуни-

стов в своих рядах. Огромная, историческая роль в этом принадлежит товарищу Сталину. Им была оказана Петроградской организации большая помощь по сплачиванию и организации петроградских большевиков и широчайших масс пролетариата вокруг ленинских лозунгов.

С первого дня своего приезда из далекой сибирской ссылки товарищ Сталин, руководя в качестве члена ЦК работой всей партии, оказывал повседневную личную помощь Петроградской организации. Благодаря товарищу Сталину и его соратникам, тт. Молотову, Косиору и другим, Петроградская организация пришла уже к своей I, апрельской, конференции монолитной и сплоченной, готовой до конца бороться за дело Ленина.

Решение о созыве II общегородской конференции было принято на экстренном заседании Петроградского комитета большевиков 20 июня 1917 года.

Демонстрация 18 июня показала исключительные успехи большевиков в их борьбе за безраздельное руководство массами трудящихся. Наступление на фронте, затеянное буржуа-

зией главным образом в целях установления военной диктатуры в стране, усилило наступление контрреволюции. Под предлогом мобилизации всех сил на борьбу с внешним врагом буржуазия начала создавать различные контрреволюционные организации: «Военную лигу», «Союз воинского долга», «Единение, честь родины, порядок» и др. Деятельность этих организаций проявлялась в устройстве шовинистических, погромных манифестаций, в избиении рабочих, солдат, матросов, в разгроме партийных и других общественных рабочих организаций. На окраинах Петрограда произошел ряд провокаций — стычек юнкеров и прапорщиков с рабочими и солдатами. Под предлогом отправки на фронт войсковых частей Временное правительство приступило к разоружению и расформированию полков. Возмущение солдат, особенно в 1-м пулеметном полку, нарастало с каждым днем. Делегаты происходившей в те дни всероссийской военной конференции большевиков вынуждены были часто прерывать работу конференции, чтобы на митингах удерживать солдат и матросов от несвоевременных выступлений. Особенно сильным было возмущение рабочих Путиловского завода, вызванное отказом союза промышленников и фабрикантов подписать тарифный договор, составленный профессиональным союзом рабочих-металлистов.

Большевистская фракция ВЦИК экстренно внесла и огласила на заседании ВЦИК (22 июня) заявление¹, в котором указывала на рост и активизацию контрреволюционных групп, на их провокационные выступления. В этом заявлении фракция большевиков предупреждала, что требование Временного правительства к 1-му пулеметному полку — сдать в течение 7 дней пулеметы и выступить на фронт (требование сопровождалось угрозами принять вооруженные меры в случае неповиновения) — вызвало огромное возмущение солдат.

Далее, в заявлении говорилось, что отказ Временного правительства удовлетворить экономические требования

40-тысячной массы рабочих Путиловского завода, с которыми солидаризировался весь революционный Петроград, может каждую минуту привести к выступлению всех петроградских рабочих. Большевики запрашивали ВЦИК о принятых им мерах пресечения провокационных выступлений со стороны контрреволюции.

В тот же день, 22 июня, на совместном совещании членов ЦК, ПК и военной организации с докладом о росте и активизации контрреволюции и о мерах борьбы с ней выступил товарищ Сталин.

Рассказав о целом ряде провокационных выступлений юнкеров и прапорщиков на окраинах Петрограда, товарищ Сталин сообщил о поданном во ВЦИК заявлении большевистской фракции и о дальнейших мероприятиях по борьбе с поднявшей голову контрреволюцией.

На другой день после выступления товарища Сталина большевистская фракция Петроградского совета выработала и опубликовала декларацию под названием «Ближайшие практические шаги для борьбы с контрреволюцией». В этой декларации большевики требовали прекращения вывода революционных войск из Петрограда, ареста руководителей открытой и тайной контрреволюции, закрытия погромных газет, обеспечения для большевиков полной свободы агитации в войсках, удовлетворения экономических требований петроградских рабочих и работниц и т. п.

Между тем Временное правительство своей политикой наступления на фронте еще больше запутывало положение; голод надвигался все стремительнее; экономический кризис в стране обострился до крайних пределов.

Организуя локауты, буржуазия выбрасывала на улицу сотни рабочих. Настроение в районах и на окраинах города становилось с каждым днем все более тревожным.

На заседаниях ПК представители партийных организаций районов указывали, что удерживать массы от несвоевременных выступлений становится все труднее. Для обсуждения создавшегося положения решено было созвать экстренную конференцию.

¹ См. газету «Правда» № 89 от 6 июля (23 июня) 1917 года.

Экстренная общегородская конференция большевиков открылась 1 июля во дворце Кшесинской, в помещении большевистского солдатского клуба «Правда». На конференции присутствовало 143 делегата, представлявших 32 220 членов партии. Конференция утвердила следующий порядок дня: 1) доклад ЦК, 2) текущий момент, 3) съезд партии, 4) организационная и агитационная работа ПК, 5) работа в районных и центральной городских думах, 6) профессиональное движение, 7) организация молодежи, 8) милиция и Красная гвардия.

Доклад ПК на конференции показал чрезвычайно интересную картину состояния Петроградской организации большевиков накануне и в момент июльских дней.

За два с половиной месяца, прошедших со времени апрельской конференции, Петроградская организация большевиков выросла вдвое (с 16 000 до 32 220 членов партии). Под руководством Центрального комитета партии и при непосредственной помощи товарища Сталина Петроградская организация большевиков за это время развернула огромную организационно-воспитательную работу в массовых организациях пролетариата и среди солдат.

Сильно возросло влияние партии среди членов профессиональных союзов Петрограда. Крупнейшие организации, как союз металлистов (он насчитывал в это время до 100 тысяч членов), союз ткачей (20 тысяч членов), союз деревообделочников (свыше 15 тысяч членов) и многие другие, к моменту июльских событий стояли на стороне большевиков. Большинство фабрично-заводских комитетов Петрограда уже к концу мая — началу июня было завоевано большевиками. Об этом свидетельствует петроградская конференция фабзавкомов (30 мая — 3 июня). Все резолюции, принятые конференцией, были большевистскими. Важнейшая резолюция — об экономических мерах борьбы с разрухой¹, требующая передачи всей государственной власти в руки советов и установления действительного рабочего контроля над производством и распре-

¹ Ленин. Т. XX, стр. 422 — 424.

делением продуктов, — была принята 297 голосами против 21. Из общего количества 430 делегатов 361 были на стороне большевиков.

В Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов уже к концу мая большевики получили половину мест в рабочей секции совета и 25% мест в солдатской секции, причем в крупнейшем районе города (Выборгском) совет был целиком завоеван большевиками. Большую победу одержали большевики и на выборах в районные думы, где влияние кадетов и эсеров было особенно сильным. На этих выборах за большевистских кандидатов было подано 160 тысяч голосов.

Большую работу провели большевики по завоеванию влияния в армии. Созданные при Центральном и Петроградском комитетах, а затем и в других городах военные организации большевиков сыграли в этом деле исключительную роль: уже к концу апреля половина петроградского гарнизона была на стороне большевиков. На демонстрациях, состоявшихся 18 июня, 3 и 5 июля, подавляющее большинство полков петроградского гарнизона и матросы шли с большевистскими лозунгами, под большевистскими знаменами. В деле агитации и пропаганды среди солдатских масс активную роль сыграла большевистская «Солдатская правда», издававшаяся в Петрограде исключительно на средства рабочих тиражом в 50 тысяч экземпляров. Петроградские пролетарии не жалели средств на печатание и распространение литературы среди солдат. Одни только рабочие заводы «Лесснер» дали 33 тысячи рублей на бесплатное распространение газет и литературы среди солдат.

Большое значение в деле политического воспитания солдат и матросов имел также созданный военной организацией ЦК солдатский клуб «Правда». В нем изучалась программа партии, систематически читались лекции, газеты, статьи Ленина и Сталина и т. д. Клуб насчитывал до 4 тысяч членов, которые, не будучи членами партии, были в то же время очень близки к ней.

Большого внимания заслуживают отчетный доклад ПК и прения об аги-

тационной и пропагандистской работе ПК (докладчик — Володарский). В центре доклада и прений был вопрос о кадрах агитаторов и пропагандистов.

Рост политической сознательности и активности масс, громадный авторитет большевистских агитаторов и пропагандистов среди рабочих, солдат и матросов требовали организации школ, кружков, агитаторских курсов, агитационно-пропагандистских коллегий и т. д. Конференция наметила ряд мероприятий по подготовке низовых партийных кадров.

Районный партактив объединялся в районные агитколлективы, задачей которых было удовлетворять требования на агитаторов и докладчиков для проведения докладов, лекций и т. д. При ПК существовала центральная агитационно-лекторская группа, которая обслуживала крупнейшие митинги, курсы агитаторов, лекторов и т. д.

Вторым исключительным по своей важности вопросом повестки дня был вопрос о созыве VI съезда партии. Докладывая конференции о решении ЦК созвать съезд партии, Яков Михайлович Свердлов подчеркнул исключительное значение VI съезда, которому предстояло обобщить громадный опыт революционных выступлений масс и партийного строительства, накопленный партией за бурные месяцы революции. Указав на громадное значение вопросов, подлежащих обсуждению на съезде, докладчик призвал партийную организацию Петрограда немедленно начать подготовку к съезду. В прениях по докладу делегаты единодушно подчеркивали огромное значение предстоящего VI съезда, решения которого должны были стать лозунгами для всей многотысячной партии.

VI съезд партии, как известно, целиком оправдал надежды петроградского пролетариата, направив партию на путь вооруженного восстания.

Следующим весьма важным вопросом работы конференции был доклад Н. К. Крупской «О союзе рабочей молодежи».

В своем докладе тов. Крупская отметила, что переживаемые революционные события явились базой, на которой выросла в Петрограде органи-

зация молодежи. Указав на необходимость самого тесного контакта в работе между партией и организацией молодежи, тов. Крупская четко поставила вопрос о беспартийности молодежных организаций и о помощи и руководстве ими со стороны партии. Установка на создание чисто пролетарских организаций молодежи, связанных с Интернационалом молодежи, принятая на конференции, легла в основу постановки вопроса о молодежи и на VI съезде партии.

Горячему обсуждению подвергся на заседании конференции вопрос об отдельном печатном органе ПК.

Ленин резко отрицательно относился к идее издания отдельного органа ПК. Это видно из его речи на заседании ПК от 30 мая, на которое он явился, чтобы лично мотивировать ненужность и вредность в тот ответственный момент отдельного органа ПК.

После того как голоса на заседании ПК по этому вопросу раскололись (14—за и 14—против), Владимир Ильич в письме к районным комитетам Петроградской организации от 31 мая (13 июня) 1917 года писал:

«По моему убеждению, особая газета ПК принципиально не нужна, ибо в столице, в силу ее руководящего значения для всей страны, нужен один орган партии, именно ЦО, и популярная газета, составляемая особенно популярно, должна быть под той же редакцией.

Особый орган ПК неизбежно затруднит полное согласие в работе, может быть, даже породит различие линий (или оттенков линий), а вред от этого, особенно в революционное время, — будет очень велик»¹.

Противоположную Ленину точку зрения отстаивал на конференции выступивший по этому вопросу Томский, ставший впоследствии наряду с Рыковым и Бухариным одним из главарей правых реставраторов капитализма в СССР вместе с бандой Троцкого и Зиновьева, занимающихся шпионажем, диверсией и террором в пользу гер-

¹ «Вторая и Третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 года», стр. 137. Ленинградский истпарт. Гиз. 1927.

В. И. Ленин.

1917 год.

мано-японского фашизма. Известно, что еще раньше, в годы столыпинской реакции и оформления большевиков в самостоятельную партию, Томский вместе с Каменевым и Рыковым принесли партии много вреда тем, что боролись против Ленина, добиваясь примирения с ликвидаторами, с Иудой-Троцким, которому они оказывали услуги в его борьбе против большевиков.

Во время подготовки Октября Томский продолжал свои нападки на Ленина, на ленинский ЦК, солидаризируясь с Рыковым и Бухариным, которые в период Октябрьской революции вместе с Троцким, Каменевым и Зиновьевым стояли на меньшевистско-троцкистских позициях отрицания возможности победы социалистической революции в России.

После оглашения на конференции письма Ленина к районным комитетам и после ряда выступлений членов ПК Томский в заключительном слове по своему докладу произнес антипартийную, клеветническую речь по адресу ЦК и Ленина.

Он выразил недоверие ЦК, пытался противопоставить Центральному комитету Петроградский комитет.

Делегаты конференции дали решительный отпор этому антипартийному, клеветническому выступлению Томского.

Попытка противопоставить Центральному комитету Петроградский комитет Томскому не удалась. Хотя конференция и высказалась за создание отдельного печатного органа, но подчеркнув то, что в составе его редакции в большинстве должны быть члены ЦК, она тем самым подчинила, по существу, полностью новый печатный орган Центральному комитету партии.

На конференции обсуждался и муниципальный вопрос. Кампании выборов в районные и городские думы имели большое значение как один из путей завоевания масс, создания политической армии революции. В этих кампаниях непосредственное руководство товарища Сталина работой не только ПК, но и районных комитетов оказало Петроградской организации огромную помощь.

Еще 10 (23) мая на заседании ПК товарищ Сталин призвал Петроградский комитет взять крепко в свои руки работу по выборам в районные думы, используя для этого все наличные партийные силы. В номерах от 21, 24 и 26 мая «Правда» напечатала большую статью товарища Сталина — «Муниципальная кампания». В этой статье товарищ Сталин дал глубокий и вместе с тем популярный и понятный для самых отсталых масс анализ сущности политических партий и групп, подвизавшихся в то время на политической арене. Со свойственной ему непримиримой ненавистью к врагам трудящихся товарищ Сталин показывал массам контрреволюционную сущность этих буржуазных организаций. Товарищ Сталин вскрыл перед массами сущность кадетской партии, величавшей себя партией «народной свободы» и являвшейся центром тяготения контрреволюционных сил, и разоблачил прикрывающихся фразами о свободе и социализме меньшевиков и эсеров, тормозящих революцию и облегчающих дело контрреволюции. Давая характеристику различным беспартийным группам, выставившим своих кандидатов на выборах, товарищ Сталин указал, что источником их

«беспартийности» является стремление скрыть свою буржуазно-контрреволюционную сущность, поскольку открыто выступать со своей буржуазной программой им уже было невозможно. Разоблачая все эти партии и группы как антинародные, товарищ Сталин противопоставляет им нашу большевистскую партию, могущую дать и мир, и хлеб, и свободу. Товарищ Сталин указывает, что только переход власти в руки советов способен вывести страну из того тяжелого кризиса, в который ее ввергли капиталисты и соглашатели. Огромная работа товарища Сталина не пропала даром: Петроградская организация пришла к июльской конференции, завоевав новые десятки тысяч трудящихся под знамена большевистской партии.

Обсуждение на конференции итогов выборов в районные думы показало, какую огромную победу в этой области одержали большевики.

Прения по муниципальному вопросу не состоялись. После доклада Володарского было получено известие о выходе четырех кадетов из министерства и об огромном возбуждении, царившем среди солдат и рабочих города. В этот же момент на конференцию явились два представителя пулеметного полка, заявившие о решении полка выступить и о присоединении к нему других полков и заводов. От имени конференции Володарский объявил делегатам решение ЦК—не выступать.

ЦК партии, внимательно следившему за маневрами контрреволюции, было хорошо известно стремление буржуазии спровоцировать преждевременное выступление масс. Поэтому на заседании от 3 июля, происходившем в 4 часа дня, ЦК высказался против выступления. Об этом решении было сообщено пулеметчикам, делегатам конференции. Тут же было решено, что члены ЦК и делегаты конференции должны раз'ехаться по районам, чтобы довести до сведения масс решение ЦК — не выступать. Однако, как известно, возбуждение и негодование по отношению к Временному правительству были настолько велики, что массы и слушать не хотели об отказе от выступления.

И. В. Сталин.

1917 год.

В 7 часов вечера демонстранты с лозунгами «Вся власть советам!» стали подходить к особняку Кшесинской. Представители конференции напрасно убеждали солдат и рабочих: возбуждение масс все больше и больше нарастало. Становилось очевидным, что удержать массы от выступления невозможно.

3 июля, в 10 часов вечера, в особняке Кшесинской снова собрались члены ЦК, делегаты конференции и представители войсковых частей, заводов, фабрик. Было решено возглавить уже начавшееся стихийное движение масс. На 4 июля была назначена мирная демонстрация. Чтобы возглавить демонстрацию, придать ей организованный характер и не допустить ее разгрома со стороны контрреволюции, члены ЦК и делегаты конференции вновь раз'ехались по фабрикам и заводам.

В нашу задачу не входит описание самих июльских событий¹; остановимся лишь на той работе, которая в эти бурные дни была проделана делегатами конференции.

Работа эта была огромной. На контрреволюционную вакханалию по-

¹ См. об этом статью П. Галкиной в предыдущем номере «Исторического журнала».

В. М. Молотов.

1917 год.

громов, арестов и убийств, на закрытие большевистских газет, разгром революционных организаций пролетариата, расформирование полков, черносотенную свистопляску, поднятую всей кадетско-эсеро-меньшевистской прессой против большевиков и великого пролетарского вождя товарища Ленина, большевики ответили исключительной выдержкой, сплоченностью и усилением связи с массами. Под руководством товарища Сталина делегаты конференции непрерывно выступали на заводах, фабриках и в военных частях. В ответ на кадетско-эсеро-меньшевистскую ложь общегородская Петроградская конференция большевиков приняла написанное товарищем Сталиным воззвание «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда». Это воззвание, обнародованное 24 июля, в дни работы конференции, большевистской газетой «Рабочий и солдат» (№ 2) и опубликованное 1 августа вторично по требованию рабочих и солдат (№ 6 той же газеты), сыграло исключительную роль в деле разоблачения контрреволюции и разъяснения массам

исторического значения июльских событий.

В воззвании указывалось, что июльские события были вызваны банкротством политики Временного правительства и соглашательских партий, которые своими контрреволюционными действиями, особенно политической наступления, довели страну до полного истощения. Перед соглашательскими партиями и Временным правительством, потерявшими авторитет как среди «отечественной», так и среди «союзной буржуазии», открылись два пути: либо путь продолжения войны и передачи всей власти в руки контрреволюции либо путь дальнейшего развития революции, перерастания ее в социалистическую. «Демонстрация 3—4 июля, — говорится в воззвании, — является призывом рабочих и солдатских масс, обращенным к социалистическим партиям, — стать на второй путь, на путь дальнейшего развития революции.

В этом ее политический смысл и величайшее историческое значение»¹.

Воззвание, вскрывая всю бездну падения соглашательских партий, их полный и открытый переход в лагерь контрреволюции, горячо призывало рабочих сплываться под знаменами большевистской партии: «Помните, что в тяжелые минуты июльских дней, когда враги народа стреляли в революцию, партия большевиков была единственная, которая не покинула рабочих кварталов. Помните, что в те тяжелые дни меньшевики и эсеры были в лагере тех, которые громили и разоружали рабочих»².

Воззвание заканчивалось обращением к крестьянам и солдатам, призывая первых сплываться вокруг рабочих, а вторых — быть всегда с народом и бороться в его рядах.

3

Общегородская конференция, прерванная июльскими событиями, возобновила свою работу 16 (29) июля

¹ И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 73—74.

² «Вторая и Третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 года», стр. 105.

в помещении Выборгского райкома партии.

Основным содержанием дельнейшей работы конференции были два доклада товарища Сталина: политотчет ЦК и доклад о текущем моменте.

В своем первом докладе товарищ Сталин дал глубокий марксистско-ленинский анализ июльских событий и наметил ближайшие задачи, вставшие перед партией в связи с ними. Отметая клеветнические обвинения со стороны меньшевиков и эсеров в устройстве «заговора большевиков в целях захвата власти», товарищ Сталин охарактеризовал положение в стране накануне июльских событий.

Остановившись на огромном возмущении народных масс, вызванном поднявшей голову контрреволюцией, товарищ Сталин подчеркнул, что ЦК, следя за маневрами контрреволюции, был против выступления, но когда стало ясно, что удержать массы от него нельзя, ЦК без колебаний возглавил его.

Развертывая перед делегатами конференции яркую картину дальнейших событий, товарищ Сталин подчеркнул, что характерной особенностью этих событий является полный переход мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров в лагерь контрреволюции. Смена двоевластия — Временного правительства и советов — единовластием буржуазии. «Первый признак всякой контр-революции — разоружение рабочих и солдат, — говорил товарищ Сталин. — У нас эту черную контр-революцию проделали руками Церетели и др. «министров-социалистов» из Центрального Исполнительного Комитета». Далее, товарищ Сталин указал на ближайшие задачи партии:

«Наша задача — собрать силы, укрепить существующие организации и удерживать массу от преждевременного выступления. Контр-революции выгодно вызвать нас сейчас на бой, но мы не должны поддаваться сейчас на провокацию, мы должны проявить максимум революционной выдержки. Это общая тактическая линия Центрального Комитета»¹.

¹ И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 86.

К. Е. Ворошилов.

1917 год.

Делегаты конференции в своих выступлениях единодушно одобрили линию Центрального комитета, подчеркивали исключительный в стране рост влияния нашей партии, наличие бодрого настроения среди петроградского пролетариата и его сплоченность.

Делегат Выборгского района рассказал о том, что на всех заводах, кроме Металлического, настроение складывается в пользу большевиков, влияние которых все усиливается. Настроение рабочих в районе бодрое. Наблюдается приток в партию новых членов. Работа идет интенсивно; ведутся кампании против травли большевиков, против закрытия газеты «Правда». Собирают подписи протеста против травли Ленина.

Делегат 1-го городского района также сообщил о повышающейся активности на районных собраниях, о хорошем настроении на заводах.

О том же заявлял и делегат Рождественского района: «...настроение в районе ровное, замечается тоска по большевистской литературе. В трамвайном парке были перевыборы, прошел вместо эсера, получившего около 150 голосов, большевик, получивший

М. Н. Катицин.

1917 год.

около 400 голосов. На других заводах интерес к большевикам усиливается»¹.

Представитель Латышского района заявил: «Латыши всюду идут за большевиками».

Делегат 2-го городского района в своем выступлении сообщил, что рабочие начали собирать денежные взносы на восстановление разгромленных учреждений партии. «На Франкорусском заводе, — говорил он, — мы получили при перевыборах $\frac{2}{3}$ всех голосов. Оказались выбранными 14 большевиков в районный совет и 7 большевиков в общегородской совет»².

Блестящий доклад о текущем моменте товарища Сталина, в основу которого он положил ленинскую статью «Три кризиса», занял на конференции одно из основных мест.

Обратив внимание делегатов конференции на основные причины, вызвавшие кризис власти 3—4 июля, товарищ Сталин в своем анализе текущих событий выделил три основных фактора:

¹ «Вторая и Третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 года», стр. 63.

² Там же, стр. 64.

«1) недовольство рабочих и солдат правительством, для которых политика правительства была слишком правой;

2) недовольство правительством крупной буржуазии, считающей политику правительства слишком левой, и

3) неудачи на фронте»³.

Анализируя причины временной победы контрреволюции, товарищ Сталин указал на колебание мелкобуржуазной массы, составлявшей тогда большинство населения страны, на полный переход эсеро-меньшевистских советов на сторону контрреволюции, на превращение их в привесок буржуазной контрреволюции, исполняющей в свою очередь волю иностранного капитала.

Говоря о перспективах дальнейшего развития революции, товарищ Сталин подчеркнул, что так как ни один из коренных вопросов революции не может быть решен Временным правительством, то кризисы в стране будут повторяться, все больше обостряясь, в силу чего будут происходить все более и более решительные бои.

«Мирный период развития революции кончился. Настал новый период, период острых конфликтов, стычек, столкновений»⁴, — со всей настойчивостью подчеркивал товарищ Сталин то новое, что в дальнейшем определяло тактику большевиков, о чем он говорил также на VI съезде партии.

Указывая на полный союз эсеров и меньшевиков с контрреволюцией, товарищ Сталин подчеркнул, что всякие попытки в таких условиях наладить какие бы то ни было отношения с меньшевиками являются величайшим преступлением перед революцией, что это равносильно протягиванию руки контрреволюции.

«Теперь мы должны самым решительным образом отвергать план единения с союзниками контр-революции, у которых руки в крови рабочих и солдат»⁵, — говорил товарищ Сталин.

Товарищ Сталин подчеркнул, что переход эсеро-меньшевистских советов на сторону контрреволюции по-

³ И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 90. Гиз. 1925.

⁴ Там же, стр. 93.

⁵ Там же, стр. 94.

требует нового подхода к лозунгу «Вся власть советам!» «Можем ли мы остаться при старом лозунге: «вся власть Советам»? Само собой нет. Передавать власть Совету, который на деле молчаливо идет рука об руку с буржуазией, значит работать на своего врага»¹.

Однако это не означало отказа от лозунга «Вся власть советам!»

«Форма власти, — говорил, далее, товарищ Сталин о лозунге, — остается старой, но классовое содержание этого лозунга мы изменяем, мы говорим языком классовой борьбы: вся власть в руки рабочих и беднейших крестьян, которые проведут революционную политику»².

Товарищ Сталин указал, что с этого момента партия только за те советы, где будет ее большинство, и что только создание таких советов становится непосредственной задачей партии, так как передача власти советам, заключившим союз с контрреволюцией, стала невозможна. «Обобщая все мною вышесказанное, повторяю: мирный путь революции кончился, так как революция вступила на путь социалистической революции, мелкая буржуазия, кроме беднейших слоев крестьянства, контр-революционна, поэтому лозунг: «вся власть Советам» для данного момента устарел»³.

Товарищ Сталин в своем докладе много раз подчеркивал основную мысль о необходимости и неизбежности перехода революции к вооруженной борьбе.

В заключительном слове товарищ Сталин особенно выделил вопросы, связанные с троцкистским, контрреволюционным искажением понимания диктатуры пролетариата. Высказанное одним из делегатов в прениях по докладу товарища Сталина положение, в котором подменялась диктатура пролетариата диктатурой партии, было подвергнуто резкой критике со стороны товарища Сталина. Критикуя это положение, товарищ Сталин попутно дал классическое определение классовой сущности беднейшего кре-

Я. М. Свердлов.

1918 год.

стьянства — определение, раскрывающее содержание этого понятия и объясняющее, почему беднейшее крестьянство является союзником пролетариата на социалистическом этапе революции.

Выступавший с такими искажениями делегат «под диктатурой пролетариата понял диктатуру нашей партии, мы же говорим о диктатуре класса, ведущего за собой беднейшие слои крестьянства, т.-е. не кристаллизованных еще пролетариев»⁴.

Учитывая особое, решающее значение для партии теоретической ясности в понимании вопроса о диктатуре пролетариата, товарищ Сталин остановился на этом вопросе более подробно. С гениальной простотой истинного вождя пролетарской партии товарищ Сталин вскрывает основной методологический порок троцкистско-меньшевистского подхода к вопросу диктатуры пролетариата, заключающийся в непонимании диалектики, в механицизме:

¹ И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 96.

² Там же.

³ Там же, стр. 98—99.

⁴ «Вторая и Третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 года», стр. 76.

«Товарищи, говорящие о том, что диктатура пролетариата невозможна потому, что пролетариат составляет меньшинство населения, понимают силу большинства механически»¹.

И, далее, по-ленински применяя диалектический метод, товарищ Сталин на примере советов наглядно показал, в чем сила пролетариата, научно, с присущей ему простотой обосновал революционную перспективу широчайших масс рабочего класса, перспективу их борьбы за диктатуру пролетариата, за социализм.

«Ведь и советы представляют собой только 20 миллионов организованных ими элементов, но благодаря своей организованности ведут за собой население»², — говорил товарищ Сталин, подчеркивая таким образом, что на организованность пролетариата и особенно на новом этапе должно быть обращено неослабное внимание партии.

Останавливаясь на выступавших в прениях, товарищ Сталин четко поставил вопрос о движущих силах революции на втором, социалистическом ее этапе. «В деревне происходит борьба и параллельно существующим организациям крестьянства создаются новые самочинные. На поддержку этих поднимающихся кверху беднейших слоев крестьянства мы и рассчитываем»³, — говорил товарищ Сталин, определяя основного союзника пролетариата.

Далее, конференция обсудила два весьма важных вопроса: перевыборы Петроградского совета и перевыборы в Петроградскую центральную городскую думу.

Вопрос о подготовке и руководстве перевыборами Петроградского совета был одним из важнейших вопросов: это был вопрос о завоевании совета столицы большевиками, вопрос о завоевании единого, нераздельного руководства массами.

Между тем на отдельных заводах,

¹ «Вторая и Третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 года», стр. 77.

² Там же.

³ Там же.

как указывал на это в докладе товарищ Сталин, некоторые организации, особенно меньшевиков — межрайонцев, пытались сверху наладить союз меньшевиков и большевиков. Потеряв авторитет среди широких масс, меньшевики и эсеры непрочь были прикинуты союзниками большевиков, чтобы пролезть таким образом при новых перевыборах в советы и другие выборные органы. Разоблачая их маневр, товарищ Сталин предупредил делегатов конференции, чтобы они не попались на эту удочку. «Это замаскированная форма разгрома большевиков, — говорил он, — потому что союзом с оборонцами вы погубите революцию»⁴.

Вместе с тем, учитывая падение влияния на рабочие массы меньшевистской и эсеровской партий и отход этих масс на интернациональные позиции, товарищ Сталин предложил осуществлять на фабриках и заводах союз снизу с теми рабочими из партии меньшевиков, которые безоговорочно выступают против Временного правительства и предательской политики вождей мелкобуржуазных партий.

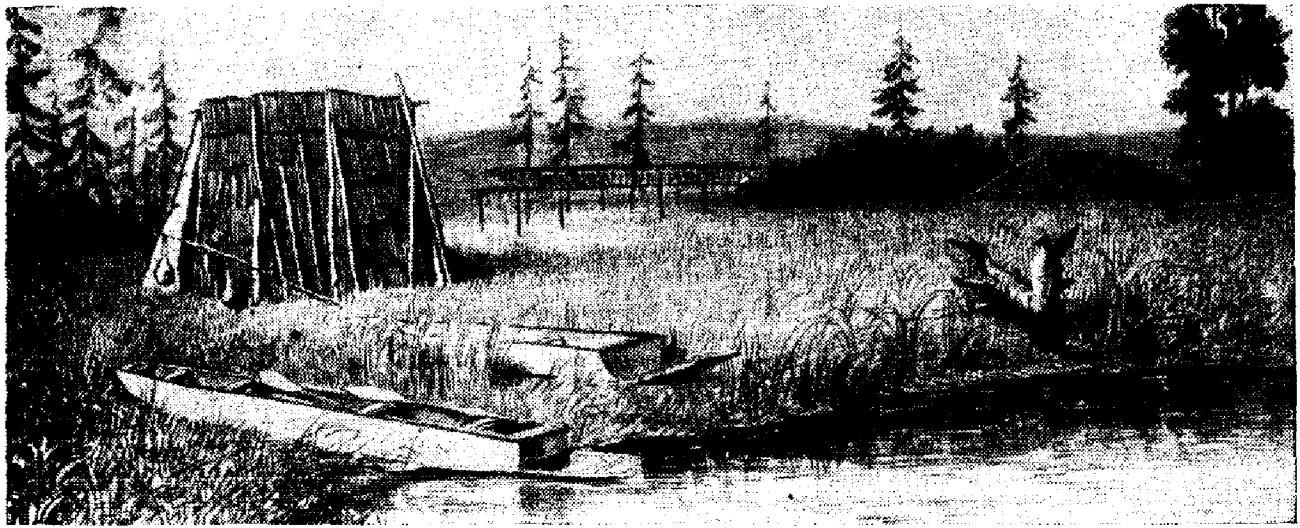
Историческое значение II общегородской петроградской конференции очень велико. Конференция была подготовкой к историческому VI съезду партии большевиков, который под руководством находившегося в подполье Ленина и под непосредственным руководством товарища Сталина направил нашу партию на путь вооруженного восстания.

Историческая роль этой конференции и в том, что она сплотила вокруг партии Ленина — Сталина на борьбу за захват власти силы руководящего пролетарского центра России — силы столицы.

Наконец, огромное историческое значение эта конференция имеет благодаря той теоретической и политической работе, которую товарищ Сталин проделал на конференции в борьбе за подготовку торжества социалистической революции и диктатуры пролетариата.

⁴ И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 94.

А. Золотарев

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДОВ АМУРА

Прошлое народов Амура изучено настолько слабо, что в настоящее время сколько-нибудь связный очерк их истории дать невозможно. Источники настолько скудны, сведения настолько отрывочны, что о некоторых этапах этой истории можно сказать лишь несколько слов. Целые столетия из жизни народов Амура остаются неосвещенными. Собрать материалы и источники, способные заполнить эти пробелы, — такова задача историка-исследователя. В предлагаемом очерке мы стремимся дать общий обзор истории народов Амура, оставляя в стороне проблемы источниковедения и историографии.

1

По своим климатическим и геологическим условиям Приамурский край в четвертичную эпоху представлял благоприятные условия для жизни человека; тем не менее достоверных следов палеолита здесь не найдено: древнейшие известные памятники относятся к неолитической эпохе.

На протяжении от Хабаровска до Николаевска, по берегам Амура, часто при впадении в Амур небольших речек, расположены остатки неолитических поселений, из числа которых наиболее известна стоянка на острове

Сучу, против города Мариинска. Здесь тянется длинный ряд больших круглых ям, расположенных часто на расстоянии одного метра друг от друга. Это остатки древних землянок. Они имеют в диаметре более 10 метров, глубина их достигает 2—2,5 метра. В центре каждой ямы находится небольшое возвышение, все ямы окружены по краю валом. При раскопках в ямах найдено множество осколков глиняных сосудов, изготовленных без помощи гончарного круга. Сосуды плоскодонные, с выпуклыми стенками, сильно суживающиеся к шейке. Все сосуды покрыты примитивным орнаментом в виде ямок и рядов неглубоких насечек, напоминающих отпечатки гребешка. В этих же землянках найдены плоские широкие топоры из темносерого сланца, наконечники мотыг, каменные наконечники стрел, зернотерки и грузила для сетей.

Расположение стоянок и предметы, найденные в них при раскопках, позволяют утверждать, что стоянки типа Сучу представляют собой древние поселения рыболовов (занимавшихся отчасти охотой), живших, вероятно, в условиях родового строя. Для характеристики общественных отношений приамурского населения этой эпохи могут быть использованы материалы китайских летописей, относящиеся к

народам сушень, илоу, мохэ, обитавшим в первых тысячелетиях до и после нашей эры в Манчжурии.

Сушень, илоу, мохэ — собирательные названия ряда древних племен, считающихся предками тунгусо-манчжуров. Население Амура в эпоху неолита, вероятно, входило в число народов, собирательно обозначавшихся китайскими летописями под этими названиями. Сушени жили в землянках, входом и выходом из которых служило дымовое отверстие. Занимались они охотой и рыболовством, наконечники копий и стрел делали из камня. В их обычаях много черт матриархата, их «начальники» не имели власти за пределами своего рода. Таким образом, культура этих народов во многом совпадает с культурой амурского неолита, конец которого приходится примерно на VII—VIII век нашей эры.

В VII веке нашей эры среди варварских племен Манчжурии возникло государство Бохай. Сведения о Бохай содержатся как в китайских, так и в японских источниках; тем не менее, вопрос о территориальных границах Бохайского царства остается спорным. Одни историки центром государственной жизни бохайцев считают полуостров Ляо-Дун, другие полагают, что бохайцы, состоявшие в близком родстве с корейцами, занимали долину реки Суфуна, верховье Уссури, восточную часть Гиринской провинции и Южноуссурийский край, включая окрестности Владивостока. Если последняя точка зрения верна, то мы имеем все основания предполагать, что амурские племена уже в VII—IX веках подвергались влиянию довольно высокой культуры (культуры, бесспорно, классового общества), с носителем которой они были связаны прямой водной артерией—Амур—Уссури. При этом допущении оказываются верными гипотезы, видящие в некоторых амурских древностях памятники бохайской культуры.

Китайские летописи рисуют Бохайское государство как культурную и богатую страну. Они рассказывают, что бохайцы имели в своем распоряжении сильную армию и флот и совершали набеги на южных соседей и на Японские острова. Население Бохая было знакомо с письменностью ки-

тайского образца, обучалось в школах. Неграмотным якобы не разрешалось даже вступать в брак (?). Столица бохайцев была расположена недалеко от Сан-Сина, кроме нее бохайцы имели еще четыре столицы, пятнадцать больших и шестьдесят маленьких городов. Для гражданского управления существовали чиновники, для военного — совет генералов. У бохайцев были дипломаты и послы, посещавшие японские и китайские дворы. В этой картине, конечно, немало фантазии и обычных для китайских источников того времени преувеличений. Однако бесспорно, что Бохайское государство имело немалую культуру. Об этом говорят относящиеся к эпохе Бохай памятники; найденные в Уссурийском крае (остатки городов, развалины крепостей, следы рвов, дорог, монеты, оружие и т. д.).

На Амуре памятниками этой эпохи могут считаться землянки с громадными наслоениями раковин и рыбьих костей. Здесь наряду с преобладающими орудиями из кости появляются первые следы медных изделий. В наслоениях этих же землянок найдены черепа собак и кости свиней. Известны погребения этой эпохи.

Керамика этого времени представлена чашами с узкими ножками, они имеют вид двух конусов, соединенных вершинами. Попадаются и крупные сосуды — вазы с узким горлом и необычайно широким венчиком, орнаментированном кольцевыми линиями¹.

Возможно, что к бохайской эпохе относятся Сакачи-Алянские камни и камни из Нижней Хальбу². Это большие тесаные плиты, очевидно, остатки каких-то сооружений, возведенных на берегу Амура и впоследствии разрушившихся от времени или подмытых водой. На них отчетливо видны высеченные широкой бороздкой изображения оленя и концентрические круги, очевидно, изображающие солнце. Особенный интерес представляет большой камень, стоящий на берегу Аму-

¹ Окладников «К археологическим исследованиям на Амуре». «Советская археология» № 1 за 1936 год.

² Сакачи-Алян-нанайская деревня, расположенная в 70 километрах ниже Хабаровска по течению Амура, Нижняя Хальбу—деревня, расположенная в 50 километрах ниже Комсомольска.

ра в Калиновке (Ульчский район). На нем в центре изображения находятся три человеческих лица, выполненные в своеобразной, стилизованной манере, а сверху и снизу по две лодки с многочисленными гребцами, изображенными вертикальными черточками. По своему общему облику вся композиция напоминает памятную плиту, поставленную в честь какого-нибудь похода. Это изображение, вероятно, высечено в память о походе какого-нибудь древнего народа, возможно, бохайцев, на Амур. Однако, по свидетельству китайских летописей, бохайцы уже знали письмо, в то время как на описываемых памятниках никаких следов письма не обнаружено. Гольды и ульчи приписывают эти изображения народу «хань», или «ха», что можно сопоставить с именем китайской династии Хань (202 год до христианской эры — 220 год христианской эры).

К концу Бохайского царства и к началу киданьско-чжурчженского периода относятся, очевидно, памятники раннежелезного века.

В первой половине X столетия (христианской эры) государство Бохай было низвергнуто монгольским племенем киданей. Их государство, однако, не охватывало Приамурского края, где в это время выделился род чжурчженей, или нюэ-чжи.

В 1115 году чжурчжени разбили киданей и вскоре утвердили свое господство над Северным Китаем и Кореей. Власть их простиралась до среднего течения Амура. Низовья Амура не были подвластны чжурчженям и описываются в географиях того времени как некультурная страна, населенная дикарями цзи-ли-ми. Южноуссурийский край составлял чжурчженский округ Сюйпин. На территории нынешнего Приамурского края, по показаниям китайских географов, жило несколько кланов, историческую связь которых с современным населением установить, однако, невозможно.

Более отчетливые сведения о народах Амура относятся к правлению в Китае династии Мин (1368—1644). От этого периода уцелел чрезвычайно интересный памятник — плита с надписью, на трех языках: китайском, чжурчженском и монгольском, — поставленная около кумирни, на Тыр-

ском утесе, что против впадения Амгуни в Амур. От кумирни сохранились только разбросанные то тут, то там кирпичи; большая колонна, стоявшая около кумирни, была сброшена в воду в 60-х годах прошлого столетия фанатичными и невежественными папами, а плита с надписью доставлена во Владивостокский музей. Надпись сильно пострадала, и полностью восстановить ее текст невозможно. Из сохранившихся обрывков текста можно лишь узнать, что зимой 1412 года Сын неба (т. е. китайский император) приказал придворному чиновнику Ишиха отправиться в страну Нургань и всех жителей, мужчин и женщин, пожаловать платьем и утварью, дать им хлеба и угостить их вином. Весной 1413 года Ишиха выполнил это поручение, спустившись вниз по Амуру на 25 больших лодках в сопровождении тысячи солдат. Он застал страну населенной «цзи-ли-ми и другими дикарями». «Страна их,— говорится в надписи,— не родит хлеба, не производит полотна и шолка, и жители разводят собак и диких (олений (?)) — слово стерлось). Занимаются рыболовством, питаются мясом и одеваются в шкуры и любят стрелять из лука; трудности заготовления пищи и одежды невозможно выразить»¹.

Спустя 21 год тот же Ишиха совершил, по распоряжению императора, второй поход на Амур, в честь которого поставил второй памятник, погибший при разрушении кумирни. Но надпись с него сохранилась в одной китайской географии. Из нее мы узнаем, что варвары разных стран приходили к Минскому двору, встречаем также упоминание о народе цзи-ли-ми (собирательное название для гильков, части гольдов и ульчей) и куи (айны), доступ к которым возможен только на судах. Далее, мы узнаем, что в числе местных предметов, отправленных в дань Минскому двору, были кречеты. В той же географии говорится, что Ишиха, вновь отправившись в 1432 году в страну Нургань, нашел кумирню разрушенной и тогда же вместо нее выстроил новую. Там же говорится,

¹ Попов П. «О тырских памятниках». Записки восточного отдела Русского археологического общества. Т. XVI, стр. 8. 1904 — 1905.

что Нурганьский военный округ был учрежден в 1404 году. Ежегодная дань состояла из кречетов, соболей, разных изделий, производившихся на месте. Известно также, что еще за несколько лет до этого жители страны Нургань уже приносили дань. Из всех этих сведений становится ясным, что при Минской династии была сделана попытка включить Амур в границы Китайского государства. В это время на Амуре обитали цзи-ли-ми, т. е. гиляки и гольды, а на Сахалине — айны. Дань, которой китайцы обложили нурганьцев, состояла из орлов и соболиных шкур. Взамен этой дани китайцы одаривали население одеждой и земледельческими продуктами. Китайцы пытались привить туземному населению буддизм, но буддийские проповедники появлялись на Амуре весьма редко и едва ли могли оказать глубокое влияние на быт и верования туземного населения.

Однако, очевидно, с этого времени в быт амурских аборигенов начинают проникать одежды манчжурского покроя, пшено, водка, рис, начинается торговля с манчжурскими купцами. В период правления Минской династии в Китае, как это показали археологические раскопки, по всему Амуру распространились жилища с каменными кладками. Образец этих жилищ был заимствован у манчжур. Амурские народы, по своему бытовому и хозяйственному укладу близкие камчадалам, корякам, чукчам и, следовательно, своими глубочайшими корнями связанные с коренным населением Сибири, уже в VIII—XII веках соприкоснулись с чуждой им цивилизацией. Но только в Минский период манчжуро-китайская культура оказала некоторое влияние на амурские народы, которые заимствовали у китайцев металлы, тип жилищ, покррой одежды, посуду, ряд орнаментальных мотивов. К Минской династии относятся также начало регулярных торговых сношений народов Амура с Китаем, а также ряд неудачных попыток включить Амур в китайскую административную систему.

Конец XV, весь XVI и начало XVII века не оставили нам никаких памятников, позволяющих судить о жизни народов Амура в эти времена. Объясняется это, вероятно, внутренни-

Старик-гольд.

ми смутами, сопровождавшими упадок Минской династии. Важнейшим из известных нам событий этого времени является выселение в конце XV века даурских племен из глубины Манчжурии на Амур. Таким образом, скотоводы и земледельцы — дауры — оказались в XVI—XVII веках проводниками китайско-манчжурской культуры, хотя сами китайцы почти не появлялись на Амуре.

2

О положении народов Амура в XVII веке мы узнаем уже из русских источников. По всей вероятности, русские впервые проведали о реке Амуре в 1636 году. Ватага казаков, посланная из Томска на Алдан, узнала от тунгусов, что они ведут торговлю с оседлым, земледельческим народом, живущим на реках Зее и Шилке. Тунгусы рассказывали также о реке Омуте (?), по которой также живут тунгусы, торгующие с народом, называемым натканы. Этот народ живет на Амуре, впадающем в море. Тунгусы приносят натканам соболей, в обмен получают серебро, медные котлы, стеклянный бисер, шелковые и бумажные материи, которые натканы вымени-

вают у другого народа, занимающегося земледелием и скотоводством.

Атаман Максим Перфильев узнал от витимских тунгусов, что в Даурской земле добываются медные, серебряные и свинцовые руды, а из Никанского царства¹ приходят различные товары, в том числе шолк. Рассказы тунгусов разожгли жадность казаков, толкая их на «об'ясачение Амурской земли», рисовавшейся им страной с молочными реками и кисельными берегами. Так, в одном документе второй половины XVII века говорится: «Изо всех государских сибирских городов на той Даурской земле всякий хлеб родится: рожь и яровой из единой меры родится 50 и 60 и 70 мер. А по великой реке Амуре по берегам и островам сам собою виноград растет кроме человеческого труда; в великой реке Амур, против Албазинского острога и вниз потому же рыб, белуг чистых больших, калужек, осетров, стерлядей, сазанов, лососей и всякой мелкой бесчисленно много и всякие бесчисленные ягоды родятся, иные же имени не знати. А с левой стороны великие реки Амура зело ве-

¹ Никанское царство — Китай; происходит от Ника — манчжурского названия китайцев.

ликие леса и всякого зверья без числа лесного и по рекам рыбы также много»².

Слухи о сказочных богатствах незнакомой страны толкнули письменного голову Василия Пояркова отправиться в Амурский край. Летом 1643 года он в сопровождении 130 промышленников и казаков поднялся по рекам Лене, Алдану, Учуру и Гону. Застигнутый морозами, Поярков оставил 40 человек на Гоне, а с остальными перевалил пешком через Становой хребет в долину реки Бранды, по которой дошел до Зеи. Двигаясь вниз по Зее, он достиг реки Умлекана «где жил даурский князец Доптыул с родом своим, а роду его 15 человек... Даурского князьца Доптыула Кенчулаева он, Василий, поймал в аманаты, и его Доптыула Кенчулаева он, Василий, спрашивал про Зею и про Шилку-реку и про сторонние речки, кои впади в Зею и в Шилку-реку и какие по тем речкам люди живут и дают ли они кому ясак с себя и про серебряную и медную и свинцовую руду, и про синюю краску, чем кумачи красят и на Зее и Шилке-реке серебро родитца ли, и медная и свинцовая руда и синяя

² «Сибирские летописи», стр. 390. 1907.

Летнее жилище гольдов.

С гравюры XIX века.

Гольдская лодка.

С гравюры XIX века.

краска чем кумачи красят — есть ли, и камки и кумачи»¹.

Узнав от пленных дауров, что на Шилке и Зее серебро не родится» и камок и кумачей не делают, и медной и свинцовой руды нет и что бисер и материи приходят от хана, «что живет ордой, а город у него рубленый, а около городка вал земляной, и бой у них лучной и огненной и пушек много...», Поярков все же не отказался от поисков неведомых земель. Он спустился на судах вниз по Зее, вышел на Амур и поплыл по направлению к устью. Перезимовав в гиляцкой земле, весной 1645 года он вышел через устье Амура в Охотское море и кружным путем вернулся (в июне 1646 года) в Якутск.

В 1647 году по следам Пояркова на Амур с 80 охотниками отправился ленский промышленник Ярко Хабаров. Спустившись по Лене, он достиг Олекмы и поднялся вверх до устья Тугиры. Отсюда, перебравшись через Становой хребет, он шел по реке Урку и по ней достиг Амура. Овладев оставленной даурами крепостью Албазин, он вернулся в Якутск за подкреплением и в 1651 году спустился вниз по Амуру, взял с бою ряд даурских «городков», построил несколько острогов и обясачил местное население. С этого времени русские обосновались

в верховьях Амура, но закрепить окончательно территорию за собой им не удалось: они были выбиты превосходящими их по численности китайскими войсками. Крепость Албазин дважды разрушалась китайцами и, наконец, была оставлена русскими в 1689 году. В этом году, по условиям Нерчинского мира, русские оставили Приамурский край.

Походы Пояркова, Хабарова и прочих «землепроходцев» не прошли бесследно: от них сохранились не только развалины крепости Албазин, но целый ряд донесений и актов, содержащих ценнейшие сведения о народах Амура в XVII веке; наконец, у гиляков, гольдов, ульчей сохранился целый цикл преданий об «амба-лоча» — «рыжих чертях», — повествующий о боях с казаками.

Походы Хабарова, Пояркова и прочих, изобиловавшие необычайным разбоем, естественно, посеяли панику среди мирных рыбаков и охотников: «И поплыли вниз по Амуру и плыли два дня да ночь и улусы громили... и в тех улусах многих людей побивали и ясыр имали и плыли семь дней от Шингала... и мы их в пень рубили и жен их и детей имали и скот»². Буйные подвиги служилых и торговых людей нагнали страх даже на могущественную тогда Китайскую импе-

¹ «Акты о плавании письменного головы В. Пояркова». Дополнение к актам историческим, Т. III, стр. 55.

² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией Академии наук, Т. III, стр. 100.

рию. «В это время,— читаем мы в одном китайском документе,— люди из царства Ло-че¹ или Лоо-цзен взбунтовались, пришли на У-ци-цзен² и в стране Хэй-цзин³ отнимали собольи меха; оружие их было весьма страшно. Их царство простирается на восток на 10 000 ли⁴. Из произведений их весьма превосходны парча и лаковые приборы (?) Люди все с впалыми глазами, высоким носом, зелеными зрачками и красными волосами; они храбры, как тигры, искусны в стрельбе из ружей; у них были пушки, называемые арбузами, потому, что форма их ядер похожа на арбузы; они метко попадали в неприятельский лагерь, хотя бы на расстоянии нескольких ли и только там растрескивались; кто ни попадался, непременно был убиваем. Манчжуры все испугались. Цзень-цзюнь, донося об этом государю, просил о спасении»⁵. В еще большей мере паника охватила гольдов и гиляков и, как мы уже говорили, она была не безосновательна. Гольдское предание так описывает появление казаков. «Сначала стал распространяться дурной запах, потом, через три дня на больших лодках приехали какие-то большие люди с длинными и красными бородами и синими глазами. Носы у них были такие большие, что правый глаз ничего не видел через нос налево, а левый ничего не видел направо»⁶.

Предание рассказывает, что приделыцы хватили туземных женщин, а детей нередко убивали. И в самом деле, походы XVII века ознаменовались кровопролитными боями, массовым истреблением туземного населения и грабежами их селений. Поэтому все население в панике бежало в тайгу. В низовьях Амура, среди ульчей и гиляков, казаки наткнулись на упор-

¹ Ло-че, или Лоча,— термин, которым называли русских большая часть сибирских народов, а также манчжуры.

² Амур.

³ Хэй-цзинь — китаизированное произношение манчжурского слова «ходзен» — вниз по реке живущие. В данном случае — гольды.

⁴ Ли — около $\frac{1}{2}$ версты.

⁵ «У-чень. Описание Нингуты». Записки Русского географического общества 1857 года.

⁶ Л о п а т и н И. «Гольды», стр. 13 — 14. Владивосток. 1923.

ное сопротивление ульчского рода Оросугбу, сохранившего целые предания о борьбе с амба-лоча и победе над ними. Среди этого цикла есть рассказ о том, как Оросугбу уничтожили отряд захватчиков, пришедших на большой лодке с моря. В лодке был 31 человек. Казаки захватили в плен ульчскую женщину; ее родственники решили пойти на хитрость. Они пригласили русских на пир, во время которого женщины потихоньку снесли оружие русских на берег и побросали его в воду. После этого Оросугбу напали на пришельцев и перебили их. Из всего отряда спасся только один человек. Этот рассказ в точности совпадает с имеющимся у нас свидетельством актов XVII века о том, что в 1655 году группа казаков в количестве 30 человек под руководством Онички Логинова пыталась подняться вверх по Амуру, но была перебита «гиляцкими мужиками»⁷.

Во время походов XVII века были собраны обширные сведения о населении Амура. По этим сведениям, верхняя Амура, вплоть до устья Зеи, было населено даурами, относительно культурной народностью, говорившей на диалекте монгольского языка. Дауры жили поселками, состоявшими из шестидесяти — семидесяти домов, расположенных вокруг «городка», т. е. крепости. Крепости состояли из стен с башнями, окруженных рвами. Взятые Хабаровым в плен, дауры называли девять «князцев», т. е. девять таких укрепленных городков, расположенных по верхнему течению Амура. Число поселений было несколько больше; в один городок в случае опасности собирались жители двух — трех поселков. В одном из таких городков, взятых с бою Хабаровым, оказалось 661 человек убитых да «пленных баб поголовно старых и молодых и девок двести сорок три человека да мелкого ясырю робенков 117 человек» — всего около тысячи человек. Дауры были

⁷ «Шли-де они Оничко Логинов с Ламы на великую реку Амур... и тех-де служилых людей гиляцкие люди побили, а живот их и ружья разделили по себе; и я, Онуфрийко, под юртами находил многие казачьи признаки ружья и всякий брошень». «Отписки приказного человека Онуфрия Степанова. Дополнения к актам историческим». Т. IV. стр. 3.

Гольды около своего зимнего жилища.

народом древней земледельческой культуры. В своих донесениях казаки все время подчеркивали: «А хлеба у них родится много».

Дауры умели разводить овес, ячмень, просо, гречиху, горох, коноплю, огурцы, мак, бобы, чеснок, а в садах — яблони, груши, ореховые деревья. Даурское земледелие было организовано по типу китайского. Они делили вспаханную площадь на гряды, обведенные оросительными каналами. У них было значительное количество скота, в том числе и лошадей. О социальном строе этого народа трудно сказать что-либо определенное, тем более что социальный строй современных дауров, обитающих на территории Китая, также не изучен. Известно лишь, что они платили Китаю ясак соболями, покупали у китайцев разные материи, бусы, украшения, посуду, оружие; часть этих вещей они перепродавали тунгусам в обмен на меха, вели торговлю хлебом с монголами. В сообщениях казаков не упоминается о классовом расщеплении или имущественном неравенстве дауров (только раз встречается

ссылка на даурского бокана, т. е. раба); это дает основание предполагать, что «князцы» дауров, по всей вероятности, были просто родовыми старейшинами и вождями, многие «князцы» были братьями, часто пленники оказывались родственниками «князей». Все это показывает, что родовые связи играли значительную роль в даурском быту. Даурские иноземцы, Анай с товарищами, которых Дмитрий Зиновьев привез в Москву, сказали в Сибирском приказе следующее: «Князцов-де и владельцев у них в Даурской и в Дючерской и в Гиляцкой землях нет»¹. Избрант Идес, путешественник конца XVII века, сообщает, что дауры составляли независимое племя, избирающее себе главного начальника. По всей вероятности, в XVII веке у дауров был еще родовой строй, на котором мало отразилось подчинение китайцам, ограничивавшееся взиманием ясака и торговлей. После походов казаков на Амур дауры покинули свои городки и выселились в Манчжурию, в верховье реки Нонни, где живут и поныне в количестве примерно 15 тысяч человек.

Ниже, по течению Амура, по одним сведениям, начиная от устья Зеи, по другим — от устья Буреи, шли поселения народности, которую русские называли дючерами, или джучерами². О джучерах известно еще меньше чем о даурах. Они говорили на отличном от даурского, очевидно, манчжурском языке и по образу жизни отличались от дауров. Обращает на себя внимание то, что в донесениях казаков нигде не говорится об джучерских «острожках» и «князцах». Дючеры, так же как и дауры, после походов Пояркова и Хабарова были сведены со своих селений в глубь Манчжурии. В настоящее время такого народа в Манчжурии нет и можно лишь предполагать, что дючеры были одним из манчжурских племен.

Поселение дючеров кончалось в четырех днях пути (120—150 верст) ниже устья Уссури, и тут начинались

¹ «Русская историческая библиотека». Т. XV, стр. 5.

² Между показаниями Пояркова и Хабарова тут существенное разногласие, которое для нас, однако, имеет второстепенное значение.

поселения народа, который Поярков называл натками, Хабаров—ачанами, а русский посланник в Китае Николай Спафарий — куярами: «и с того места и до моря место не пашено и скота нет, а живут все рыбу и от того улуса плыли двое суток (вниз) и тут стали приходить улусы юрт по сту»¹.

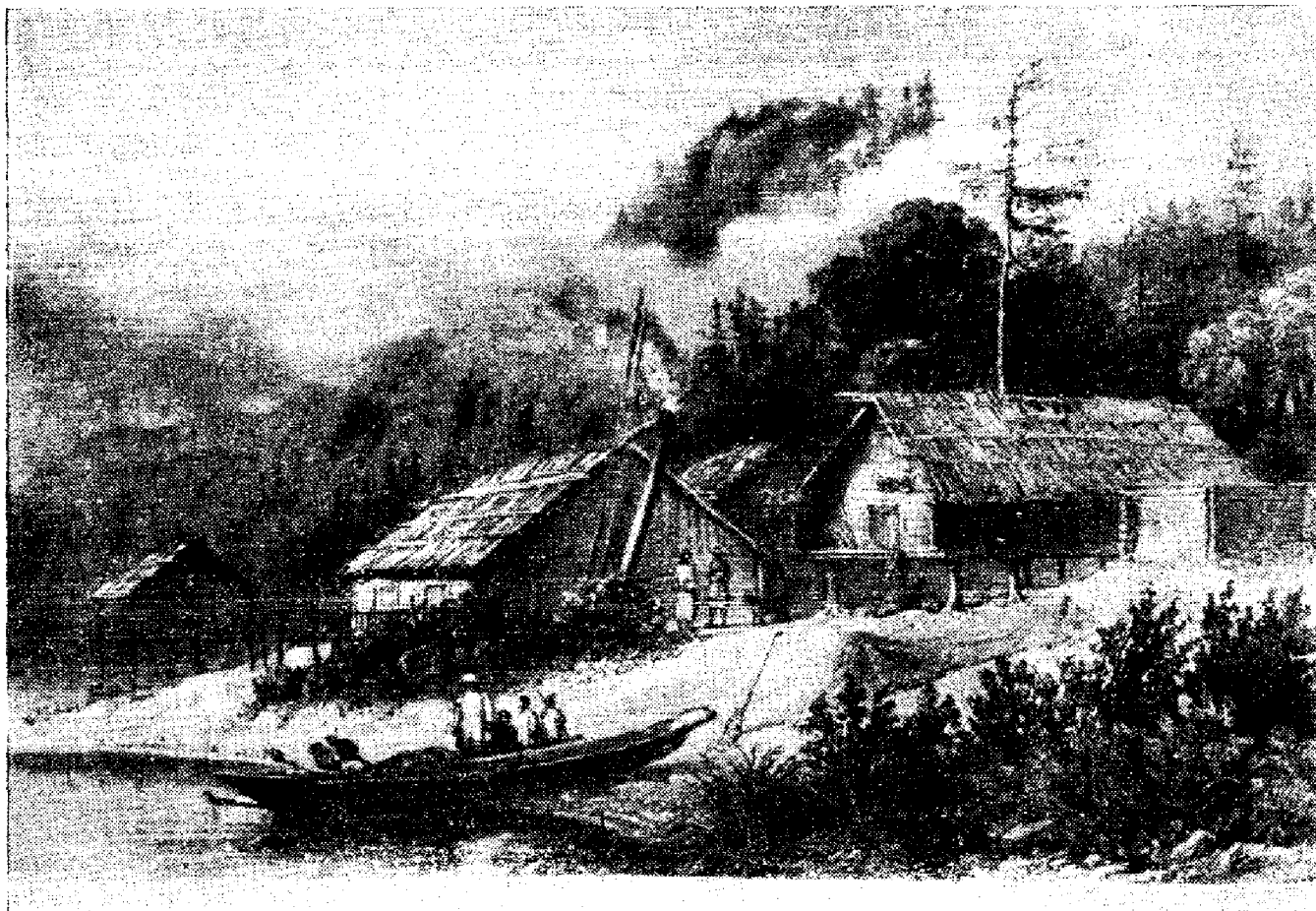
По словам Пояркова, этот народ ясаку никому не платил. Натками Поярков называл, очевидно, гольдов. Слово «натки» происходит от слова «нгатку», которыми амгуньские туземцы (негидальцы) называют гольдов и ульчей. Происхождение слов ачаны и куяры (в некоторых списках «пуяры») остается загадочным. Однако ясно, что натки, ачаны и куяры — это три обозначения гольдов, территория которых начиналась примерно в 100—150 километрах ниже устья Уссури. Правда, по этому вопросу в литературе существуют разногласия. Маак принял правильное допущение, что ачаны и натки — один народ, но его аргу-

¹ «Отписка якутскому всеводе Дмитрию Францбекову служилого человека Ерофея Хабарова. Дополнения к актам историческим». Т. III, стр. 364.

ментация была более чем неудачна. Он настаивал на том, что ачан есть «измененное неправильным произношением имя племени ходзэнг (т. е. гольдов)». Шренк, опровергнув аргументацию Маака, в свою очередь пришел к ошибочному заключению, что ачаны — это ульчи, а «натки» — это гольды. Не говоря уже о неправдоподобности допущения, согласно которому Поярков почему-то просмотрел ульчей, а Хабаров — гольдов, мы можем отвергнуть гипотезу Шренка, опираясь на прямые свидетельства участников походов XVII века на Амур.

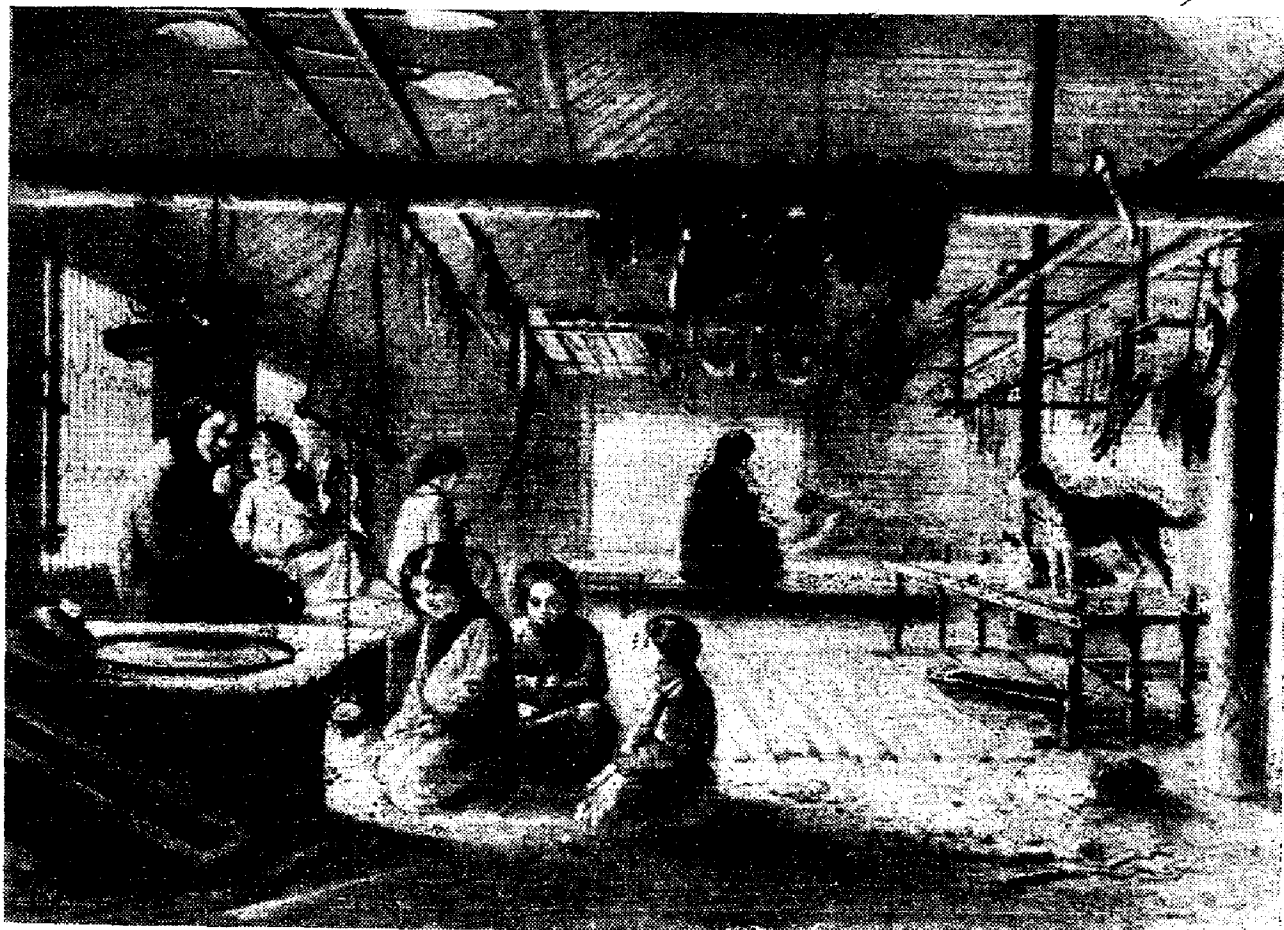
По показаниям Хабарова, он зимовал среди ачанов в Ачанском остроге, а служилый человек Сергей Андреев показал: «А от усть Шингалу плавал Ярофейко вниз Амуром же до Наток четверы сутки, тут и зимовал и острог поставил»². Этим показанием устанавливается идентичность ачанов и натков. Следовательно, русские в XVII веке знали два названия для гольдов — натки и ачаны. Ульчей они, очевидно, называли гиляками, употребляя слово

² «Дополнение к актам историческим». Т. IV, стр. 103.

Ульчская деревня.

С гравюры XIX века.

Внутренний вид дома ульчей.

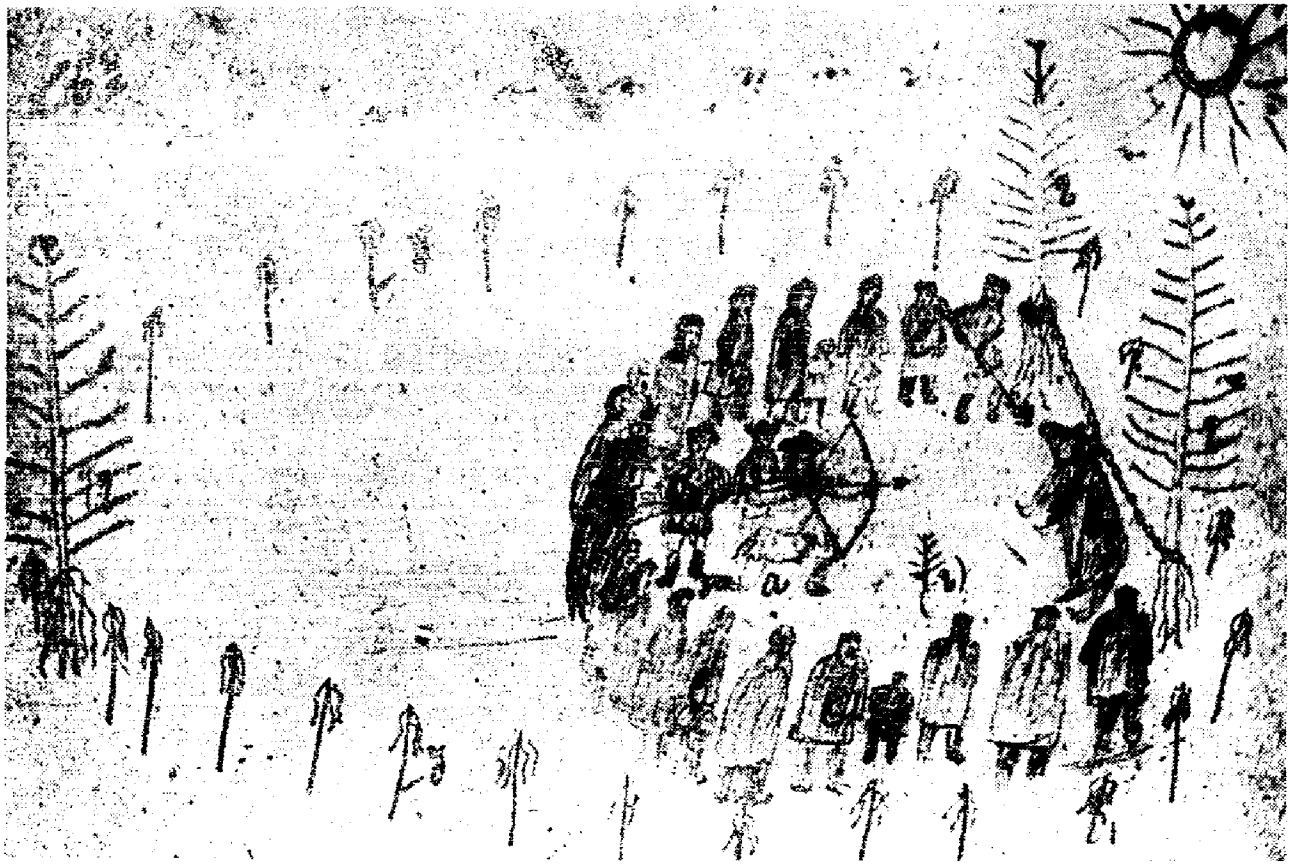
С гравюры XIX века.

«гиляк» в собирательном смысле, охватывающем ульчей и гольдов. Это название сохранилось еще в конце XIX века среди русских рыбаков Амура и проникло даже в литературу. Это не случайно. По ряду особенностей своей культуры ульчи ближе к гилякам чем к гольдам, и наблюдатели, не знакомые с языком, естественно, относили ульчей к гилякам, а не к гольдам. Уже один обычай содержать медведей в клетках (чего нет у гольдов) мог послужить основанием для присоединения ульчей к гилякам. В пользу нашего утверждения говорят и показания Пояркова: расстояние от устья Уссури до устья Амура можно было пройти на лодке примерно в месяц, гиляцкие же поселения начинались в двух неделях пути от устьев, т. е. на половине всего расстояния. Верхняя (по Амуру) граница ульчей теперь проходит примерно в 450 километрах выше устья Амура, а всего расстояние от устья Амура до устья Уссури — 950 километров.

Чрезвычайно интересные сведения о народах Амура содержатся в рассказе казака якутского острога Степана Щербакова (1669), пользовавшегося

сведениями, собранными у тунгусов. Тунгусы рассказали ему, что у устья Амура живут куви, лонки, гольдики и натки¹. Этот перечень народов более детален чем все остальные, дошедшие до нас сведения XVII века. Куви — это «куи», или «куги», — амурское название айнов. Сообщение о том, что айны жили у устьев Амура, никого не может удивить. Мы знаем, что целые айнские роды переселялись с Сахалина на материк и ассимилировались с гиляками и ульчами. О таких переселившихся, но еще не ассимилировавшихся родах и идет, очевидно, речь. Лонки — это название одного из ульчских родов, бывшего в XVII веке, очевидно, многочисленным, а в XIX веке почти вымершего. Можно только гадать, почему тунгусы назвали Степану Щербакову именно этот род, а никакой либо другой, но при этом не следует забывать, что информаторы Щербакова сами на Амуре не были, «а слыхали-де они от отцов своих» так, что естественно, сведения носят отрывочный и случайный характер.

¹ «Колониальная политика царизма в Якутии», стр. 148. Ленинград. 1936.

Медвежий праздник ульчей. Ритуальное убийство медведя.

Ульчский рисунок.

Таким образом, русские в XVII веке причисляли ульчей к гилякам. О гиляцкой земле казаки оставили более подробные донесения. «А гилякам шли, — доносил Поярков, — и до моря две недели же, а гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие же гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою, ясака, они, гиляки, хану не дают»¹.

Поярков, зимовавший в острожке, построенном недалеко от устья Амура, приводит названия ряда улусов, в которых мы узнаем некоторые современные гиляцкие поселки. Например «Калгуйский улус», — очевидно, деревня Кальга, расположенная в 12 верстах от Маго, «Тактинский улус» — большая деревня — Тахта. Поярков собрал у гиляков много ясаку: 12 соболей и 6 шуб собольих да трех аманатов с собой привез в Якутский острог. Довольно подробное описание гиляков дал Н. Спафарий: «а против устья амурского на море остров великой, а живут на том острову

¹ «Акты о плавании письменного головы Пояркова. «Дополнение к актам историческим». Т. III, стр. 56.

иноземцы и многие гиляцкие народы, а юрты у них деревянные, а носят летом кожаны рыбы, а зимой — шубы собачьи, а ездят зимой на собаках — нартами, а летом в лодках деревянных, а держат в улусах собак по 300 и 400 и по 600, а медведей в улусах кормленных держат. А едят они рыбу и собак и медведей и всяки морские звери»². Сам Спафарий не был на Амуре, но он пользовался рассказами очевидцев; его сведения отличаются полной точностью. Впоследствии они были искажены и в литературу проник слух, будто бы гиляки ездят на медведях (например у Штраленберга).

Французские иезуиты, основавшие в середине XVII века несколько миссий в Китае, побывали на реках Уссури и Сунгари и собрали через посредство китайцев довольно подробные сведения о населении реки Амура и его притоков. По их словам, по берегам Уссури живет племя татар, называемое китайцами ю-пи-татзе, т. е. ры-

² Бассейн реки Амура и восточное побережье Азии по рукописному источнику 1678 года. «Приамурские ведомости» № 169 за 1897 год.

бокожие варвары. Называют их так потому, что они с большим искусством готовят себе одежду из рыбьих кож. Все лето они проводят за рыбной ловлей. Из одной части рыбы они готовят жир для ламп, другая часть служит им для дневного пропитания, третья часть сушится на солнце и служит пищей на зиму. Они ездят на собаках, разводят в небольшом количестве свиней. Для ловли крупной рыбы им служат острога, для более мелкой — сеть.

Их маленькие лодки сделаны из коры деревьев, столь точно пригнанной, что ни одна капля воды не проникает внутрь. Это описание относится к уссурийским гольдам. Кроме этого иезуиты упоминают о народе кехтень-татзы, в котором мы без труда узнаем амурских гольдов и народ фиатта, или фиака; под последним словом китайцы подразумевают гиляков. Язык у этого народа совершенно особый. «Этот народ, — пишет иезуит Жербильтон, — дикий и, судя по тому, как мне его описывали, сходен с ирокезами: у них нет ни короля, ни господина. Каждая деревня выбирает своего старшину»¹.

В XVII веке по всему верхнему течению Амура жили дауры и манчжуры (дючеры), поселения которых тянулись на 100—150 километров ниже нынешнего Хабаровска. Далее начинались поселения гольдов, а затем в 400 километрах — гиляков, в число которых русские включали ульчей.

После появления на Амуре казаков дауры и дючеры были уведены китайским правительством из этого района. Вследствие этого освободилась значительная территория, которую заселяли гольды (по Амуру выше Хабаровска), орочены (тунгусы) и мангры. Примерно такое расселение застали первые русские исследователи в 50-х годах прошлого столетия, с той только разницей, что «гиляки» оказались состоящими из двух племен: ульчей и гиляков.

Этим исчерпываются дошедшие до нас сведения XVII века о народах Амура.

¹ Du Halde «Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la China.» V. IV, p. 14. Paris. 1734.

О положении народов Амура в XVIII веке у нас нет никаких сведений, за исключением кратких сообщений японского путешественника Мотами Токонаи, посетившего устье Амура в 1785 году.

По его словам, восточный берег Азии назывался туземцами страной Сандан. Она лежала между Кореей и страной Манджу, на востоке и юге ее омывало море, на западе тянулись высокие горы. От Сахалина ее отделял пролив, в который впадал Амур. Торговая дорога манчжур к морю лежала близ деревни Дерен, через озеро Кизи. Сюда через озеро Кизи приплывали лодки айнов. Внутренняя часть страны мало населена. У устья Амура жители похожи на айнов, вниз по течению — на манчжур. Они называются фиака (гиляки) и хэцзень (ульчи, или гольды). Рыболовство и охота — их главное занятие. Они меняют у манчжур рис и пшено на меха, мало цивилизованы, не имеют письма, но умеют делать горшки. Многие семьи имеют старшин. Раньше их выбирал народ, но во время посещения Мотами они назначались манчжурами. Чертами лица жители Сандан похожи на китайцев. Их луки из рога, стрелы и копья также одинаковы с корейскими. Волосы они оставляют висеть свободно, и только немногие заплетают их как манчжуры в косы. Японский путешественник приводит небольшой список слов обитателей страны Сандан, в которых можно узнать исконные ульчские, ороченские и гилячские слова.

В 1808—1810 годах Сахалин и устье Амура посетил японский «путешественник» Маамио Ринсо, якобы посланный японским правительством проведать северные страны. Он долго прожил среди сахалинских гиляков, затем поднялся по Амуру вплоть до деревни Дерен². Он оставил подробное и поразительно точное описание айнов и гиляков, а также ряд ценных сведений о сношении амурских туземцев с китайцами, он же первый отметил наличие у гиляков группового

² Ульчский национальный округ. Сейчас не сохранилось даже развалин деревни Дерен.

брака. Одновременно с Маамио Ринсо на Амуре появились и русские. Крестьянин Удского острога Кудряшов провел в устье Амура два года (между 1817 и 1821 годами). Он рассказывал о гиляках, жилища которых протянулись верст на двадцать по правому берегу Амура и состояли из восьмиугольных домов, построенных на столбах; в каждом доме помещалось от трех до десяти семейств, жили они в совершенном согласии и отличались тихостью нравов, гостеприимством и необыкновенно ласковым отношением к иноземцам. Гиляки, по словам Кудряшова, питались рыбой, хлебопашества и скотоводства не имели. Занимались они также промыслом соболей, но звероловством не увлекались, хотя их леса и изобилевали разными зверями. Гиляки держали дома медведей, которых приручали с большим искусством. В случае ссоры, что, впрочем, было очень редко, обидчик должен был отдать потерпевшему медведя. Племя гиляков не было никому подвластно и даже не избирало из своей среды начальников.

Сведения, сообщенные Кудряшовым, ошибочно ограничивают территорию гиляков правым берегом Амура; неверно также, что их поселения тянутся только на 20 верст от устья; непонятно, почему в сообщении Кудряшова говорится, что летники — дома на столбах — восьмиугольные. Остальная часть его донесения представляет значительный интерес. Им верно подмечены черты родового строя у гиляков, выборность у них вождей и начальников, преимущественное занятие их рыбной ловлей. Он же впервые указал на существование у гиляков обычая, по которому медведь уплачивался в виде штрафа.

К тому же времени, что и показания Кудряшова, относятся показания Гурия Васильева, ссыльного, бежавшего из Нерчинска и между 1815—1826 годами проведшего 6 лет на Амуре. Сведения его касаются всего Амура, от верховьев до устья. Попутно с ценными географическими сведениями Гурий Васильев сообщил свои наблюдения над населением. Низовья Амура он нашел заселенными гиляками, деревни которых многочисленны и состоят из

Гиляки в старинных национальных костюмах.
С гравюры XIX века.

мазанок манчжурского типа (фанз). Он описывает образ жизни, занятия и торговлю гиляков, отмечает их гостеприимство.

В 1846 году на Амур проник французский миссионер Ла Брюньер. С несколькими обращенными им в христианство китайцами он добрался до Сан-Сина, бывшего крайним форпостом китайской цивилизации на севере. Оттуда он отправился на лодке к устью Уссури, где зимовал с искателями женьшеня, собирая этнографические сведения и проповедуя католическую веру среди «ю-пи-тат-зе». Летом 1846 года он купил лодку и поплыл к устью Амура, где был убит ударом копья в спину в стойбище Вайда. Обстоятельства его гибели были выяснены несколько позже другим миссионером, Вено, отправившимся на Амур с целью расследования. Этнографические записки Ла Брюньера погибли, от обоих миссионеров осталось лишь несколько писем, содержащих весьма скудные данные о народах Амура.

Несмотря на то что все сведения о народах Амура носят крайне отрывочный и неполный характер, мы все же можем сделать некоторые, не только этнографические, но и исторические заключения. Как мы видели, в XV веке китайцами была сделана неудачная попытка включить народы Нижнего Амура в состав китайских владений. К этому времени верховье

Амура колонизируется даурами и дючерами — выходцами из Манчжурии. Укрепляются торговые связи гольдов и гиляков с Китаем. В XVII веке эта торговля продолжается, но гиляки и натки, в отличие от дауров и дючеров, не платят ясака Китаю, т. е. не являются подданными китайского императора. Только после Нерчинского мира, обеспокоенные русскими притязаниями на Амур, китайцы ставят пограничные столбы по Становому водоразделу и снова пытаются включить низовье Амура и север Сахалина в границы Китая. Но и на этот раз их влияние было очень слабым. Главной нитью, связывающей Китай с населением Амура, продолжает оставаться незначительная торговля.

Из сообщений Ла Брюньера, Мамио Ринсо, а также Маака мы знаем, что китайские военные посты стояли у устья Сунгари; ниже по Амуру китайцы спускались только с торговыми целями и для взимания ясака. По имеющимся сведениям, китайцы вносили по соболиной шкуре с мужчины в год, но едва ли это правило соблюдалось строго. Китайцы назначали старшин из среды самих туземцев, но влияние этих старшин на население было незначительным. Для сбора ясака Сан-Синский мандарин ежегодно снаряжал три военных лодки, на которых не было ни пушек, ни огнестрельного оружия, а малочисленный экипаж вооружен был только саблями. Одна из лодок спускалась до устья Сунгари, другая отправлялась на Уссури, третья — в низовье Амура.

Таким образом, присоединение Амура к Китайской империи, происшедшее после Нерчинского мира, носило чисто формальный характер. Население низовий Амура не было присоединено к китайским владениям. В большей степени были подчинены Китаю гольды, жившие близ нынешнего Хабаровска и в низовьях Сунгари и Уссури; они брили голову по манчжурскому образцу, одевались в манчжурское платье, отдавали своих детей в манчжурские школы и многие из них исповедывали буддизм. Путешественники Гюк и Габэ, посетившие в 1846 году Монголию, видели гольдов-паломников у буддийского монастыря Великий Курень (на месте Улан-Батора).

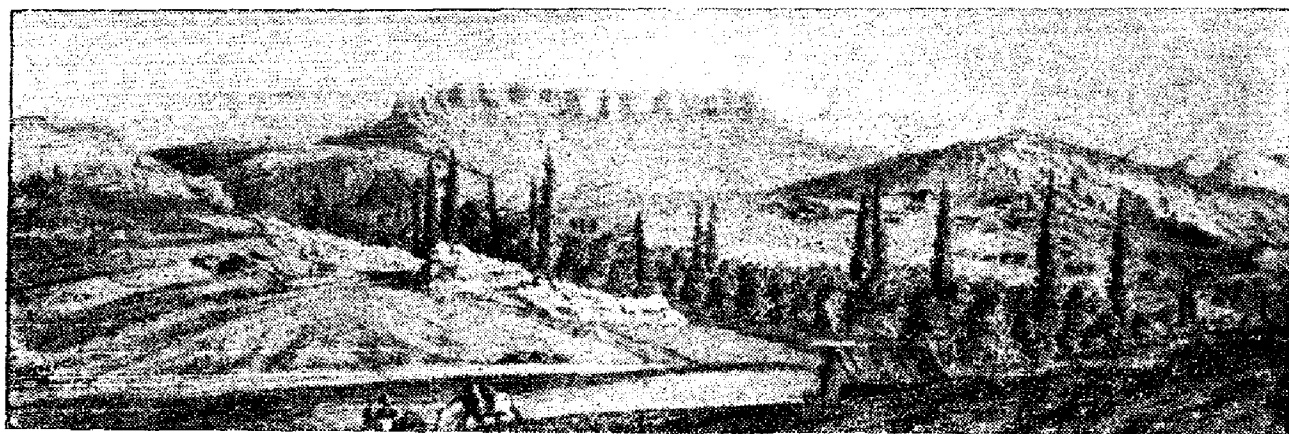
Торговые связи амурского населения с Китаем были оживленными, но незначительными по размеру. Торговля велась в нескольких центрах, куда приезжали манчжурские купцы. Главным центром торговли Нижнего Амура была деревня Дерен, подробное описание которой дал Мамио Ринсо. Манчжуры не жили постоянно в Дерене, но приезжали туда на летние месяцы. Японский путешественник говорит о «смешанной толпе», где «царила невообразимая суматоха»; и для установления порядка манчжурам приходилось не только бить в колокол, но и прибегать к репрессиям.

Английский путешественник Аткинсон, описывая торговлю, которая велась в деревне Пули, близ Мариинска, говорит: «деревня Пули — Нижний Новгород этого края, куда собираются охотники-торговцы со всех сторон. Тунгусский охотник с Зеи и Яблоновой приносит добычу своего ружья, гиляки с Охотского моря предлагают свои меха, а мангуны (ульчи. — А. З.) с их соседями — гольдами — шкуры с Уссури и Горюна. Манчжурские купцы с Сунгари встречают их с китайскими и японскими (?) товарами, чтобы выменять у них богатства их лесов»¹.

Не останавливаясь перед трудностями пути, гиляки, ульчи и гольды совершали поездки в Сан-Син, борясь на протяжении почти 2 тысяч верст с течениями Амура и Сунгари при помощи весла и паруса из рыбьей кожи. Сохранившиеся описания говорят о чрезвычайно оживленной торговле, во время которой китайцы не только всячески эксплуатировали амурских туземцев путем неэквивалентного обмена, но и облагали их пошлинным сбором. То же самое делалось в Дерене, где каждый вновь прибывший должен был дважды являться в караульную манчжурских чиновников — сначала на поклон, потом для поднесения «подарков», т. е. дани за право торга, состоявшей из соболиных шкур.

Таково было положение дел на Амуре до начала второй русской колонизации (1850 год).

¹ Atkinson T. W. «Travels in the regions of the upper and Lower Amoor», p. 492. London. 1860.

С. Лапицкая

ЗАВОЕВАНИЕ И КОЛОНИЗАЦИЯ

К Р Ы М А Ц А Р И З М О М

Ошибочные взгляды так называемой исторической школы Покровского, распространившиеся в некоторых кругах работников исторического фронта, являются серьезным препятствием на пути развития марксистско-ленинской исторической науки и создания правильной истории народов СССР.

Ограничивая изучение русской истории в основном историей русского племени (великороссов), Покровский и его ученики игнорируют многострадальную историю поработанных царизмом малых национальностей, задыхавшихся в «тюрьме народов», какою была царская Россия. Они таким образом отрывают историю Велико-россии от истории других народов СССР.

Эта ошибка не могла не сказаться и на изучении истории народов Крыма.

Захват Крыма царизмом вместе с помещиками и нарождающейся буржуазией сопровождался, как известно, экспроприацией земель татарского крестьянства и поработанием его дворянами. Последние испытывали в тот период сильный напор крестьянских волнений в России и стремились путем захвата все новых и новых территорий укрепить свое положение в стране. Между тем ведущую роль в этой аннексионистско-колониаторской политике царизма Покровский приписывает торговому капиталу, являвшемуся, по его схеме, основной

силой исторического процесса в России вплоть до середины XIX века.

Национально-освободительная борьба, которую на протяжении почти полутора столетий вели в Крыму татарские народные массы, истоки этой борьбы и ее условия не получили освещения в работах Покровского по русской истории. Таким образом, Великая октябрьская революция как революция, освободившая покоренные царизмом народы России (в том числе и народы Крыма) от национального гнета, «остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР» (из замечаний товарищей И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР).

В условиях, когда фашизм с его расовой теорией низводит покоренные нации до положения рабов, национальная политика Советского союза, поднимающего отсталые ранее народы на небывало высокую ступень культуры, приобретает всемирное значение. В связи с этим скорейшее преодоление вредных ошибок Покровского и создание научно обоснованной марксистско-ленинской истории народов СССР являются делом первостепенной важности.

1

Московское государство начиная с XVI века упорно стремилось к овладению берегами Черного моря и пре-

вращению Крыма в свою колонию. Еще в 1559 году Иван Грозный направил «промышлять под Крымом» отряд из 8 тысяч человек под командой Адашева. Спустившись на лодках к устью Днепра, отряд захватил два турецких судна, высадился в Крыму, опустошил ряд селений и этим ограничил свой «промысел».

В 1686 году, в правление царевны Софьи, был снова предпринят поход в Крым. В походе участвовало стотысячное войско под начальством новгородского наместника Голицына, к которому присоединилось 50 тысяч казаков во главе с гетманом Самойловичем. Степные пожары и недостаток продовольствия, с которыми русское войско встретилось в южных стенах, заставили Голицына отказаться от продолжения похода и повернуть обратно в Москву.

Попытка покорения Крыма была затем повторена в царствование Анны Иоанновны фельдмаршалом Минихом, который в 1736 году взял Перекопскую крепость, захватил Евпаторию и овладел Бахчисараем, уничтожив значительную часть ханской столицы. Однако отрыв от продовольственной базы, массовые эпидемии и падеж скота заставили и Миниха поспешно отступить из Крыма.

Захват подчиненного Турции Крыма был осуществлен Екатериной II по окончании первой русско-турецкой войны (1768—1774).

В своей политике военно-колониального захвата Крыма дворянская Россия искусно комбинировала методы военного насилия с дипломатическими интригами и подкупом ханских сановников и знатных беев. В рескрипте, данном 16 октября 1769 года на имя графа Панина, Екатерина II изложила тщательно разработанный план захвата Крыма. «Мы заблагорассудили сделать испытание,— писала она,— не можно ли будет крымские и все татарские народы поколебать в верности к Порте внушением им мыслей к составлению у себя независимого правительства»¹. В целях осуществления этого плана предлагалось, «продолжая начатую с татарами об-

сылку и негоциацию, склонить их не к нашему подданству, но только к независимости и отложению своему от турецкой власти»².

Одновременно Екатерина II выдвигала требование передачи русским войскам ряда крепостей и морских гаваней. «Домогаясь от них (татар.— С. Л.) принять в некоторые их крепости нашего гарнизона и уступления нам одной морской гавани на Крымском берегу, с оставлением в наших же руках прохода из Азовского в Черное море»³, Екатерина не скупилась на лицемерные заверения в полном «бескорыстии» и «искренности» дворянской России.

Осуществляя эту политику, Панин принимал меры к ослаблению военной мощи Крымского ханства. С этой целью он вступил в тайные переговоры со старшинами ногайских татар, составлявших отборную часть ханского войска, и склонял их к отложению от Крымского ханства и к переселению в Россию. В письме к кошевому атаману запорожского войска Каспиевскому Панин просил «выбрать по два или по три человека из людей надежных и острых со знанием татарского и турецкого языка, которые взялись бы под видом дезертирования идти в Крым и в Буджакскую орду»⁴. Посланным для агитации среди ногайцев вменялось в обязанность не только «примечать и узнавать положение», но и «своими разными внушениями умножать и увеличивать (среди ногайцев.— С. Л.) неудовольствие Портой», одновременно восхваляя намерения «всемилодливейшей государыни».

На ход переговоров с ногайцами оказали большое влияние блестящие победы, одержанные летом 1770 года русскими войсками над турками при Ларге и особенно при Кагуле. В этой последней битве Румянцев с отрядом в 17 тысяч человек разбил стотысячное войско турок и захватил весь лагерь противника. В то же время рус-

² «Россия». Полное географическое описание нашего отечества. Под общим руководством В. П. Семенова-Тянь-Шаньского. Т. XIV, стр. 160.

³ Там же.

⁴ А. Скальковский «О ногайских колониях. Памятная книжка Таврической губернии», стр. 367—368. 1867.

¹ С. Соловьев «История России». Т. XXVIII, стр. 33.

ский флот, оперировавший в Архипелаге, напал в Хиосском заливе на турецкую эскадру и сжег ее в Чесменской гавани.

Переговоры с ногайцами, поддержанные наступлением русских войск, окончились успешно. В конце 1770 года генерал-майор Щербинин сообщил, что «Буджакская и Едиссанская орды, почувствовав справедливость и силу оружия ее императорского величества, отложились теперь от Порты и, сделавшись независимыми, вступили под покровительство ее величества»¹. Около 12 тысяч ногайцев перекочевало в кубанские степи.

Уход ногайцев, обессиливший в военном отношении Крымское ханство, явился одним из условий, обеспечивших победу екатерининских войск в Крыму. В 1771 году царские войска под командой князя Долгорукова вторглись в Крым. 14 июня русские разбили войска крымского хана, состоявшие из 50 тысяч татар и 7 тысяч турок, и заняли Перекоп. 29 июня была взята Феодосия, а затем без всякого сопротивления заняты Керчь и Еникале. Русские войска захватили почти весь полуостров. Крымский хан Селим-Гирей бежал в Константинополь, а на ханский престол Екатерина II выдвинула кандидатуру крайне непопулярного среди татар Шагин-Гирея.

По этому поводу князь Долгоруков писал Потемкину: «Крымцы столько ненавидят калгу-султана (Шагин-Гирея.—С. Л.), что имени его терпеть не могут. Я старался в разговорах с их чиновниками, хваля его достоинства и разум, из'яснить, сколь нужно и полезно бытие его в Крыму, но злоба против него видна на лицах их... Если бы посредством войск предположилось введение калги-султана в Крым, — предупреждал Долгоруков, — то неминуемо вся татара здешняя вооружится и взбунтуется»².

Однако и здесь путем сильного нажима со стороны русских войск царской дипломатии удалось возвести на

ханский престол своего ставленника— Шагин-Гирея. Дело не обошлось без подкупа татарских дворян. «Много денег,—пишет Хартахай,—Россия потеряла на подкуп мурз действовать на народ в пользу избрания Шагин-Гирея»³.

Новый хан, вступивший в Крым в сопровождении русского отряда и торжественно объявленный самодержавным властелином—ханом, являлся марионеткой в руках России. Это его подчиненное положение Екатерина II неоднократно подчеркивала. «Мы надеемся,—писала она,—что нынешний хан очень помнит и признает, что приобретенный им титул самодержавного хана есть сам по себе сущая мечта без нашего пособия и покровительства»⁴.

С Шагин-Гиреем был тотчас же (в 1772 году) заключен в Карасубазаре договор, в котором под видом независимости Крыма от Турции осуществлялось превращение его в русскую колонию. Условия этого договора были затем, в 1774 году, продиктованы Турции на мирной конференции в Кучук-Кайнарджи. Согласно этому договору, царской России были уступлены крепости Керчь, Еникале и Кинбурн; русским купеческим кораблям разрешалось свободное плавание через проливы. Для соблюдения внешней формальности договор обязывал «почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии, по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящую, ни от кого кроме единого бога независящую»⁵.

Заняв ряд крепостей в «свободном и независимом» Крымском ханстве, Екатерина II под предлогом защиты его от турок распорядилась двинуть в Крым значительные отряды войск.

При этом наряду с военным захватом проводились и меры экономического ослабления ханства. Екатерининский полководец граф Румянцев выдвинул с этой целью план вывода

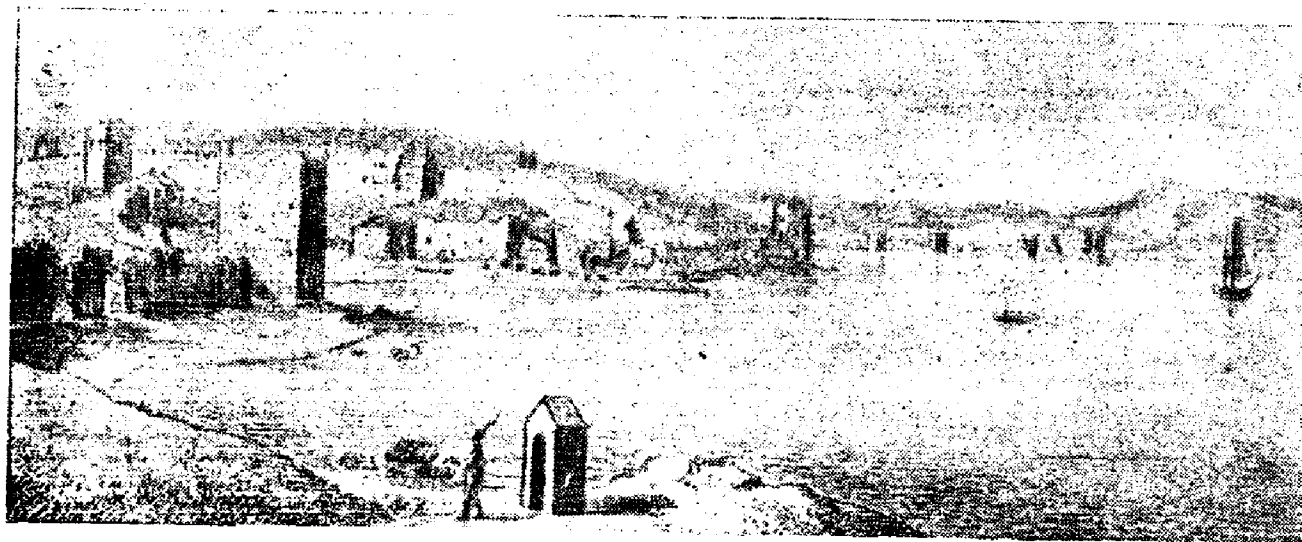
³ Там же.

⁴ С. Соловьев «История России». Т. XXIX, стр. 244.

⁵ «Россия». Полное географическое описание нашего отечества. Под общим руководством В. П. Семенова-Тянь-Шаньского. Т. XIV, стр. 160.

¹ А. Скальковский «О ногайских колониях. Памятная книжка Таврической губернии», стр. 371. 1867.

² Ф. Хартахай «Христианство в Крыму. Памятная книжка Таврической губернии», стр. 106—107. 1867.

Крым. Вид на развалины Феодосийской крепости.
С гравюры XVIII века. Государственный исторический музей.

из Крыма всех христиан: греков, армян, грузин,—в руках которых были сосредоточены почти вся торговля, садоводство и ремесла. Осуществление этой меры должно было лишить ханский бюджет основных источников дохода (налогов с торговли, ремесел, садов и т. д.) и поставить хана в полную финансовую зависимость от дворянской России.

В реализации этого плана приняло активное участие христианское духовенство в лице греческого митрополита Игнатия, армянского архимандрита Маргоса и католического священника Иакова. Весной 1778 года, во время пасхальной литургии в Успенском скиту, митрополит Игнатий выступил с церковного амвона с проповедью, призывавшей христиан переселяться в приазовские степи России. Призыв митрополита был встречен враждебно христианами, совершенно не заинтересованными в перемене местожительства. «Хоть саблями нас рубить будут, мы все-таки никуда не уйдем!»—говорили евпаторийские греки. Так же отнеслись к этому предложению и армяне, которые «ради бога, пророка и предков просили хана избавить их от такой напасти»¹. Татарское население в свою очередь обратилось к хану с просьбой—дать отпор домогательствам царского правительства. Когда же хан, не осмелившись противодействовать русскому ~~народу~~ ^{народу}, подтвердил свое согласие

на выход христиан из Крыма, он получил от татарских старшин письмо, полное упреков. «Мы не знаем,—писали старшины,—чтобы кто-нибудь из наших предков в угодность другим мог уступить своих подданных»².

Царскому правительству и духовенству удалось в конце концов сломить сопротивление христиан и с помощью угроз, с одной стороны, и всяческих обещаний—с другой, добиться их ухода из Крыма. В июле 1778 года в Крым стали прибывать посланные азовским губернатором подводы для вывоза скарба переселенцев. И вскоре последняя партия христиан оставила Крым.

«В овраге Салачыкском в Успенском скиту в последний раз сошлись изнуренные, одетые в рубище сыны Пантикапеи, Феодосии и знаменитого Херсонеса, — описывает Хартахай. — Митрополит Игнатий служил благодарственный и напутственный молебен... Христианам было жалко и больно оставлять страну, где они жили так долго; им жалко было оставить свои храмы, опустевшие дома, прах предков и небо, под которым родились... После молебна митрополит, священники и все христиане с пением молитв нестройной толпой потянулись через горы и равнины, покинув навсегда берега Крыма»³.

Всего оставило Крым свыше 30 тысяч христиан. Однако на отведенные им у Азовского моря новые места

¹ Ф. Хартахай «Христианство в Крыму», стр. 108. 1867.

² Там же.

³ Там же, стр. 112.

прибыло не больше половины переселенцев: остальные погибли в пути. Переселенцы испытывали в дороге неимоверные лишения и открыто выражали свое недовольство. В письме, адресованном Константинову, резиденту русского двора при ханской ставке, митрополит Игнатий писал: «Что я от переселенцев вытерпел,— одному только богу известно... Заткнув уши, уклонялся я от слуха речей их, ибо если бы на их требования отвечал, то давно уже лишили бы меня жизни»¹.

Впрочем, страдания митрополита Игнатия были щедро оплачены царским правительством: ему выдали 6550 рублей. Архимандрит Маргос получил 2820 рублей, а католический священник Иаков—1250 рублей. Игнатию было гарантировано также пожизненное сохранение сана митрополита. Кроме того духовным отцам были отпущены средства на покупку карет, колясок, лошадей и упряжи.

Вывод христиан, тяжело отразившийся на экономике Крымского ханства, вызвал недовольство широких кругов татарского населения политикой Шагин-Гирея, способствовавшего уходу христиан. Недовольство это, поддерживаемое сторонниками Турции, вылилось в 1783 году в открытое восстание против хана. Для царского правительства это восстание послужило желанным поводом к ликвидации фиктивной независимости Крыма и к полному присоединению его к России. С этой целью Потемкин под предлогом защиты хана двинул в Крым крупные отряды войск, которые заняли все важнейшие укрепления. Восстание было подавлено с обычной для царских сатрапов жестокостью. В то же время Шагин-Гирей за обещанную ему пожизненную пенсию в 200 тысяч рублей в год отказался от престола в пользу России.

8 апреля 1783 года Екатерина II обнародовала манифест, в котором, «соглашаясь на абдикацию (отречение.— С. Л.) Шагин-Гирея», уведомила, что «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под державу всероссийскую».

¹ П. Никольский «Завоевание Крыма дворянской Россией». Сборник «Крым». Ч. 1-я, стр. 96. 1930.

Так был осуществлен подготовлявшийся в течение двух веков захват Крыма. Русское дворянство, теснимое волной поднимавшегося крестьянского движения, получило в свое распоряжение новую богатую область. Началось расхищение крестьянских земель, сопровождавшееся чудовищной эксплоатацией татарской бедноты.

2

Обезземеливание татарского крестьянства представляло собой один из первых актов царского правительства, которое стало широко раздавать («жаловать») в Крыму земли знатым вельможам, дворянам и чиновникам.

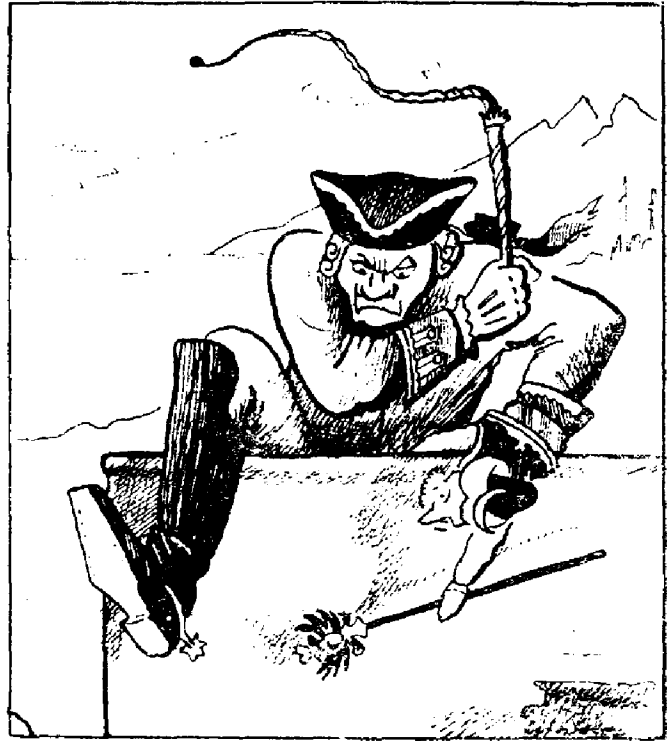
Официально раздаче подлежали лишь пустопорожние земли, которые поступили в распоряжение казны, т. е. земли, раньше принадлежавшие либо хану либо перешедшие к нему после выхода христиан и эмиграции татар. В действительности же под видом пустопорожних земель раздавались земельные участки, принадлежавшие крестьянам.

В жалованных грамотах («ордерах»), которые выдавались за подписью Екатерины II, князя Потемкина или графа Зубова, не указывалось точно, какое именно владение назначается данному лицу. Ордер содержал лишь предписание местным властям отвести пред'явителю по его собственному выбору ту или иную дачу «для заселения и хозяйства». Счастливые обладатели таких ордеров стремились получить вместе с землей и даровую рабочую силу, для чего отмежевывали участки, заселенные и обработанные крестьянами. Чиновники охотно шли навстречу новым помещикам и за известную взятку отводили им земли крестьян и сельских обществ с возделанными виноградниками, садами и т. д.

Пример такого захвата крестьянских земель подал сам покоритель Крыма князь Потемкин, забрав для себя в Днепровском и Мелитопольском уездах 86 460 десятин плодороднейшей земли. Не удовлетворившись этим, Потемкин экспроприировал еще в свою пользу три деревни в живописной Байдарской долине. Личный секретарь Потемкина, некий В. Попов,

Шагин-Гирей — неудачник, или сены из истории колониального захвата Крыма русским самодержавием.

Карикатура Ю. Цишевского.

удовольствовался меньшей площадью, присвоив себе только 57 876 десятин. Крупные владения в Крыму достались также ряду знатных сановников: графу Безбородко — 18 тысяч десятин, князю Вяземскому — 30 268 десятин, генералу Каховскому — 7549 десятин, адмиралу Ушакову — 8506 десятин, адмиралу Мордвинову — 5778 десятин и многим, многим другим.

Таким путем было за короткое время роздано 288 тысяч десятин земли. Кроме так называемых пожалованных земель огромные владения в Крыму были расхищены чиновниками под видом покупки их у казны. Адресованный херсонскому военному губернатору указ констатировал, что «в Таврической области до полумиллиона десятин казенной земли продано за бесценок, как например, надв. сов. Уманцу, тит. сов. Барабышеву, губ. секр. Аверкиеву обошлась она в сложности по 1 руб. 21 коп. за десятину, чему и веры нельзя дать, судя по богатству тамошних земель. Казна имеет от сего чрезмерные убытки, а чиновники-служащие обогащаются на ее счет, пользуясь временем»¹.

Русский помещик принес с собой нравы и обычаи крепостного права с

его оброком, барщиной и полным господством над имуществом и личностью крестьянина. Захватив при содействии межевых чиновников крестьянские земли, он рассматривал всех проживавших в его владениях крестьян как своих крепостных вдвойне бесправных как крестьян-«инородцев». При этом помещик не вел самостоятельного хозяйства и не пытался даже внести какие-либо улучшения в первобытные методы обработки земли, сохранившиеся еще с ханского периода.

«Я постановляю себе правилом,— писал 7 ноября 1798 года граф Н. С. Мордвинов генерал-губернатору М. В. Каховскому, — последовать начертанию хозяйства верного и беззаботного... и предпочитаю всегда выгоднейшими оброки и аренды»².

Так рассуждало большинство новых помещиков.

Хотя и при ханской власти крымское крестьянство, считавшееся свободным, испытывало на своих плечах тяжелый гнет беев и мурз (крестьяне платили «десятину», отбывали от 6 до 8 дней барщины в год, несли ряд повинностей), устанавливаемые русскими помещиками нормы эксплуата-

¹ С. А. Усов «Историко-экономические очерки Крыма», стр. 46. Симферополь. 1925.

² «Известия таврической ученой архивной комиссии» (ИТУАК) № 51, стр. 245.

ции вызывали у крестьян резкое недовольство, принявшее вскоре характер ожесточенной классовой борьбы: татары изгоняли помещиков и их управителей, уничтожали межевые знаки, рубили леса.

«Байдарские крестьяне, — писал 22 октября 1798 года граф Мордвинов губернатору И. Я. Селецкому, — самовольно овладели и пользуются моими землями, рубят и продают мои леса и, изгнав приказчика моего, сами всем распоряжаются»¹.

Дворяне осаждали властей просьбами о помощи.

«Все здешние российские помещики, — писал академик П. Паллас генерал-губернатору, — просят через меня ваше высокопревосходительство и между тем твердо уповают на правосудие ваше, что, конечно, не по долгу, а из человеколюбия не преминете доставить всем нам защиту и душевное спокойствие»².

Почтенный академик, получив ордер на 4500 десятин земли в Шульской долине, захватил при межевании земли деревни Ай-Тодор. Крестьяне спорили с новым помещиком и доказывали ему, что землемер включил в план их собственные земли, сады и леса. Однако, игнорируя эти заявления, Паллас поспешил занять имение и для составления акта пригласил в помощь капитан-исправника Адиль-мурзу. При этом разыгралась следующая сцена:

«Во время составления акта межевания вместо 11 выбранных татарами старожилых людей ввалилась во двор толпа татар до 50 человек, с великим шумом и немалым азартом говоря, что плана они подписывать не будут, так как отмежеванные Палласу земли — их общественные. Исправник, видя их худое настроение, требовал через своего человека 10 старейших к себе в горницу с целью их уговорить. Но они, прогнав его, сказали, что никто к нему не пойдет. Тогда исправник сам вышел к ним во двор и начал их уговаривать. Но вдруг несколько человек татар, схватив исправника за грудь, начали его бить по щекам и кулаками по бокам». Арестованные и доставленные в колдовках в областное правление 5 «за-

чинщиков» заявили, что в 1796 году крестьяне «принуждены были насильно — угрозами и побоями — исправником с бывшими чинами отводить границы общей земли пяти деревень, как ему, землемеру, было угодно, а потом им объявили, что вся та округа по высочайшему повелению отведена Палласу... Не желая добровольно лишаться собственности, крестьяне условились не подписывать плана ни под каким видом»³.

В то время как одна часть татар дралась за свою землю и давала энергичный отпор новым помещикам, другая, более значительная часть крестьянства выражала свой протест в форме бегства с насиженных мест: татары бросали на произвол судьбы все свое имущество и уходили в Турцию. Эмиграция татар принимала с каждым днем все большие размеры. В течение первых десяти лет после занятия Крыма численность татарского населения сократилась в связи с эмиграцией на 75%: по данным Сумарокова, являвшегося членом особой комиссии по разбору земельных тяжб, за этот период из Крыма эмигрировало до 300 тысяч татар. Эти данные в большей или меньшей степени совпадают с показаниями других современников. Так, Тунман⁴ в своем описании Крыма определяет численность населения Крымского ханства до покорения его Россией в 400 тысяч человек. При составлении же «Камерального описания Таврической области» в 1802 году в Крыму оставалось лишь 100 446 татар.

Недовольство татар, нашедшее выражение в массовой эмиграции, не на шутку обеспокоило царское правительство. Турция, являвшаяся еще в то время сильной державой, не примирилась с потерей Крыма, и угроза реванша с ее стороны представлялась вполне реальной. При таких условиях враждебность татарского населения к России могла быть использована Турцией. Именно поэтому Потемкин перед началом второй турецкой войны (1787—1791) обращал внимание правителя Таврической области на то, что «предприемлемое некоторыми (та-

¹ ИТУАК № 51, стр. 245.

² ИТУАК № 47, стр. 209.

³ ИТУАК № 47, стр. 204—205.

⁴ Тунман «Крымское ханство», стр. 24.

гарами.— С. Л.) удаление из Тавриды доказывает их неудовольствие... Войдите в причины оного,— предлагал Потемкин,— в таком положении не вздумали бы они оставить землю своих отцов»¹.

Причины эмиграции татар получили четкую формулировку в докладе военного губернатора Михельсона. По мнению последнего, корень недовольства кроется в том, «что: многие татаре-поселяне остались без земли вследствие раздачи их земель в качестве пустопорожных и 2) отношения новых помещиков к татарам-поселянам стали неблагоприятные, а в некоторых случаях прямо враждебные, так как новые помещики желали, чтобы они вместо крепостных им служили»².

Захватывая земли, разоряя цветущий край, царские сатраны прикрывали этот грабеж показным благополучием.

В 1787 году царица Екатерина II совершала путешествие по покоренному Крыму. Живописные деревни окаймляли дорогу, по которой она ехала: эти деревни были наспех воздвигнуты по приказу Потемкина. У домов были отстроены лишь фасады, амбары были полны мешками, в которых вместо муки был насыпан песок. Крестьяне встречали Екатерину хлебом и солью, но вместо соли в солонках был толченый камень. По пути Екатерине II попадались стада, которые каждую ночь гнали вперед, чтобы опередить Екатерину II и на утро показать их в другом месте. Эти деревни, воздвигнутые Потемкиным и вошедшие в историю под названием «потемкинских деревень», были маскировкой того колониального грабежа, которым сопровождалось покорение Крыма.

3

Ведущую роль в борьбе с татарским крестьянством в Крыму играл граф Н. С. Мордвинов, пользовавшийся большим влиянием при царском дворе. В своих многочисленных записках, рассылавшихся в высшие государственные учреждения России, граф об-

винял местную власть в игнорировании русских (т. е. помещичьих) интересов.

«Хотя при начале татарских мятежей,— писал он в одной из этих записок,— отданы были некоторые татары за уничтожение межевых признаков и другие тому подобные наглости под суд, но впоследствии никто не был наказан и все было обращено в претензию о землях... Помещики во все оное время были токмо зрителями тех самоуправств, с какими татары распоряжались их именьями и доходами. Самым новейшим доводом сему служит поданная военным губернатором Михельсоном записка, в которой предлагал он отнять у всех христиан-помещиков земли и раздать оные татарам»³.

Нетрудно убедиться, что в приведенной нами выше записке Михельсона нет и намека на те «страшные» предложения, которые приписал ему Мордвинов. Граф оклеветал Михельсона в глазах дворянско-помещичьего правительства и добился смещения губернатора с должности за то только, что последний обнажил крепостнические приемы колонизаторов.

Мордвинов оказывал также большое давление на деятельность образованной в Крыму Особой комиссии по разбору земельных тяжб. Комиссия эта под председательством сенатора Лопухина усиленно занималась взяточничеством и разрешала все споры в пользу помещиков. Однако и эта комиссия не вполне удовлетворила дворян: попытка ее санкционировать существовавшие при ханской власти предельные размеры оброка и барщины (десятая часть урожая и 6—8 дней барщины в год) была встречена помещиками в штыки.

«Когда Крым принадлежит России,— апеллировал Мордвинов к национальной чести,— то, по-моему, не должно из земли российской делать землю татарскую и несвойственно читать в книгах ханских законы для народа российского»⁴.

Возражая против установленных комиссией предельных норм оброка и барщины, граф исходил также из «вос-

³ «Архив графов Мордвиновых». Т. III, стр. 197—198, 1902.

⁴ П. Никольский «Завоевание Крыма дворянской Россией». Сборник «Крым». Ч. I-я, стр. 58. 1930.

¹ ИТУАК № 8, стр. 12.

² ИТУАК № 24, стр. 62.

питательных» соображений. «Узаконение малой повинности поселян за землю, которую они у помещиков в найме содержат,— доказывал он,— может послужить к возбуждению ленности, всегда вредной»¹.

В своих выступлениях помещики все чаще указывают правительству на неблагонадежность татар. Уполномоченный крымских дворян Чернов, например, в своей записке генерал-прокурору Беклешову рассказывает о «готовности татар к измене российскому престолу» и подкрепляет это сообщение небылицами о «приношении ими в мечетях жертв об изощрении меча на погубление христиан и об явном правиле, по которому они ни во что вменяют присягу в верности христианской державе»².

Наряду с обвинением татар в измене дворяне усиленно подчеркивают свой патриотизм и заслуги перед отечеством и престолом.

Сохранившиеся документы из архива графа Мордвинова ярко характеризуют подлинную сущность дворянского патриотизма.

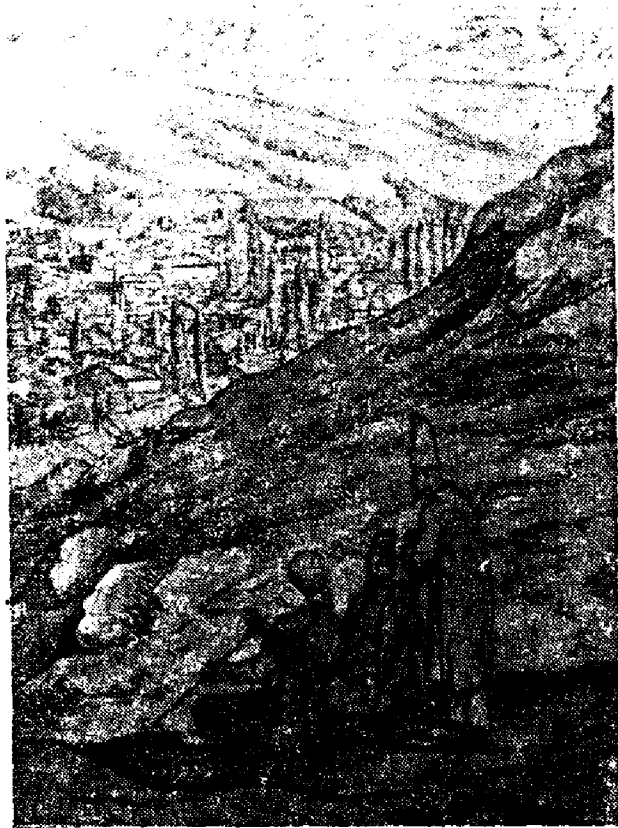
Так, в 1812 году, когда на территорию России вторгся Наполеон со своими войсками, московское дворянство организовало комитет по сбору пожертвований на войну. 15 июля 1812 года Мордвинов направляет в комитет 560 рублей в сопровождении следующего заявления:

«Адмирал Мордвинов вносит по числу 56 душ, в Московской губернии за женой его состоящих, 560 рублей и обязывается на все время продолжения войны из восьми блюд, составляющих его стол, уменьшить пять, напитков иностранных за столом своим не употреблять, из восьми лошадей, содержащихся ныне, уменьшить четыре. Жена его и дочери обязываются не носить на себе ничего иностранного и одежду российского рукоделия никакими накладками, уборами, шитьями не украшать. Весь же остаток дохода, от уменьшения расходов последующий, обязывается он ежегодно вносить в государственное казначейство»³.

¹ П. Никольский «Завоевание Крыма дворянской Россией». Сборник «Крым». Ч. 1-я, стр. 58. 1930.

² ИТУАК № 24, стр. 69.

³ «Архив графов Мордвиновых». Т. IV, стр. 26.

Крымские татары. Бахчисарай. XVIII век.
Государственный исторический музей.

В адресованном председателю Комитета препроводительном письме этот крупнейший помещик, владевший многими десятками тысяч десятин земли, цинично поясняет: «Я приношу то, что не умаляет имущества моего. Я не приношу ни части капитала моего, я приношу то, что каждый принести может».

Спротивление татар захвату их земель и введению крепостных форм эксплуатации привело этих «патриотов» к мысли о необходимости полного переселения татар из Крыма. Поборником этой идеи являлся граф Н. С. Мордвинов, типичный колонизатор, рассматривавший захват Крыма и берегов Черного моря как один из этапов на пути к овладению Константинополем и Дарданеллами.

Отождествляя интересы сотни русских помещиков в Крыму с интересами России, Мордвинов четко поставил и обосновал программу переселения татар с Черноморского побережья. В поданной царю записке он писал: «Не должно магометан водворять на военно-стражевых стезях гор; не должно вводить чересполосное владе-

ние на землях христиан... Но должно татар вывести на привычную и свойственную им полосу пространственных степей и вернуть помещикам то, что у них отнято»¹.

У Мордвинова, являвшегося одним из крупнейших крымских помещиков, были особые счеты с татарским крестьянством.

Получив ордер на 5 тысяч десятин земли, Мордвинов отмежевал для себя живописную долину вокруг Ялты и так окружил город своими землями, что не оставил даже выгона для скота. С развитием Ялты ценность мордвиновских владений из году в год колоссально возрастала.

Не довольствуясь этим, предприимчивый граф занялся земельной спекуляцией: покупал и перепродавал имения. В своих воспоминаниях дочь Мордвинова рассказывает: «В то время в Крыму имения продавались по дешовым ценам; отец мой купил Суук-Су, Эльбузгу и виноградники в Судаке. Саблы и Кореинку тоже купил, но опять продал, чтобы приобрести Байдарскую долину и имение в Пензенской губ.; купил еще в Днепровском уезде Черную долину и имения в Мелитопольском уезде, в Саратовской и Оренбургской губерниях и все населил крестьянами из других деревень»².

Особенно большую ценность представляли владения Мордвинова в Байдарской долине, где между крестьянами и помещиком в течение многих лет велась жестокая борьба. В долине этой были расположены двенадцать деревень (около 900 татарских дворов), жители которых издавна владели землей, занимались земледелием, разводили сады и виноградники. К несчастью крестьян, долина, являвшаяся подлинной жемчужиной Крыма, пришла по вкусу «светлейшему» князю Потемкину, который приобрел здесь у мурз за 6 тысяч рублей пять небольших имений общей площадью в 346 десятин. После присоединения Крыма Потемкин распорядился прирезать к его даче три деревни, расположенные в Байдарской долине. Соот-

¹ «Архив графов Мордвиновых». Т. IV, стр. 64.

² Н. Мордвинова «Воспоминания об адмирале графе Н. С. Мордвинове и о семействе его», стр. 27—28. СПО. 1873.

ветствующий ордер, направленный 16 августа 1787 года таврическому губернатору Шаховскому, гласил:

«По близости Байдарской моей дачи находятся удобные к разведению садов места, а именно деревни Форос, Мшатка и Мухалатка, около которых я намерен посадить масличные и другие деревья, теплomu климату свойственные, для чего и предписываю вам: означенные три деревни отмежевать мне совокупно с Байдарской моей дачей»³.

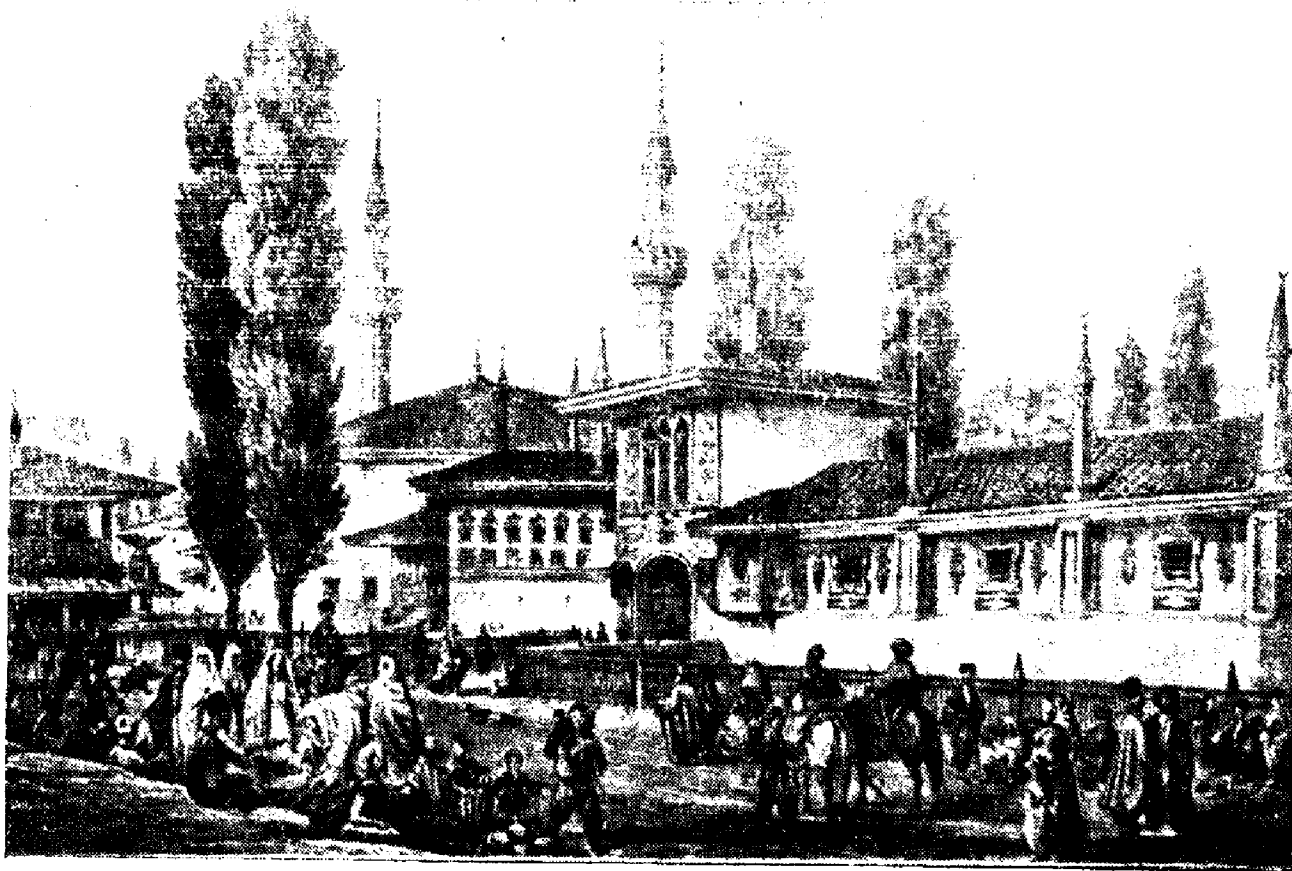
Вследствие наступившей вскоре смерти Потемкина указанные три деревни не были ему отмежеваны, но ордер перешел к племяннику князя генералу Высоцкому, который унаследовал также приобретенные Потемкиным 346 десятин земли. Однако при благосклонном участии таврического губернатора С. Жегулина в ведомость пожалованных земель была внесена запись, совершенно не соответствовавшая подписанному Потемкиным ордеру. «Князю Потемкину-Таврическому,— гласила эта запись,— при Байдарской долине, хотя формально не отмежевано, но обойдено и положено на план удобной земли 13 000 дес. и неудобной 2150 дес.»⁴. С помощью такого чуда — очень характерного для этой эпохи — генерал Высоцкий оказался владельцем не только трех деревень, но и всей Байдарской долины с ее двенадцатью деревнями. Не рискуя вступать во владение столь сомнительным наследством, генерал поспешил сбыть его за небольшую сумму. Покупатель нашелся в лице Мордвинова. Согласно купчей крепости, Высоцкий продал, а Мордвинов купил «оставшиеся после покойного дяди состоявшие в Таврии Байдарские долины... с лугами и рыбными ловлями, садами, мельницами, лесами, налицо в тех долинах состоящими, с хлебом, скотом, птицею и со всем имуществом как крестьянским, так и господским»⁵.

За все эти богатства, включая движимое и недвижимое имущество от-

³ Рукопись «Дела татар с наследниками графа Мордвинова о земле и лесах в даче Байдарской долины». Рукопись хранится в Ялтинской центральной библиотеке имени Чехова.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Ханский дворец в Бахчисарае.

О гравюры начала XIX века.

нюдь не крепостных крестьян, Мордвинов уплатил 20 тысяч рублей ассигнациями: по 1 рублю 30 копеек за десятину, т. е. меньше даже того, что платили воры-чиновники, расхищая под видом покупки государственные земли.

Когда Мордвинов приступил к межеванию земель в долине, он натолкнулся на энергичное сопротивление крестьян, которые, как один человек, встали на защиту своего имущества.

В поданном царю прошении депутаты двенадцати деревень писали:

«Мирно и тихо жили в долине наши предки, владея своими землями. Но как только вошел в долину граф Мордвинов, то тотчас же начал с нами тяжбу, оспаривая принадлежащие нам земли. Тяжба эта тяжело отзывается на нашем экономическом быту. От нас хотят отнять вековую собственность. С каждым годом более и более теснимые, затрачивая последние крохи на защиту своей собственности, мы обеднели; табуны лошадей, стада рогатого скота и овец, наполнявшие долину, исчезли, положение с каждым днем становится тяжелее. Граф Мордвинов — сила; мы не можем с ним бороться... Мы трепещем за свое буду-

щее, за будущее наших жен и детей»¹.

Жалобы татар были напрасны: Байдарская долина осталась за Мордвиновым...

4

В обезземеливании татарского крестьянства в Крыму активное участие вместе с русскими помещиками приняли также татарские бей и мурзы, с которыми дворянская Россия быстро нашла общий язык. Татарские мурзы оказались такими же «патриотами», как и русские дворяне. Они продавали интересы Крымского ханства то Турции, то России, в зависимости от того, кто больше заплатит.

Резидент царского двора при крымском хане князь Долгоруков рассказывает: «Мурзы в разговорах своих совестно открываются, что не отступили бы от дарованной им вольности и независимости, если бы не лишились через то многих выгод: мы от Порты — говорят они — ежегодно получали по знатности рода и чинов своих деньги...»².

¹ Рукопись «Дела татар с наследниками графа Мордвинова о земле и лесах в даче Байдарской долины».

² ИТУАК № 51, стр. 25.

Как известно, царское правительство также израсходовало немалые суммы на подкуп беев и мурз.

Одним из первых актов Екатерины II после присоединения Крыма было предоставление беям и мурзам прав российского дворянства. В то время как широкие массы татарского крестьянства испытывали на своей спине всю тяжесть военно-колониального захвата, мурзы вместе с русскими дворянами и чиновниками занимались расхищением крестьянских земель.

Когда татарское крестьянство, спасаясь от гнета новых помещиков, стало покидать насиженные места и эмигрировать в Турцию, бросая на произвол судьбы свое имущество, мурзы не преминули прибрать к своим рукам оставленные беженцами земли. Пользуясь темнотой метавшегося в поисках выхода татарского крестьянства и полным его незнанием с царскими законами, мурзы в этот период убеждали крестьян, что они могут сохранить свою землю, переписав ее на имя мурз. Обман удался: при опросе властей крестьяне показывали, что земля их принадлежит мурзам. Таким путем много крестьянских владений перешло в руки татарских дворян.

Воспользовались мурзы и щедростью Потемкина. В списках пожалованных земель встречаются имена многих татарских дворян, ошачествленных ордерами. Мегметша — бей Ширинский — в дополнение к своим обширным наследственным владениям получил еще от Потемкина Кокоский округ в 27 333 десятины. Батыр-Ага получил Салгирский округ — 14 629 десятин, и т. д.

Мурзы быстро освоились с новыми условиями и, подобно русским помещикам, уже не довольствовались нормами оброка и барщины, существовавшими при ханской власти.

В погоне за чинами, орденами и другими благами мурзы не останавливались перед любым предательством по отношению к татарскому народу.

Царское правительство часто пользовалось услугами беев и мурз при проведении своей колонизаторской политики. Когда началась война с Турцией, губернатор Мертваго, опасаясь выступления крестьянства, решил выселить за Перекоп всех татар, проживавших на Южном берегу Крыма. Осу-

ществление этой задачи губернатор возложил на мурз и на татарское духовенство.

К этому делу был привлечен и таврический муфтий (высшее духовное лицо) Сеид-Мустафа-эфенди, который сделался секретным агентом царской полиции. В письме к губернатору от 12 марта 1807 года муфтий сообщал, что он ездил в татарские селения и под видом исполнения обязанности духовного отца «старался много говорить с татарами, чтобы узнать, как они думают и верны ли государю императору»¹.

В то время как мурзы из кожи лезли вон, чтобы доказать свои верно-подданнические чувства царскому правительству, татарское крестьянство, подвергавшееся жестокой эксплуатации новых и старых помещиков, в различных формах выражало свой протест.

В 1808 году в районе Бахчисарая произошло массовое восстание крестьянства, охватившее до 20 тысяч человек. Вследствие неорганизованного, преждевременного выступления части повстанцев полиции удалось раскрыть план выступления и подавить его.

В связи с начавшейся в 1806 году войной с Турцией в Крыму была учреждена гражданская милиция для наблюдения за татарами. Опасаясь, «чтобы татары не предприняли чего-либо вредного для пособия туркам — своим единоверцам», власти решили «освободить Крым от воинственных элементов». С этой целью губернатор Мертваго предложил мурзам взять на себя инициативу формирования нескольких конных полков, которые под командой знатнейших мурз были бы направлены на север для защиты границ России. Послушные мурзы выполнили это поручение: они обратились к царю с просьбой о разрешении выставить нужное количество конных полков «для защиты отечества»².

Формирование полков велось «добровольно». Однако сопротивление крестьян набору было столь сильно, что властям пришлось прибегнуть к аресту зачинщиков. Всего было сформировано 4 конных полка, которые спешно были направлены в Вильно.

¹ ИТУАК № 49, стр. 20--21.

² Там же, стр. 10.

В пути «добровольцы» взбунтовались. 30 июля 1808 года в одном из полков, следовавшем через Лубны, началось возмущение. Люди кричали: «Куда и зачем нас ведут?» «Офицер и командир Хункалов не могли поддерживать в полку должного порядка и дисциплины, боясь со стороны нижних чинов каких-либо диких поступков и смертоубийства»¹. Беспорядки произошли и в полку, следовавшем через Городищенский уезд, Черниговской губернии. Здесь «около 200 нижних чинов, отделясь от фронта, направили путь к Чернигову с намерением вернуться в Крым. Подскочив к уряднику, державшему знамя, побили его и выхватили из рук его знамя»².

Для пополнения полков, поредевших вследствие бегства солдат, губернатор Бороздин распорядился набрать людей по одному на каждые 160 душ. На этот раз вербовка происходила с еще большими трудностями. Среди «добровольцев» преобладали наемники из цыган, черкесов и неспособных к службе татар. Несмотря на столь бесславный конец всей этой затеи некоторые мурзы, командиры полков, были возведены в генеральский чин.

В 1812 году мурзы поспешили проявить свои верноподданнические чувства.

«Мы, здешнее сословие таврических дворян магометанского закона, верноподданные же его императорского величества, — писали мурзы в адресе царю, — изъявляем все вообще готовность свою служить его величеству падишаху не только своим иждивением, но даже и жизнью нашей... Все должны идти противу общего врага — француза»³.

Служба татарского дворянства свелась к тому, что большое число именитых молодых людей было причислено к канцелярии губернатора. Эти, как их называли, «заседатели» находились при губернаторе и, по существу, бездельничали. Так служили дворяне.

Все же тяготы войны легли на плечи татарского крестьянства, которое, помимо всяких повинностей, обязано было поставлять «пушечное мясо» для укомплектования татарских полков.

Объявленный с этой целью набор натолкнулся на сильное сопротивление

крестьян. Основываясь на манифесте Екатерины II, обещавшей татарам полное освобождение от рекрутчины, крестьяне медлили с набором ратников. Когда же было отдано распоряжение о явке их на сборный пункт, татарская деревня поднялась. Крестьяне Байдарской долины и всей Махолдурской волости арестовали старшину и решили не давать ратников. «Крестьяне, — доносил исправник, — обязались под круговой порукой и подписками и дали одни другим своих заложников, чтобы ни в каком случае не давать ратников, хотя бы пришли к ним и войска»⁴.

Вот текст одной из подписок, которыми обменялись крестьяне деревень Айргуль и Фотикала: «Мы, деревни Айргуль жители, совершеннолетние и малолетние, — одним словом, все подписываемся в том, что нет между нами такого человека, которого бы язык мог произнести согласие на дачу ратников... Даем сию нашу подписку деревни Фотикала жителям, чтобы она служила им свидетельством»⁵.

Движение все усиливалось. 11 июля 1813 года евпаторийский исправник сообщал о нелегальной сходке жителей разных деревень Тулацкой волости, пославших к губернатору выборных людей и постановивших не расходиться до их возвращения. «Ежели сия толпа не будет разогнана, — писал исправник, — то весь уезд готов взволноваться и употребить оружием кося»⁶. Для подавления бунта, охватившего также Чергунскую и Севастопольскую волости, были посланы карательные отряды — движение было подавлено.

Но проявления недовольства и протеста, вызванные угнетением татарского крестьянства, не прекращались. В 1860—1862 годах снова развернулась массовая эмиграция татарского крестьянства, совершенно обезлюдившая крымскую деревню. Татарские трудящиеся массы активно участвовали в борьбе с ненавистным самодержавием и в последующие годы: в революции 1905 и в революциях 1917 годов, борясь вместе с рабочим классом России за освобождение от гнета царизма.

¹ ИТУАК № 49, стр. 29.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 44.

⁴ Там же, стр. 74.

⁵ Там же, стр. 81.

⁶ Там же, стр. 78.

Ю. Оснос

СЕМЕНОВ — СТАВЛЕННИК ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

1

6 апреля 1922 года из вагона первого класса вашигтонского экспреса на перрон Пенсильванского вокзала, в Нью-Йорке, вышел «главнокомандующий всеми вооруженными силами и атаман казачьих войск русской дальневосточной окраины» генерал-лейтенант Семенов. К элегантно одетому пассажиру немедленно подошел отделившийся от группы полицейских судейский чиновник и объявил Семенову, что тот арестован. Формальным поводом для ареста был иск на 500 тысяч долларов от «Юроветской компании внутренней и внешней торговли» — американской фирмы, обвинявшей Семенова в ограблении ее и называвшей его бандитом.

После длительных уговоров Семенову удалось убедить власти выпустить его под залог в 25 тысяч долларов. Деньги он обязался достать к 9 часам вечера, а в качестве временной гарантии предоставил ожерелье своей жены — «фамильное» сокровище из 432 жемчужин. Друзья Семенова лихорадочно бегали по городу в поисках денег, но раздобыть их не удалось. Один из банков, согласившийся внести залог, в последний момент отказался «из патриотических соображений». Полиция, терпеливо прождавшая до 4 часов следующего дня, явилась в отель и отвезла Семенова в тюрьму.

* * *

Карьера казачьего есаула Григория Семенова началась с того дня, когда он вместе с бароном Унгерном был послан Керенским на Дальний Восток

вести антибольшевистскую пропаганду. Весной 1918 года Семенов был представителями Японии, Англии, Франции и США признан самым подходящим лицом для придания «истинно русского духа» снаряжавшемуся Антантой антисоветскому походу. Сформированный при помощи союзников «особый манчжурский отряд» Семенова вначале расстреливал дальневосточных рабочих и крестьян согласно указаниям четырех великих держав. Но вскоре влияние Японии решительно возобладало. Семенов превратился в чистого японского агента, находящегося на полном содержании правительства микадо и выполняющего все его распоряжения. Япония использовала Семенова не только для борьбы с советской властью, но и для разрушения влияния своих союзников, в первую очередь США. Кошмарный семеновский режим на Дальнем Востоке продолжался более двух лет. Самое имя атамана превратилось в символ ужаса и зверства. В начале 1920 года открыто поддерживать Семенова Японии стало невозможным: уж слишком это не вязалось с теми миролюбивыми заявлениями, которые она была вынуждена делать перед лицом других держав. Японии пришлось временно отказаться от своего скомпрометированного агента. Летом 1920 года Япония объявила об эвакуации своих войск из Забайкалья. Семенов, зажатый в Чите партизанскими отрядами, обратился к японскому наследному принцу с письмом, умоляя его отсрочить эвакуацию «хотя бы на четыре месяца». Ответ был безразличен. Верный исполнитель японских предписаний должен был читать: «Ваше влияние на русский народ с каждым днем слабеет, и ненависть, которая против Вас чувствуется, нашу политику не поддерживает»¹. Семенов был вынужден бежать из Читы.

Но и после этого Япония все же не отказалась от своей ставки на Семенова. В декабре 1920 года, в период подготовки наступления остатков бе-

¹ З. Карпенко «Гражданская война в Д.-Восточном крае (1918—1922)», стр. 128. Хабаровск. 1934.

логвардейских частей из Манчжурии на Приморье, Семенов под японской охраной был привезен во Владивосток. Но карта опять оказалась битой. Появление Семенова вызвало среди населения такое негодование, что консульский корпус принужден был потребовать высылки атамана.

Весной 1921 года в Порт-Артуре Семенов принял участие в соглашении Японии, Франции и белогвардейца Меркулова, предусматривавшем переброску на Дальний Восток бывших врангелевских войск и наступление их совместно с местными белогвардейцами на дальневосточную республику.

В мае того же года он появился на борту японского судна во Владивостоке в качестве претендента на власть в правительстве Меркулова. Потерпев неудачу и здесь, он бежал в Манчжурию.

После этого атаман переселился на жительство в Японию. Но вскоре японское министерство иностранных дел под напором широких кругов населения, выразивших недовольство неудачной сибирской интервенцией, предписало ему покинуть пределы страны. Семенов отправился в Шанхай. Здесь ему было пред'явлено судебное обвинение в изнасиловании, предательстве и жестокости. Перебравшись в Тяньцзинь, Семенов в конце 1921 года начал хлопотать о разрешении на въезд в Соединенные штаты Америки.

С какой целью предпринял Семенов поездку в США, точно неизвестно. Сведения о целях поездки были весьма противоречивы. В Вашингтоне 5 апреля 1922 года Семенов заявил, что его путешествие не имеет абсолютно никакого политического характера, ни с какой стороны не связано с подготовкой нового нападения на Советскую Россию и что исключительной целью его переезда через океан является «поправить слабое здоровье жены»¹. Но в другом, сделанном Семеновым за три дня до этого заявлении указывалось, что он приехал в США с тем, чтобы организовать поддержку 2 миллионов русских эмигрантов для «мирного» превращения Сибири в «автономное государство». «На-

¹ «Нью-Йорк таймс» от 5 апреля 1922 года.

стало время для действий в Сибири,— сказал Семенов.— Нужна лишь небольшая помощь, чтобы она поднялась и сбросила большевиков»². Этому, однако, противоречила декларация шанхайского представителя Семенова, Лугича, который еще в период хлопот о визе указал на непосредственную связь поездки с портартурскими планами. «Ген. Семенов намеревается отдохнуть в Соединенных штатах, пока не будут завершены переговоры о займе у ньюйоркских банков для финансирования новой революции в Сибири. Американские банкиры дали согласие предоставить средства для возобновления военных действий и ждать уплаты после успеха предприятия. Намеченный план предусматривает, что ген. Врангель, находящийся в безопасном положении в нейтральном государстве, возьмет командование над своими бывшими солдатами, находящимися в Сибири, и возглавит одновременное наступление в восточной и западной России»³.

Наконец, «Нью-Йорк таймс» от 26 апреля сообщил, что Семенов намеревается отправиться в Париж, где должен принять участие в подготовке антисоветского похода, возглавляемого великим князем Николаем.

Все эти данные, как видим, весьма разноречивы. Истинную подоплеку поездки Семенова, очевидно, следует искать исходя из положения японских войск в Сибири и новейших событий в области международной политики. Еще в сентябре 1921 года Японией была организована Дайренская конференция. Она имела целью создать видимость стремления Японии разрешить вопрос об интервенции посредством «мирных» переговоров с дальневосточной республикой. Япония надеялась этим путем отвлечь мировое общественное внимание от положения в Сибири. На конференции Японией были пред'явлены требования, фактически превращавшие ДВР в колонию страны восходящего солнца, требования, абсолютно не приемлемые для республики. После семимесячных дебатов Япония готовилась оконча-

² «Нью-Йорк таймс» от 2 апреля 1922 года.

³ «Чикаго ньюс» от 9 января 1922 года.

тельно сорвать конференцию. Срыв конференции и произошел 19 апреля 1922 года, через две с лишком недели после появления атамана в Соединенных штатах. Очевидно, поездка Семенова ставила задачей нейтрализовать неблагоприятный эффект готовящегося срыва.

Следует также учесть, что в это же время готовилась Генуэзская конференция, где крупнейшие державы под давлением широких трудящихся масс и послевоенного экономического кризиса собирались вступить с Советской Россией в переговоры о восстановлении отношений. Конференция в Генуе взбудоражила все реакционные силы мира. Успех ее означал прорыв антисоветского фронта и подрывал планы нового наступления на РСФСР. Против Генуи была поднята широкая кампания. Антисоветские элементы всеми силами пытались доказать, что вооруженная «ликвидация большевиков» все еще возможна. Все это дает основания предполагать, что приезд Семенова в США был одним из звеньев в сложной цепи интриг, образовавшихся тогда вокруг Генуи. Это заключение косвенно подтверждается и тем фактом, что США отказались от участия в конференции. Характерно, что Семенов заявил при приезде в Вашингтон, что, с его точки зрения, «отношение Соединенных штатов к Генуэзской конференции превосходно»¹.

2

Формальным поводом для ареста Семенова, как мы уже говорили, был иск, предъявленный «Юроветской компанией внутренней и внешней торговли». Компания обвиняла Семенова в том, что он и его казачьи отряды, «представляя собой обыкновенных бандитов», ограбили фирму на 500 тысяч долларов, чем вызвали ее банкротство. Дело обстояло так. В период интервенции, когда «Юровета» отправила в Сибирь шерстяных и других товаров на 500 тысяч долларов, семеновцы захватили имущество и товары фирмы, не уплатив за них ни гроша. Следствие по делу «Юровет-

¹ «Нью-Йорк таймс» от 5 апреля 1922 года.

ской компании», вскрывшее, так сказать, «этическую» сторону семеновской эпопеи, явилось лишь краткой главой во всей истории ареста. Следствие приобрело значение благодаря тому, что оно всколыхнуло круги американской общественности, отрицательно настроенные к интервенции или ставшие в оппозицию к ее методам после того, как интервенция потерпела фиаско. В связи с следствием были оглашены многие факты из истории интервенции, до того скрытые в архивах американской военной экспедиции в Сибири. Арест Семенова, таким образом, превратился в политическое событие и приобрел исторический интерес.

Американский легион, еще в период хлопот о визе, направил правительству протест, в котором заявлял: «Мы не можем уразуметь, почему, когда иностранцы этого сорта подвергаются высылке из страны, государственный департамент готов так охотно предоставить одному из них привилегию в'езда»².

В деле приняли участие не только те, кто в буржуазных странах формально «делает политику»: им заинтересовались более широкие круги населения. Газета «Нью-Йорк америкен» следующим образом описывала атмосферу, образовавшуюся вокруг дела Семенова после его ареста:

«Заполняя улицу, взгромоздившись на заборы, свешиваясь из окон, даже сидя на краях крыш, тысячи людей ожидали появления Семенова. Они ожидали его не для приветствий, а для того, чтобы крикнуть «Долой!» и освистать казачьего атамана. Большинство из тысяч людей, толпившихся вокруг тюрьмы в течение дня, знало казаков. То были мужчины и женщины русского происхождения, живущие в перенаселенных кварталах нижнего Ист-сайда. Они не испытывали к Семенову любви. Еще с утра были вызваны отряды полиции. Они смешались с толпой, готовые устранить возможные беспорядки и расчистить проход для посетителей тюрьмы. Один или два раза полицейским приходилось проникать в соседние помещения и удалять людей с крыш.

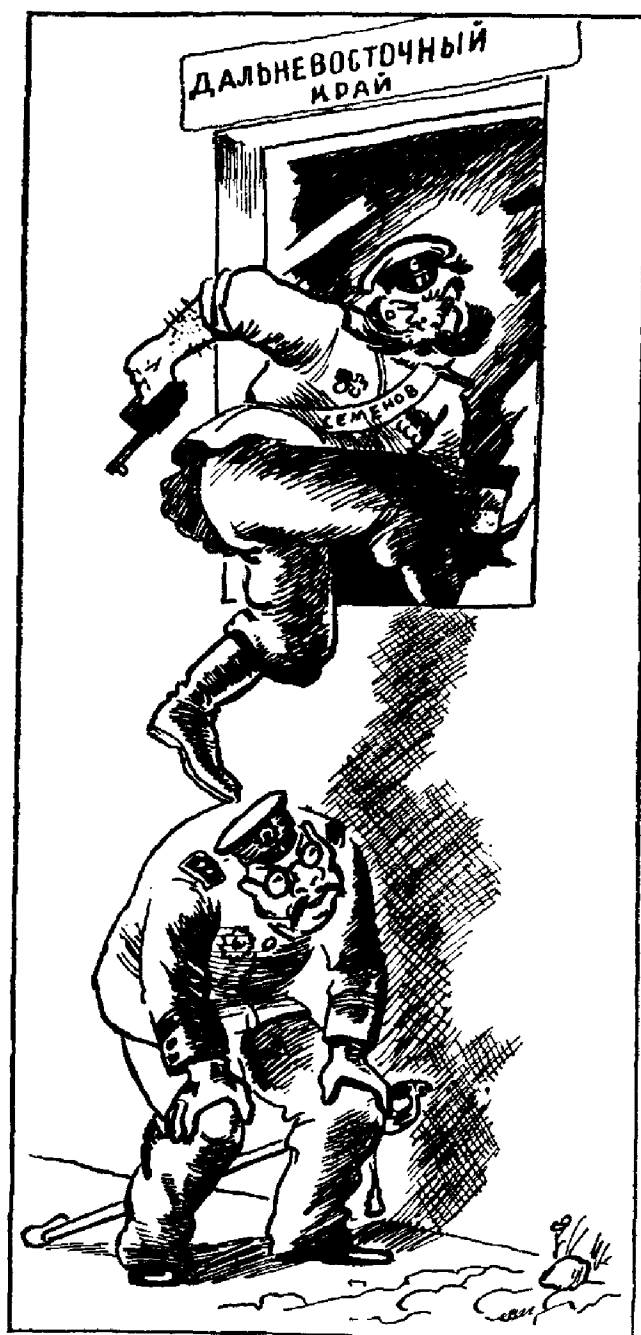
² «Чикаго ньюс» от 9 января 1922 года.

Когда упитанный генерал с своими неповторимыми усами, идущими через щеки к глазам, был проведен на допрос, гневный рев толпы затопил все крики полицейских...»¹.

Расследование деятельности атамана Семенова и мотивов его допущения в США было поручено сенатской комиссии по труду и просвещению, председателем которой был известный сенатор Бора. Заседания комиссии происходили в Вашингтоне 12 и 13 апреля. Собранные материалы состояли из свидетельских показаний лиц, занимавших официальное положение в американской экспедиционной армии в Сибири, и проверенных документальных данных. Одновременно с расследованием, которое вела комиссия, вопрос широко обсуждался печатью: публиковались наиболее яркие показания, и помещались дополнявшие их материалы.

Расследование деятельности Семенова прежде всего разоблало действительную сущность взаимоотношений «дружественных держав» в Сибири. Среди интервентов, стремившихся к свержению советской власти и восстановлению в России капитализма, наблюдались глубочайшие противоречия. Особенно резкими были эти противоречия между Соединенными штатами и Японией. США издавна закрепили за собой на Дальнем Востоке прочные экономические позиции. Японский империализм, быстро развивавшийся после русско-японской войны, повел решительную борьбу против американского влияния, включив Тихоокеанское побережье азиатского континента в сферу собственной политической и экономической экспансии. За время мировой войны, когда западные державы были отвлечены борьбой с Германией, Японии удалось добиться в этом направлении значительных успехов. Начатая в 1918 году интервенция в Сибири, по планам Японии, должна была передать в ее руки Манчжурию и Советский Дальний Восток, укрепив этим Японию на континенте и окончательно подорвав американские позиции. Противодействие этой угрозе было одной из важнейших задач посланной Америкой экс-

¹ «Нью-Йорк американ» от 14 апреля 1922 года.

Один из «методов» интервенции на Дальнем Востоке.

Карикатура Ю. Цилевского.

педиции. Эта экспедиция сразу же натолкнулась на сопротивление со стороны ставленника Японии Семенова.

Суд над атаманом, ярко вскрыв ужасы семеновского режима в Сибири, показал истинный характер японо-семеновских и японо-американских отношений. Командующий американскими войсками в Сибири генерал Грэвс совершенно безоговорочно заявил: «Японские и семеновские войска представляли собой одну боевую единицу»².

В свете этого заявления чрезвычайное значение приобретает показание

² Грэвс «Американская авантюра в Сибири», стр. 82. М. 1932.

того же Грэвса на следствии о том, что «отношения между американскими и семеновскими войсками были настолько напряженными, что война между ними висела на волоске»¹.

Американским войскам в Сибири была поручена охрана железной дороги в Забайкалье. Союзники понимали, что нормальная работа железных дорог, перевозивших Колчаку импортное оружие и припасы, — одно из важнейших условий успешного осуществления интервенции. Но в то же время Семенов получал предписание от Японии — всеми силами препятствовать правильному функционированию дороги. Этим достигались две цели: вносилась дезорганизация в положение дел в Сибири, что было очень выгодно для Японии, и одновременно расстраивались планы американской экспедиции.

Как показал генерал Грэвс, «первый резкий конфликт произошел уже вскоре после того, как американские войска взялись за охрану Забайкальского участка для обеспечения по нему движения. Семенов стал арестовывать железнодорожных рабочих, избивая их, иногда и убивая. Он заявлял, что его обязанность — хватать большевиков, где они только есть. В этих действиях Семеновым применялся бронепоезд»².

Дело было, однако, не только в «большевиках»: семеновцы убивали и самих американцев. Майор Эрль, офицер железнодорожной службы в Сибири, показал, что «сотрудник американской «Ассоциации христианской молодежи» был убит семеновцами близ одной из железнодорожных станций. Тело было брошено. Глаза у трупа были вырваны, язык отрезан»³.

Другой офицер, К. Марч, так характеризовал отношение Семенова к США: «Семенов — заклятый враг Соединенных штатов. Он содействовал японцам в их гнусной антиамериканской пропаганде. Он доставлял нам столько неприятностей, когда приезжал во Владивосток, что мы вынуж-

дены были потребовать, чтобы он там не появлялся... железные дороги, вместо того чтобы служить населению, использовались Семеновым для бандитизма»⁴.

Какие возможности для личного обогащения представляла верная служба японцам, видно хотя бы из показаний Грэвса, по словам которого Семенов лишь посредством задержки поездов на станции Манчжурия отобрал у пассажиров «14 миллионов рублей»⁵.

Заявление Смита, одного из членов межсоюзного железнодорожного комитета (организации, созданной по соглашению всех участвующих в интервенции держав для обеспечения их общих интересов в сибирском транспорте), показывает, что деятельность японского ставленника Семенова затрагивала, кроме США, и другие державы: «Имелись многочисленные случаи, когда Семенов захватывал имущество, принадлежавшее различным державам и подданным разных государств. Указанные действия нарушали права и установления комитета, специально предусматривающие, что никакое вмешательство в дела дороги, кроме как по распоряжению комитета или русских железнодорожных служащих, не может иметь места. Действия Семенова приобрели столь серьезный характер, и работа комитета настолько нарушалась, что правительству Колчака в Омске было послано специальное извещение. Телеграмма требовала, чтобы вмешательство Семенова в работу дороги было немедленно прекращено»⁶. Подобные обращения были в условиях сибирской интервенции не редким явлением.

Одним из методов японской политики в то время было не допускать образования какой бы то ни было твердой власти на Дальнем Востоке. Оформление и укрепление централизованного и устойчивого белого правительства объединило бы силы русской буржуазии и тем самым подорвало бы единоличное японское господство. Поэтому, когда с общего согласия союзников

¹ «Нью-Йорк трибюн» от 13 апреля 1922 года.

² Там же.

³ «Нью-Йорк таймс» от 14 апреля 1922 года.

⁴ «Нью-Йорк таймс» от 12 апреля 1922 года.

⁵ «Нью-Йорк трибюн» от 13 апреля 1922 года.

⁶ «Нью-Йорк таймс» от 9 апреля 1922 года.

диктатором Сибири был выдвинут Колчак, Япония стала натравливать Семенова на Колчака. Противодействие Семенова Колчаку было настолько сильным, что последний издал приказ о предании Семенова военно-полевому суду. Против семеновских отрядов были двинуты войска. Столкновение не состоялось лишь потому, что в решительный момент колчаковские части были встречены японскими штыками, выступившими в защиту Семенова. Вступить в борьбу в этих условиях Колчак не решался, так как это означало бы открытую войну с Японией, державшей в Сибири до 70 тысяч солдат.

В этом отношении характерен следующий инцидент, рассказанный генералом Грэвсом. Соединенными штатами были посланы для Колчака 126 тысяч винтовок. Когда груз следовал из Владивостока через район расположения семеновцев, состав, по приказу атамана, был атакован. Были пущены в ход два бронепоезда и 400 солдат. Кровопролития удалось избежать лишь после заявления американцев, что винтовки будут защищаться ими до последней капли крови. Это дало возможность благополучно выбраться из Читы¹.

Конфликты с Семеновым происходили до самого последнего дня эвакуации. Семенов, зная, что к весне 1920 года войска всех западных держав должны оставить Сибирь, совершенно перестал стесняться с союзниками. «Союзные войска в период эвакуации из Сибири фактически были на положении пленников, — показал уже упомянутый Эрль. — Семенов не давал им транспортных средств, заставлял отправляться без продовольствия и вынудил идти пешком в Читу, после того как они уже проделали 700 миль»².

Ближайший помощник генерала Грэвса — Морроу — заявил, что в период эвакуации с Дальнего Востока чехов чешские и американские войска

очутились перед необходимостью разоружить 4500 семеновцев, препятствующих нормальной эвакуации. Этому помешало «вмешательство одной державы»³. Семеновский сапог наносил нежелательным Японией гостям прощальный пинок.

3

Одним из основных методов японской политики в Сибири был неслыханный, кошмарный террор. Нет никакого сомнения, что ужасающий режим семеновщины, навсегда памятный трудящимся Дальнего Востока, был частью сознательного и продуманного плана японских империалистов. Непрестанный поток льющейся крови, непрерывные зверства и преступления должны были, согласно расчету интервентов, привести край и его население в такое состояние, что установление «легального» господства Японии с ее «цивилизованными» полицейскими пытками предстало бы как своего рода «избавление».

Данные сенатской комиссии обнаружили картины, перед которыми, по истине, меркнет описание дантова «Ада».

На станции Адриановка Семеновым было устроено специальное место казней: «Согласно показаниям, пленники, наполнявшие целые вагоны, выгружались, затем их вели к большим ямам и расстреливали из пулеметов. Полковник Морроу сказал, что они были не большевиками, а невинными крестьянами. Как на главного семеновского палача Морроу указал на полковника Степанова... Апогеем казни было убийство за один день пленных, содержащихся в 53 вагонах, всего более 1600 человек. Степанов говорил, что он не может заснуть, если не убьет кого-нибудь в этот день. На следующий за резней день в Адриановку прибыл Семенов. Степанов ему доложил, и затем были банкет и пиршество»⁴.

В другой раз 10 вагонов с захваченными Колчаком пленными были расстреляны одним из семеновских генералов лишь для того, чтобы показать,

¹ «Нью-Йорк трибюн» от 13 апреля 1922 года. Этот случай описан также в книге Грэвса «Американская авантюра в Сибири». М. 1932.

² «Нью-Йорк таймс» от 14 апреля 1922 года.

³ «Нью-Йорк трибюн» от 13 апреля 1922 года.

⁴ Там же.

что «расстрелы могут производиться в воскресенье не хуже чем в будни»¹.

По заявлению Морроу, во время экспедиции семеновцев в долину реки Селенги «мирные крестьяне — старики, женщины и дети — расстреливались из пулеметов, их запирали в домах и зажигали. Награбленное имущество монголы и казаки увезли на 4 тысячах саней»². В этой экспедиции непосредственно участвовали отряды японцев. Морроу обратился к японскому командованию с протестом, но «безрезультатно»³. Бесплодность подобных протестов не вызывает удивления, если вспомнить, что сами японцы без какой-либо помощи Семенова практиковали не менее кошмарный террор. Приведем один из примеров, описанный тем же Грэвсом, имевший место 27 июля 1919 года в городе Свиягине:

«Пятеро русских были приведены к могилам, вырытым вблизи железнодорожной станции; им завязали глаза и приказали встать на колени у края могил со связанными назад руками. Два японских офицера, сняв верхнюю одежду и обнажив сабли, начали рубить жертвы, направляя удары сзади шеи, и в то время, как каждая из жертв падала в могилу, от трех до пяти японских солдат добивали ее штыками, испуская крики радости. Двое были сразу обезглавлены ударами сабель, остальные были, повидимому, живы, так как наброшенная на них земля шевелилась»⁴. Этот случай имел место в зоне расположения американских войск. Протест Грэвса в связи с этим остался без последствий.

Наиболее ярким образцом американо-семеновских отношений и семеновского террора является инцидент с бронепоездом «Разрушитель».

9 января 1920 года семеновский бронепоезд «Разрушитель» под командой генерала Богомольца прибыл в Верхнеудинск. Высадившиеся солдаты схватили начальника станции и разгромили его квартиру, забрав наибо-

лее ценные вещи. Морроу немедленно явился на бронепоезд и на том основании, что арест был произведен на территории, подведомственной США, потребовал освобождения арестованного. Богомолец в ответ сообщил, что арестованный будет казнен. Спустя несколько часов «Разрушитель» развел пары и двинулся на запад. Он остановился на станции Посальская, в 25 верстах от Верхнеудинска. На запасном пути стояли теплушки со спящими в них американскими солдатами. Без всякого предупреждения бронепоезд открыл по теплушкам пулеметный огонь. Американцы стали отстреливаться. После получасовой перестрелки, во время которой двое американцев были убиты, бронепоезд с испорченным гранатой паровозом бежал на платформу № 22. Там он был взят в плен американским отрядом. Американцы потребовали, чтобы Семенов явился на специальное совещание для расследования дела. Совещание состоялось 23 января 1920 года в Верхнеудинске в присутствии четырех американцев и двух семеновских представителей. Полностью сохранившийся протокол этого совещания был представлен Морроу в комиссию Бора и опубликован в газете «Нью-Йорк америкен» 16 апреля 1922 года⁵. Из протокола видно, что Морроу не ограничился только выяснением обстоятельств расстрела американцев, а стремился собрать улики, разоблачающие всю систему семеновщины. Благодаря этому семеновские злодеяния были обрисованы с исчерпывающей полнотой.

Показания изображают террористическую деятельность «Разрушителя», режим семеновцев в отношении крестьянства Дальнего Востока и обстановку внутри бронепоезда.

Вызванный в качестве свидетеля, офицер бронепоезда Новоселов показал:

«В Могзоне, согласно докладу командира поезда, были убиты 16 мужчин и одна женщина. Женщина была убита в связи с каким-то личным делом с комендантом станции. Они были арестованы в сочельник, и в 4 часа их отвезли за 35 верст от Могзона и

¹ «Нью-Йорк таймс» от 26 апреля 1922 года.

² «Нью-Йорк трибюн» от 13 апреля 1922 года.

³ Там же.

⁴ Грэвс «Американская авантюра в Сибири», стр. 180.

⁵ Последующие цитаты берутся из этого протокола.

убили. Сначала их раздели, потом связали за шеи по пять человек и расстреляли. Яковенко, Вахмистров и Федоров изнасиловали женщину перед расстрелом. Во время расстрела она была без сознания. После казни тела кололи штыками и бросили, а бронепоезд пошел дальше. В первый день рождества он прибыл на платформу № 37, где находятся копи. По просьбе хозяина копей, здесь было арестовано около 40 рабочих копей. Среди них были начальник станции Эршман и председатель кооператива Тихомиров. Всех раздели и расстреляли. Имущество было конфисковано, погружено на находившийся там броневик «Повелитель» и отправлено в Читу. Кольца, часы и деньги забрали командиры. В кооперативе было забрано 159 тысяч рублей.

На станции Тарбагатай на второй день рождества было высечено 11 человек, их имущество конфисковали, людей били шомполами до 75 ударов. Большинство было без сознания. Броневик приказал жителям деревни Кола приготовить 10 саней на станции Белая, восточней Петровского завода. Вечером всех крестьян перевязали за шеи веревками, отвели в лес в полугора верстах от дороги и убили. Крестьянам с санями велели отвезти тела в деревню. Вся одежда получше была снята. Многие из расстрелянных шли от поезда в лес совсем голыми.

Вся одежда и вещи, захваченные бронепоездом, отсылаются в Читу, где их продают населению со складов атамана... На станции Тарбагатай на второй день рождества команды броневиков «Разрушитель» и «Повелитель» при участии пяти японских офицеров убили 20 человек в железнодорожном складе. Склад заперли, и ключи передали начальнику станции».

Семеновщина, при своем появлении опиравшаяся на кулачество и отсталые элементы казачества, продолжала существовать как реальная сила лишь благодаря интервенции. Возможность ее существования покоилась на внешней, искусственной причине, т. е. на вторгшемся на Дальний Восток извне 70-тысячном отряде японских солдат. Рядовые кадры семеновщины набирались в основном насильственным путем, причем, что очень показательное,

семеновцы не старались завоевать население на свою сторону, но зачастую намеренно возмущали его. Япония всеми силами стремилась к тому, чтобы дальневосточный котел находился в беспрестанном кипении. Обескровленный семеновскими бандитами и японцами, гибнущий край не должен был оказать почти никакого сопротивления окончательному захвату. Показания допрошенного крестьянина Богоманова вскрывают и указанный характер семеновщины и эту ее роль в японской политической стратегии. По словам Богоманова, начальник Верхнеудинского округа послал к старосте деревни Шараридай трех уроженцев деревни с приказом отправить всю молодежь на службу в Верхнеудинск. Староста отказался. Тогда в Шараридай были отправлены три небольших отряда. Крестьяне их прогнали. После этого в деревню прибыл отряд в 75 человек и забрал в Верхнеудинск всех мужчин призывного возраста. Солдаты пороли родителей, допытываясь, где спрятаны призывники. Высекли много женщин. Были сильно избиты и многие из мобилизованных. Обыскивая село, казаки забирали деньги и ценные вещи.

«В то время, — рассказывает Богоманов, — одного из жителей обвинили в том, что он вор. Командир казачьего отряда послал 6 человек в дом, где он находился, велел взять его и высечь. Они заставляли его признаться, что он вор. Они держали на огне сковороду, пока она не стала красной и затем посадили его на нее. Так как он не признавался, то его избили нагайкой. Нагайка эта из кожи, обернутой проволокой, с тяжелым проволочным узлом на конце. Его били, пока он не превратился в кровавую кашу. Лицо было ужасно изуродовано. Он упал на пол без сознания лицом кверху. Командир, совсем пьяный, семь раз выстрелил ему в голову, а потом три или четыре раза ударил по голове шашкой. В деревнях Лухор, Шибир, Хухол, Никольском и Хардесе они делали то же самое».

Предположение, что так может вести себя военная власть, опирающаяся на поддержку населения, было бы диким. Поведение семеновцев, например в случае с «вором», представляется

просто бессмысленным. Но эта бессмысленность, как мы видели, имела свой смысл.

Насильно завербованные крестьяне восставали против своего командования. «Отряд монголов, отправившийся в экспедицию под начальством генерала Левицкого, — показал Морроу, — расстреливал, жег и грабил население, сжигал жертвы еще живыми. Отряд восстал и убил Левицкого и всех казаков, бывших с ним».

Команда самого бронепоезда удерживалась в подчинении только посредством террора. Свидетель Михаил Морозов, лекарский помощник, показал: «Меня заставляли работать на бронепоезде силой. Я хотел покончить с собой, так как не мог вынести семеновских ужасов... За малейшееслушание пороли и убивали. Один из наших пытался бежать в Манчжурию, его поймали, избили. Он умер через два дня. Проводника из вагона генерала избили так сильно, что он умер на третий день».

Пытки и казни Семеновым дальневосточных трудящихся были вызваны, конечно, не только личной жестокостью орудовавших под его руководством контрреволюционных бандитов: они являлись следствием планомерной политики Японии, которая сознательно насаждала кошмарный семеновский террор с целью захвата богатств Советского Дальнего Востока.

4

Приведенные материалы далеко не исчерпывают всех данных о японо-семеновском режиме, обнаруженных комиссией Бора. По словам Морроу, число мирных жителей, замученных Семеновым, было равно 100 тысячам. По окончании расследования Бора попытался возбудить против Семенова уголовный процесс об убийстве американских солдат, однако высшие правительственные инстанции постарались замять дело. Кассационный отдел верховного суда постановил освободить Семенова на том основании, что совершенные им преступления не подлежат американской юрисдикции, поскольку Семенов действовал за преде-

лами США и в качестве представителя «фактического правительства»¹.

Атаман был выпущен из тюрьмы. Население Нью-Йорка было, однако, так возбуждено рассказами о семеновских кошмарах в Сибири, что все дни до отъезда Семенову пришлось провести в тщательно скрываемом месте, охраняемом сыщиками и полицией. В середине июня Семенов тайно отбыл в Харбин.

Почему правительство США постаралось историю Семенова замять? Прежде всего, дело это, принявшее чрезвычайно широкую огласку, рисовало в ужасающих красках всю обстановку интервенции, в которой США принимали непосредственное участие, и таким образом делало в глазах масс ответственным за эти ужасы и американское правительство. Во-вторых, разоблачения относительно взаимоотношений американских войск с Семеновым вскрывали пассивную роль Америки в конфликте с атаманом, и это, конечно, также не могло способствовать укреплению авторитета правительства в общественном мнении. Наконец, прекращение семеновского дела диктовалось внешнеполитическими соображениями. Незадолго перед тем закончилась Вашингтонская конференция, завершившаяся компромиссом послевоенную фазу японо-американских противоречий, грозивших привести к открытой войне. Следствие по делу Семенова старательно избегало вопроса об отношениях между атаманом и Японией. Но, наконец, наступил момент, когда уже нельзя было не отвечать на вопрос, что же являлось движущей силой семеновщины и всех ее ужасов. След показаний вел прямо в Токио. США предпочли остановиться на пороге, опасаясь появления трещины в сложной и некрепкой вашингтонской постройке.

«Сенатская комиссия по просвещению и труду, — откровенно признавалась официозная «Вашингтон таймс», — расследуя вопрос о допущении Семенова, нашла на след, ведущий непосредственно в Токио. До сих пор комиссия и вызванные ею свидетели чрезвычайно тактично обходи-

¹ Шуман «Русская политика Америки», стр. 227. Нью-Йорк. 1928.

ли вопрос о Японии. Однако допрос самого Семенова сможет привести к настоящим сенсационным разоблачениям». Дело о Семенове было прекращено в связи с тем, что США боялись испортить свои отношения с Японией, только что установившиеся в результате Вашингтонской конференции. Позволить сенатской комиссии углубиться в связь японского правительства с семеновским разбоем могло оказаться опасным.

Единственным практическим, хотя и косвенным, результатом семеновского дела было дезавуирование посла Временного правительства в США Бахметьева, который в течение трех с лишним лет после Октябрьской революции продолжал считаться «законным» представителем России. В период расследования Бора заявил в печати, что он собирает улики относительно связи Семенова с Бахметьевым, а также улики в неправильном расходовании Бахметьевым казенных денег. Не дожидаясь последствий, Бахметьев поспешил заявить государственному департаменту, что «с целью служения интересам родины он готов оставить свои официальные обязанности»¹.

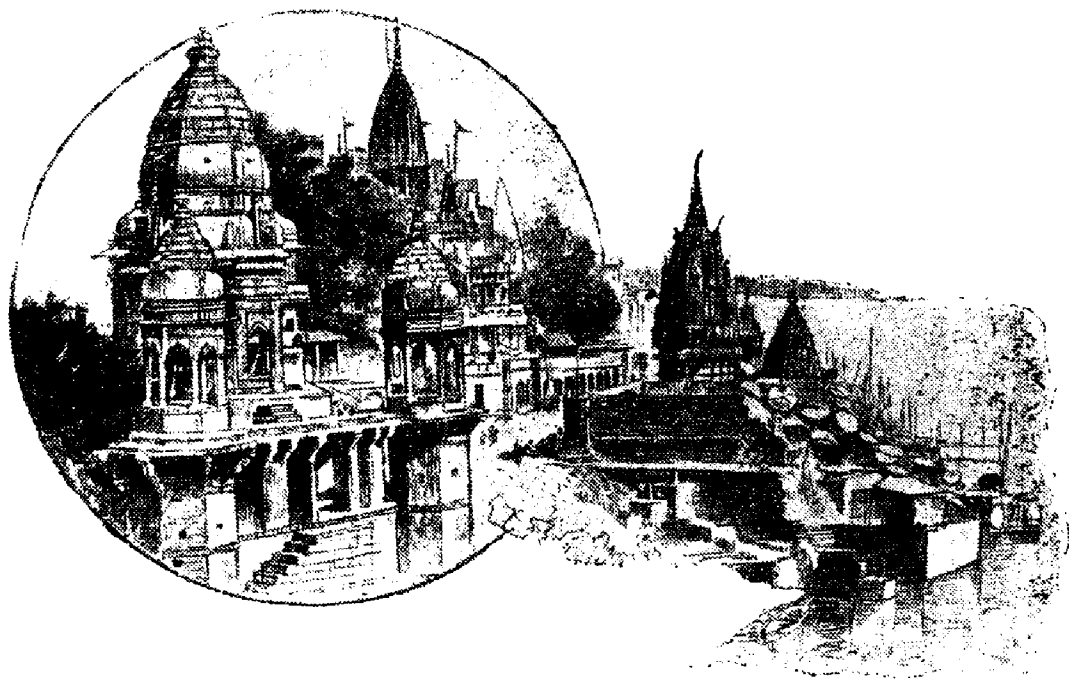
На это предложение Бахметьев незамедлительно получил согласие.

Несмотря на то что дело Семенова

¹ Шуман. Цит. соч., стр. 228.

было замято американским буржуазным судом, трудящиеся Соединенных штатов все же увидели картину империалистической интервенции на Дальнем Востоке в ее истинном, ужасном свете. Наряду с этим вскрытые на следствии факты еще раз с неопровержимой убедительностью показали перед лицом всего мира, что, какие бы неслыханные, зверские методы ни применяли империалисты в своем стремлении захватить советские территории, их действия неизменно кончатся крахом и лишь усиливают ненависть советских трудящихся к захватчикам и решимость до последней капли крови защищать свою родину от любых поползновений. Времена, когда Япония могла держать на советской территории отряд своих агентов, безвозвратно прошли. Не оставляя империалистических планов, Япония теперь делает ставку на троцкистско-фашистских бандитов, засылая их на Дальний Восток. Бандит и кровавый убийца Семенов орудует на японской службе в соответственно измененной роли: он руководит японо-белогвардейскими шпионами из Манчжурии. Но все происки врага, все попытки японо-троцкистских агентов посягнуть на Советский союз встречают сокрушительный, смертельный отпор десятков тысяч рабочих и крестьян Дальнего Востока и наших славных красных пограничников.

В. Москалев

И Н Д И Я

накануне сипайского восстания 1857 года

Индия является типичной колониальной страной, история порабощения которой отражает, как в зеркале, историю колониального закабаления многомиллионных масс трудящихся Востока.

В 1857 году в Индии вспыхнуло грандиозное национально-освободительное восстание против английского колониального владычества в Индии, против нового слоя феодалов-земиндаров (крупные арендаторы, торговцы, скупщики урожая и т. д.).

Это восстание вошло в историю под названием сипайского, так как авангард восставших состоял из сипаев — наемных солдат англо-индийской армии. Основную массу повстанцев составляли крестьяне. На первых порах к восставшим примкнула и некоторая часть старой индийской феодальной знати, недовольная владычеством Англии, которая, однако, вскоре перешла на сторону англичан, предав

восстание. Сипайское восстание охватило несколько миллионов человек и распространилось на значительной части территории Индии (Бенгалия, Бихар, Соединенные провинции и т. д.).

Повстанцы стремились изгнать иностранных захватчиков — англичан — и выступали против помещиков, требуя ликвидации феодальной системы и передачи земли крестьянам.

Английские колонизаторы использовали классовые противоречия в лагере повстанцев и после длительной и ожесточенной борьбы в 1859 году потопили в крови это восстание.

Несмотря на неудачи сипайского восстания крестьяне отдельных областей в Индии в результате этого движения все же добились некоторого, правда, не особенно длительного, улучшения своего положения. Так например в 1859 году в Индии было отменено крепостное право. Прямым следствием сипайского восстания была

окончательная ликвидация династии великих моголов и замена в Индии власти Ост-Индской компании властью английской короны.

1

Сипайское восстание 1857 года органически связано со всей историей колониального захвата Индии британскими колонизаторами, и следовательно, прежде чем рассматривать причины сипайского восстания, необходимо кратко осветить политику Великобритании в Индии и те экономические изменения в стране, результатом которых явилось это восстание.

В начале XVII столетия в Англии возникают первые торговые купеческие организации для торговли с Востоком, в частности с Индией. В этот период в Индии имелись и другие торговые фактории: голландские, португальские и французские. В результате продолжительной торговой борьбы и ожесточенных войн британская Ост-Индская компания вытеснила своих иностранных конкурентов из Индии.

Свою монополию Ост-Индская компания поддерживала прямыми подкупками, начиная от государственных деятелей и кончая английским королем.

Маркс говорил, что «Ост-Индская компания устранила простой народ от торговли с Индией».

«Уже в 1693 г. было установлено парламентскими расследованиями, что ежегодные расходы Ост-индской компании под рубрикой «подарков» влиятельным лицам, редко превышавшие до революции 1200 ф. ст., достигли к тому времени суммы в 90 000 ф. ст. Герцог Лидс был обвинен в получении взятки в 5000 ф. ст., а сам добродетельный король был изобличен в получении 10 000 ф. ст.»¹.

Взятки государственным деятелям, королю, правительственные займы — все это с лихвой покрывалось тем грабежом, который так ярко описан Марксом в «Капитале». Стоит еще раз напомнить эти строки: «...искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и

разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих, — такова была утренняя заря капиталистической эры производства... Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас по отношению ко всяким иноверцам и иноплеменникам, которых им удавалось поработить себе, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой не исключая самых диких и невежественных, самых безжалостных и бесстыдных»².

Такова была «торговая» деятельность Ост-Индской компании, таковы были те источники, из которых черпались средства для подкупов. В 1757 году войска Ост-Индской компании разбили армию бенгальского набоба и захватили всю Бенгалию, Бихар и Ориссу. В начале XIX столетия Ост-Индская компания подчинила себе Дели, Агру, Рохильканд. В 1848 году были завоеваны Синд, Пенджаб и часть Бирмы. Ост-Индская компания из торговой державы, говорит Маркс, превратилась в державу военно-территориальную: «Английское правительство, таким образом, вело в течение 200 лет войну, прикрываясь именем компании, пока не были достигнуты естественные границы Индии»³.

Вместе с грабежом и захватом военной добычи в процессе войны за покорение отдельных провинций Индии английский торговый капитал имел и другие возможности выкачивать богатства страны. Такими рычагами были:

- 1) монополия всей торговли с Индией;
- 2) монополия на соль, опиум, табак и пр.;
- 3) организация огромных факторий, где за гроши и под угрозой расправы работали индийские ремесленники.

Таким образом, «Сокровища, протекавшие из Индии в Англию в течение всего XVIII столетия, приобретались не столько путем сравнительно незначительной торговли, сколько путем прямой эксплуатации террито-

² К. Маркс «Капитал» Т. I, стр. 603. Соцэкгиз. 1931.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 357.

Туземная лавка.

Индия.

рии и захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию»¹.

Если в начале деятельности Ост-Индской компании требования о допущении к торговле в Индии раздавались со стороны части английского купечества, которое было лишено участия в ограблении Индии, то в конце XVIII столетия положение резко изменилось. Промышленный переворот в Англии, бурный рост английской промышленности, особенно текстильной, увеличение политического веса промышленной буржуазии Англии, необходимость обширного рынка для английской промышленной продукции, потребность в источнике сырья — все это не могло не выдвинуть вопроса об изменении колониальной политики Англии по отношению к Индии. Таким образом, вопрос упирался в монополию Ост-Индской компании. В парламент начинают поступать требования промышленных кругов об отмене монополии Ост-Индской компании и жалобы на дешевизну индийских тканей, которые успешно конкурируют с отечественной промышленностью и разоряют ее. В 1784 году правительство Питта (младшего) устанавливает некоторые

ограничения деятельности Ост-Индской компании, а затем и прямое запрещение ввоза в Англию тканей индийского происхождения.

«Таким образом, в течение большей части этого периода индийские мануфактурные изделия обыкновенно ввозились в Англию с тем, чтобы быть проданными на континент, минуя английский рынок»².

В 1813 году Ост-Индская компания уже не могла сопротивляться давлению торгово-промышленных кругов Англии. Ее монополия в отношении Индии была отменена, и на индийский рынок получили доступ все английские купцы. И Индия, которая до 1813 года была страной преимущественно экспортирующей, после этого стала импортирующей.

Индия стала рынком сбыта английской продукции и в первую очередь хлопчатобумажной. В результате этого наводнения Индии английскими товарами началось разорение некогда знаменитой индийской мануфактуры. «Индия, бывшая с незапамятных времен величайшей мастерской хлопчатобумажных изделий... стала наводняться теперь английской пряжей и английской хлопчатобумажной материей... что повело к гибели туземного, некогда столь славившегося хлопчатобумажного производства»³.

Миллионы ремесленников были разорены, выброшены из колеи многолетнего, привычного ремесла. Большое число ткачей погибло в нищете.

Покупательная способность индийского крестьянина и ремесленника с каждым годом падала. Рост английской хлопчатобумажной промышленности, зависевшей от американского хлопка (неурожай которого в 1850 году принес английским фабрикантам миллионные убытки), вызывал у английской буржуазии стремление создать из Индии аграрно-сырьевой придаток. Поэтому вся последующая политика английского правительства, представленного генерал-губернатором Дальхузи (1848 — 1856), сводится к дальнейшему захвату новых территорий туземных княжеств, особенно таких, земли которых могли быть без затраты больших средств использова-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 359.

² Там же, стр. 358.

³ Там же, стр. 359.

ны для посевов технических культур, нужных английской промышленности. Английский историк Кей так характеризует политику Дальхузи перед аннексией туземного княжества Берар: «Лорд Дальхузи выдвигал особенность Берара — хлопководство — как один из многих мотивов, которые он приводил в пользу аннексии этой территории»¹. Короче говоря, нужен хлопок для английских фабрик — вот главный мотив в пользу аннексии.

Для аннексии княжества Сатар был найден другой повод: «В 1849 году княжество Сатар было включено в британские владения по праву отсутствия наследника, когда умер раджа»². Старую традицию — усыновление преемника — англичане отвергли, хотя давали обещание уважать обычаи страны.

При аннексии княжества Ауд Ост-Индская компания предложила своему резиденту, некоему Оутраму, «убедить короля Ауда официально отречься от своих суверенных прав»³ и передать их Ост-Индской компании. В результате такого «убеждения» было аннексировано и княжество Ауд.

Часть княжеств не была затронута прямой аннексией, но большинство их было связано с компанией определенными договорами, что, в сущности, являлось лишь особой формой колониального захвата. В частности, княжество Патиала оказывало англичанам большую помощь в период сипайского восстания. Этому не могли не отметить дальновидные английские политики. Так, Руссель пишет: «Если бы государство Патиала было бы аннексировано... мы бы там увидели (как и во многих других местах Индии) восставших туземцев»⁴. Таким образом за восьмилетнее правление Дальхузи англичанами были захвачены Пенджаб, Бирма, Нагпур, Ауд, Сатар, Берар и другие туземные княжества с общей территорией, превышающей 150 тысяч квадратных миль, и с налоговым доходом в 4380 тысяч фун-

¹ Kaye «History of the Sepoy War». Vol. I, p. 86.

² Там же, p. 71.

³ Там же, p. 86.

⁴ W. Russell «My diary in India». Vol. II, p. 267.

тов стерлингов, что составляло почти 30% всего земельного дохода Ост-Индской компании в 1857—1858 годах.

Следующим мероприятием Дальхузи было строительство железных дорог, в первую очередь в целях выкачки сырья из глубинных мест и переброски внутрь континента промышленных товаров.

Какие же изменения претерпевала аграрная политика Ост-Индской компании?

Захватив Индию, англичане столкнулись с фактом отсутствия здесь частной собственности на землю.

Английские колонизаторы в зависимости от тех или иных обстоятельств устанавливали различную систему землевладения: в некоторых случаях они шли на компромисс с туземными феодалами, создавая местного помещика, индийского лэндлорда; в некоторых — под влиянием сопротивления масс (восстания сикхов в Пенджабе) оставляли общинное землевладение. Таким образом, «...и в Индии англичане превратили поземельный налог, платившийся райотами (крестьянами) государству, в «ренту» и вследствие этого — по крайней мере в Бенгале — превратили земиндара (сборщика налогов в пользу индийского государя) в лэндлорда, владеющего землей в силу номинального ленного пожалования от короны»⁵.

Таким образом, эта «рента» составляла долю необходимого труда. И если прибавить к этому все методы и ухищрения английской власти в Индии в целях более успешного выкачивания налогов с райота, то безвыходное положение индийского крестьянина накануне сипайского восстания станет совершенно очевидным.

Вместе с усилением власти промышленного капитала в Англии происходило и изменение аграрной политики в Индии. Индия превращалась в источник сырья для английской фабрики и рынок сбыта английской продукции. Англии нужно было сырье, ей необходимо было товаризовать крестьянское хозяйство, и вот лорд Дальхузи начинает политику устранения неугод-

⁵ Письмо Энгельса к Николаю-ону от 10 июня 1891 года.

ных ему феодалов. Насаждается новый помещик в лице торговца-ростовщика. Этот новый помещик обходится Англии много дешевле. Он скорее подчинит крестьянское хозяйство интересам промышленного капитала. Надо дать ему возможность концентрировать землю в своих руках, чтобы в силу долговых и прочих обязательств заставить крестьянина сеять ту культуру, в которой нуждается метрополия. А это и есть то, к чему стремился Дальхузи.

Проникновение товарно-денежных отношений в деревню разоряло крестьянина и ремесленника, отдавало их в полную власть торгово-ростовщическому капиталу и вынуждало работать на внешний рынок, на метрополию.

Аграрная политика Дальхузи не была политикой развязывания производительных сил сельского хозяйства на базе превращения индийского феодала в зависимого крестьянина в фермера: феодальные методы угнетения и эксплуатации были сохранены — и крестьянин оказался в более тяжелом положении, чем был до прихода английских колонизаторов.

Старого феодала все более и более вытесняет ростовщик-торговец. Но в то же время захват торгово-ростовщическим капиталом крестьянской земли, опутывание райотов долговыми обязательствами, неминуемо укрепляет и феодальные методы эксплуатации, долговое рабство, издольщину.

Аграрная политика Дальхузи была политикой промышленного капитала, заинтересованного в индийском сырье, в колониальном покупателе английских товаров, в том, чтобы большая часть выжатой ренты попадала не в карман старого феодала, а в карманы английских колонизаторов.

Аграрную политику Ост-Индской компании этого периода можно полностью охарактеризовать словами Маркса: «Если история какого-либо народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике позорных) экономических экспериментов, так это хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру английского крупного землевладения; в юго-восточной Индии —

карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину с общинным землевладением в карикатуру ее самой»¹.

Из каких же источников извлекались огромные доходы в Индии? На этот вопрос Маркс дает следующий ответ:

«...приблизительно три пятых всего чистого дохода получается с земли, около одной седьмой — с опиума и больше одной девятой — с соли. Эти статьи дают 85% всех поступлений»².

Все эти огромные доходы, разумеется, отсылались в Англию в виде «дани за хорошее управление...» (Маркс).

О том, как тратились выжатые из индийского крестьянина доходы, Маркс говорит:

«Внутреннее управление поглощает 3% всех доходов, годовые проценты по внутреннему долгу и дивиденды — 14%, — всего 17%. За вычетом этих ежегодных переводов из Индии в Англию военные издержки составляют около двух третей всех расходов по Индии, т. е. до 66%, а расходы на общественные работы берут не больше 2 $\frac{3}{4}$ % общего дохода, или 1% в Бенгалии, 7 $\frac{3}{4}$ % в Агре, $\frac{1}{8}$ % в Пенджабе, $\frac{1}{2}$ % в Мадрассе и 1% в Бомбее местных доходов. Это — официальные цифры самой Компании...

Что касается князей, состоящих на пенсии, то те 2 468 969 фунтов, которые английское правительство ассигновало на их содержание из индийских доходов, составляют слишком тяжелое бремя для народа, питающегося исключительно рисом и лишеного предметов первой необходимости... Возьмите, например, Великого Могола, потомка Тимура. Ему назначено содержание в 120 000 ф. в год»³.

Весь этот аппарат угнетения тяжелым бременем ложился на плечи индийского крестьянина и ремесленника. При всех так называемых реформах

¹ Маркс «Капитал». Т. III, стр. 319. Соцэкгиз. 1931.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 342.

³ Там же, стр. 312 — 341.

колонизаторы неуклонно стремились к пересмотру налогов в сторону их увеличения. И без того тяжелое положение крестьянства еще более ухудшалось с каждым годом.

«Мадрасский и бомбейский крестьянин является, подобно французскому крестьянину, жертвой лихоимства частных ростовщиков... Подобно крепостному, он должен обрабатывать землю в принудительном порядке, но он не обеспечен, как крепостной, от нужды в самом необходимом... Как в Бенгалии при земиндарской системе, так и в Мадрассе и Бомбее при системе Ryotware крестьяне (а они составляют ^{11/12} всего индийского населения) подверглись ужасающей пауперизации»¹.

Когда опутанный непомерными налогами индийский райот оказывался не в состоянии платить налоги, на помощь налоговому аппарату приходил английский штык. Один английский историк сообщает: «Британские войска постоянно вызывались, чтобы принудить непокорных арендаторов и стимулировать сбор налогов с помощью штыка»².

Наряду с повышением налогов английские колонизаторы находили и другие пути для эксплуатации крестьян: увеличение косвенных налогов и принудительное заключение кабальных контрактов. «Цены на другие предметы необходимости были повышены если не путем прямых налогов, то системой контрактов, которая имела одинаково вредные результаты»³. Да и сам чиновничий аппарат рассматривал выгоду своей работы в зависимости от суммы собранных налогов. Кей пишет: «Чиновники усвоили, что польза их работы как общественных служащих оценивалась в связи с успехом, сопровождающим их действия, направленные на то, чтобы подтянуть доходы их округов до наиболее высокой степени»⁴.

Так из году в год накапливалось жгучее недовольство в массах, и понадобилась лишь искра, чтобы взорвать весь этот горючий материал.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 344.

² Кауе «History of the Sepoy War». Vol. I, p. 120.

³ Там же. Vol III, p. 426.

⁴ Там же. Vol. III, p. 425.

О сипайском восстании в иностранной буржуазной литературе имеется много самых различных исследований. И в каждом из них имеются самые различные оценки этого события. Английские историки, в подавляющем большинстве, хотят видеть в нем обыкновенный бунт, феодальный мятеж против британской агрессии. Ренега Рой, занимающий видное место среди отъявленных британских колонизаторов, идет еще дальше, заявляя в своей работе «Новая Индия», в главе о сипайском восстании: «...восстание 1857 г. было... военным мятежом... Это восстание ни в коем случае не было национальным движением... его нужно признать (восстание 1857 г.— В. М.), однако, явно реакционным...» И как итог всему: «...ни один индийский националист, который борется за социальный прогресс своей страны и добивается для этого политической независимости, не должен следовать заветам 1857 г.»

Маркс и Энгельс, современники сипайского восстания, называют его в своих статьях (опубликованных в газете «Нью-Йорк дейли трибюн» в 1857—1858 годах) национальным восстанием. Приведем несколько выдержек из их статей.

«Инсургенты Ауда... все же выявили... силу национального восстания... он (Дизраэли. — В. М.) заключает, что нынешние беспорядки в Индии являются не простым военным мятежом, а национальным восстанием... Со временем просочатся и другие факты, которые убедят даже Джона Буля в том, что то, что он считает военным мятежом, в действительности есть национальное восстание»⁵.

Таким образом, мы имеем твердые указания Маркса и Энгельса на то, что сипайское восстание было именно национальным восстанием.

Против английских колонизаторов выступили широчайшие массы крестьянства и ремесленников, независимо от их религии, ибо факты присоединения

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 286, 225, 228 (подчеркнуто мной. — В. М.).

Индийские крестьяне за пахотой.

к бенгальским сипаям (индусам) ряда мусульманских полков и мусульманского населения доказывают, как говорит Маркс, что «быстро налаживался общий союз разнообразных племен против англичан».

Тяжелый гнет, бесчеловечные средневековые, инквизиторские методы выколачивания налогов и ренты не могли не привести крестьянские массы, городскую бедноту, ремесленников к восстанию против чужеземных грабителей. Уже перед самым восстанием (1856—1857 годы) палате общин был представлен материал о наличии в Индии настоящих, ничем не прикрытых пыток. Вот некоторые выдержки из доклада комиссии: комиссия заявляет, что она «не сомневается в существовании вообще пытки в целях сбора дохода», но сомневается в том, чтобы «по уголовным обвинениям ежегодно подвергалось истязаниям хотя бы приблизительно столько лиц, сколько их подвергалось за неплатеж податей»¹.

Маркс прямо указывает на эти факты как на явления, «подготовившие почву для этого бурного взрыва».

На первых порах против иноземных порабощателей выступила и часть обиженных феодалов, экспроприированных Ост-Индской компанией и лишенных своих прав и богатства. Это особенно ярко сказалось в центре восстания, в Ауде, где экспроприация крупных феодалов, по существу, толь-

ко началась. О том, что феодальные вельможи Ауда были в числе инициаторов антибританского восстания, Дальхузи было хорошо известно. В одном из своих писем он говорит: «...Очевидно, самое большое зло, с которым придется бороться и которое должно быть преодолено и уничтожено, — это власть крупных землевладельцев, занимающих, согласно сообщениям полковника Слимана, около 250 замков по всей стране и содержащих огромные отряды вооруженных людей... Я хочу, чтобы в Ауде не осталось ни одного укрепления, за исключением правительственных. Далее я хочу, чтобы все население было обезоружено и чтобы ни одному человеку не было позволено носить оружие»².

Но когда крестьянство в процессе восстания начало громить сахарные заводы в Бихаре и Соединенных провинциях, когда крестьяне стали захватывать помещичьи земли, уничтожать домовые записи и т. д., в среде феодалов и помещиков усиливается раскол. Часть из них становится на сторону англичан. Обещания лорда Каннинга сохранить привилегии феодалов, а позднее и манифест королевы Виктории еще более углубляют этот раскол. Однако в первый период восстания известная часть феодалов еще шла против англичан, ибо, захватывая туземные княжества, сгоняя с насиженных мест старую, феодальную

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 243.

² «Новая история в документах и материалах». Т. II, стр. 127—128.

знать, англичане восстановили против себя всех недовольных.

В статье «Индийский вопрос» Маркс следующим образом характеризовал британскую политику в Индии в тот период: «...последние годы в управлении Индией был принят новый принцип — принцип разрушения национальности. Он осуществлялся насильственной ликвидацией туземных князей, нарушением владельческих отношений и вмешательством в религиозные дела народа... Принцип усыновления — этот краеугольный камень индийского общества — систематически игнорировался правительством. Таким образом, в период от 1848 по 1854 г. к Британской империи были принудительно присоединены владения более дюжины независимых князей... Список принудительных аннексий... завершается Аудом, который привел ост-индское правительство к конфликту не только с индусами, но и с магометанами... Не довольствуясь только этим способом захвата собственности туземцев, британское правительство прекратило уплату пенсий туземным вельможам, что оно было обязано делать в силу договоров»¹.

На эти же причины восстания указывает и фельдмаршал Робертс, прослуживший в Индии 41 год и достаточно изучивший страну и народ. В его изложении причины восстания сводятся к следующему:

1. Система проверки прав собственности на землю и установление поземельной подати.

2. Высокие налоги, закон о продаже имущества за недоимки, «очень часто применявшийся слишком жестоко»².

3. Уничтожение старого права наследования и на этой основе «присоединение владений туземных князей и прекращение платежей пенсий феодалам Индии. Все это истолковывалось народом как захват и непростительное вмешательство в обычаи страны, что имело прямым последствием создание нам врагов»³.

4. Нарушение обычаев и верований страны.

¹ К. Маркс и Ф. Энгелс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 223, 224.

² Робертс «41 год в Индии» стр. 267.

³ Там же, стр. 268, 269.

5. В связи с ликвидацией туземных княжеств «каждый правитель туземного владения предполагал, что и его очередь скоро настанет»⁴. Вместе с тем присоединение туземных княжеств к английской короне объединило всех тех, кто ранее был во взаимной вражде друг с другом. Теперь, говорит Робертс, «для нас наступило опасное время»⁵.

Отсюда становится ясным, почему против английского господства выступили также феодалы, раджи и духовенство. Вернуть свои княжества, отобранные латифундии, отменить налоги на жалованные раньше земли, вернуть храмам их земли и доходы — такова та программа, под знаменем которой выступили феодалы и духовенство.

Вот почему среди руководителей восстания мы находим и раджей и набобов: Нана-Сахиб, Лакшми-Бай, Хан-Бахадур-Хана, сипая Мангал Панди, туземных младших офицеров: Дхалип-Синга, Бахт-Хана, Магомед Шафи, — учителей и чиновников — Ликат Али, Холас Синга. Но основной движущей силой восстания являлись, конечно, угнетенные крестьяне, разоряемые

⁴ Там же, стр. 270.

⁵ Там же.

Голодающие рабочие в Индии.

ремесленники и городская беднота, имена которых остались неизвестными истории, но действия которых не могли быть не упомянуты даже английскими авторами. Кей открыто заявляет об участии в восстании крестьянства:

«Земиндары были заодно с низшими классами... Это восстание привело в движение массу населения... В некоторых районах меньше опасались армии, чем простонародья»¹. Такие указания можно найти и у других авторов. Все это говорит о довольно широком размахе восстания.

Однако такое обостренное положение было не во всех областях. Мы уже говорили, что деятельность Ост-Индской компании в различных районах была неодинакова. В силу этого и антибританские настроения были не везде одинаковы. Так, крестьянство юга Индии осталось в основном пассивным во время борьбы, происходящей в северной части Индии. Сипайские полки южной Индии англичанам удалось удержать на своей стороне, если не считать отдельных восстаний в Бомбее, Мадрассе и Гуджерате. Пассивность крестьянства юга была куплена частичным снижением налога, проведенного в 1852 году, а также биллем, который признавал крестьянина собственником земли.

Еще более благоприятное положение для англичан создалось в Пенджабе. Здесь после двух англо-сикхских войн 1845—1859 годов англичане пошли на значительные уступки, так как Пенджаб, лежавший на стыке с территорией непокорных афганских племен и по соседству с соперником Англии — царской Россией, — был слишком важен для английской короны в стратегическом отношении. В Пенджабе крестьянская община была оставлена как фискальная единица, имевшая в отличие от системы райотвари в своем пользовании выгоны, пустоши, леса. Налог здесь составлял 10—15% валовой продукции. Все это не могло не способствовать тому, что крестьянство Пенджаба не приняло участия в событиях, развертывавшихся в север-

ной Индии, где крестьянство чувствовало всю тяжесть гнета нового помещика-ростовщика, весь гнет колониального режима.

Лорд Каннинг (генерал-губернатор Индии в 1857 году) пишет о крестьянстве Бенгалии, Бихара и Ориссы: «Только характер и интересы высших классов населения поддерживают здесь мирное настроение... в каждом большом городе существуют недовольные фанатические массы, всегда готовые к смуте. Значительная часть Бихара представляет собой область, из которой вербуются сипай, и в настоящее время она находится в особенно возбужденном состоянии. Орисса имеет гораздо меньшее значение, но тамошнее население во многих местах — дикари или почти что дикари, и среди них в настоящую минуту происходит нечто такое, что в обычное время рассматривалось бы как серьезное восстание... В этой обширной области мы буквально отданы на милость туземцев и спокойствие поддерживается главным образом благодаря лояльности и усилиям высших классов — раджей, земиндаров и чиновников из туземцев... но оскорбление своей расы они чувствуют так же остро, как и все люди, и некоторые из них (особенно в Бихаре) недалеко от искушения избрать собственную линию поведения...»².

В ряде воззваний повстанцев мы находим попытку привлечь на свою сторону «низы» обещанием равенства между великим и малым, между богатым и бедным. Так, воззвание в Барейли гласит: «В нашей армии различия между малым и великим забудутся и равенство будет в управлении. Ибо всякий, кто обнажает свой меч в этой священной войне для защиты религии, одинаково славен. Они братья. Между ними нет различия»³. Воззвание в Дели призывало «старых и молодых, великих и малых, ученых и простых, крестьян и сипаев, всех без исключения, стать на защиту религии пророка»⁴.

² «Новая история в документах и материалах». Т. II, стр. 129.

³ «Nationalist». «The Indian War of Independence», p. 9.

⁴ Кей «History of the Sepoy War». Vol. II, p. 40.

¹ Кей «History of the Sepoy War». Vol. III, pp. 246, 247, 250.

Маркс в переписке с Энгельсом по вопросу о ходе индийского восстания неоднократно жаловался последнему на скудность, а подчас и на полное отсутствие тех или иных подробностей о восстании. В одной из своих корреспонденций в «Нью-Йорк трибюн» (14 августа 1857 года) Маркс приводит слова выдающегося государственного деятеля Дизраэли, который говорит, что, началось ли восстание с внезапного революционного взрыва в войсках или явилось результатом организованной конспирации, «вокруг этих пунктов... вращается весь вопрос»¹.

И только значительно позднее появившиеся в печати обширные материалы о сипайском восстании дали возможность более тщательно изучить подробности начала восстания. Ряд английских и индусских источников, судебные процессы над участниками восстания, свидетельские показания и т. д., неоднократно указывают на наличие широко разветвленной конспиративной организации повстанцев. Основным руководителем этой организации надо считать Нана Сахиба. Он вел работу не только внутри страны: его правая рука и советник Азимулла-Хан длительное время раз'езжал по ряду стран, в том числе был в России и в Турции. «Nationalist» утверждает, что «Азимулла отправился в Россию для того, чтобы выяснить, будет ли Россия продолжать войну против Англии в Азии, и если возможно, то заключить наступательное и оборонительное соглашение»².

Упоминание о России неоднократно встречается и в других источниках. Когда началось восстание, среди населения упорно ходили слухи, что «Нана заключил договор с Россией и что вся русская армия готова бороться против ферингов»³. Аналогичные материалы мы находим и у Кея. Он сообщает, что накануне 1856 года в туземной печати начали циркулировать слухи о каких-то назревающих собы-

Сипай-кавалерист.

Индия.

тиях, в результате которых произойдет «низвержение англичан»; о том, что Россия предоставляет полумиллионное войско и, если «регулярных военных сил России будет недостаточно, громадная часть русской полиции будет послана для их усиления»⁴.

Не приходится говорить о всей фантастичности и беспочвенности этих планов, но совершенно ясна другая сторона этого вопроса — стремление инсургентов использовать международную обстановку, которая сложилась далеко не в пользу Англии в связи с ее войнами в это время с Россией, Персией и Китаем. Конспираторы старались также войти в соглашение с Персией. Робертс, например, сообщает, что в этот период ходили упорные слухи о какой-то связи между индийскими повстанцами и шахом персидским. В это же время на стенах крупнейшей мечети, Джама-Масжид, в Дели появилась прокламация, в которой говорилось, что «персидская армия спешит для того, чтобы освободить Дели от англичан, и призывает всех правоверных восстать и бороться с неверными»⁵. Безусловно, эта прокламация (как почти все прокламации, она была без подписей) была делом конспиративной организации.

Накануне восстания один из руководителей движения — Нана — совершал «путешествие» по северу Индии,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 222 — 223.

² «Nationalist». «The Indian War of Independence», p. 60.

³ Там же.

⁴ Кей «History of the Sepoy War». Vol. II, p. 35.

⁵ Робертс «41 год в Индии», стр. 272 — 273.

которое теперь историки рассматривают как инспекторскую поездку перед восстанием по низовым ячейкам тайной организации. Надо полагать, что эта конспиративная организация имела свои ячейки по всей северной Индии и главным образом в сипайских полках. Нана лично посещал «руководителей главных ячеек в городах Дели, Умбаляла, Лукноу, Кальпи и т. д.»¹.

Организации эти вели подготовительную работу, проводили тайные собрания, о которых мы находим ряд упоминаний в английской литературе. Так, в Каунпуре собрания проводились на квартирах у туземных офицеров: Тикка Синга и Шамсуддин-Хана; собрания проводились в 34-м и 19-м полках, где они затем были прекращены «вследствие некоторых возникших подозрений»².

Почти все полки были связаны друг с другом через свои комитеты, и «каждый полк являлся высшей единицей организации»³.

Связь между организациями велась письменно (шифр) и через агентов, странствующих под видом факиров, мулл, паломников. Пользуясь тем, что в каждом сипайском полку был обычай содержать муллу или жреца, «конспираторы поступали на службу в роли полковых мулл и при наступлении ночи тайно проповедывали сипаям революцию»⁴. Агитаторы работали главным образом «вокруг и около военных поселений»⁵.

Члены организаций были неуловимы для английского правительства. Награды, которые обещало правительство за выдачу сведений, не давали результатов. За предательство изменникам грозила смерть. «Если кто-нибудь из членов был заподозрен в разглашении имен этих конспираторов врагу, он немедленно приговаривался к смерти...» Но предатели не находились, так как «ненависть их (повстанцев.—В. М.) к нам так сильна,— пишет один английский чиновник,— что ни один не желал выдать...»⁶.

¹ «Nationalist» «The Indian War of Independence», p. 79.

² J. Grant «Illustrated History of India». Vol. II, p. 243.

³ «Nationalist», p. 75.

⁴ Там же, p. 68—69.

⁵ Там же, p. 68.

⁶ Там же, p. 74, 164.

Подобные указания можно встретить и у других историков. Кей, например, также говорит о существовании определенной связи между отдельными сипайскими полками и перед восстанием. Он подтверждает также и деятельность мулл в полках как агентов-конспираторов. Так, майор Роукрафт сообщал магистрату, что «мулла его 1-го полка туземной пехоты был в предательской переписке с богатым и влиятельным землевладельцем по соседству, который постоянно добивался преданности туземных офицеров и сипаев»⁷.

Этот факт показывает связь между военными организациями и гражданским населением. Об этой же связи мы читаем и в другом месте. Генри Лоуренс в письме к генерал-губернатору писал, «что он обнаружил признаки опасных союзов между регулярными сипайскими полками и нерегулярными, принятыми на нашу службу из старой аудской армии, а также и между полицейскими частями; признаки интриг также в ходу среди некоторых из главных жителей города»⁸.

Здесь приведена лишь часть таких фактов. Но и эти факты достаточно ясно говорят о том, что еще за несколько лет до восстания в Индии существовала конспиративная организация повстанцев.

Когда наступило время действовать, конспираторы начали давать условные сигналы, призывавшие к выступлению. Для оповещения о начале восстания конспираторы прибегали к остроумным приемам. Среди населения стали распространяться «чапатти» — лепешки, которые служили сигналом к восстанию. Лепешка передавалась чоукидару (старосте) деревни, который был обязан испечь такие же лепешки и передать их в соседние деревни. Чапатти переходили из рук в руки, из лагеря в лагерь, напоминая каждому об обязанности «стоять за своего товарища, каждому полку за своего соседа»⁹. Эти чапатти начали распространяться в январе—феврале 1857 года, т. е. за 3 месяца до вос-

⁷ Kaye «History of the Sepoy War». Vol. I, p. 304.

⁸ Там же, p. 577.

⁹ J. Grant «Illustrated History of India». Vol. II, p. 240.

стания. Вот первое официальное донесение о них со стороны местных властей:

«Магистрат Гургона, 19 февраля 1857 года.

Сэр, я имею честь информировать вас, что во многих деревнях этого округа распространился сигнал, значение которого еще не установлено. Чоукидары деревень... получали маленькие лепешки из атта (вид зерна) с указанием раздать их по всему округу.

Чоукидар, получая одну из этих лепешек, готовил пять или шесть еще, и таким образом они переходили из деревни в деревню; этот приказ так быстро был выполнен, что деревня за деревней были обслужены этим уведомлением.

На следующий день лепешки этого сорта поступили и были распространены в деревнях вокруг Гургона, и при этом усердно распространяется мысль, что раздача исходит от правительства.

В. Форд, чл. магистрата»¹.

Таково было первое известие об этих чапатти, смысл которых для правительства был еще не известен.

Все эти факты, несомненно, подтверждают существование определенной тайной организации, подготовившей сипайское восстание.

4

Сипайская армия, среди которой началось это восстание, являлась той силой, с помощью которой англичане держали в повиновении всю многомиллионную страну. «С первого же взгляда очевидно, — говорит Маркс, — что подчинение индийского народа покоится на верности туземной армии, созданием которой британское правительство одновременно организовало против себя же первый основной центр сопротивления, каким индийский народ когда-либо обладал»².

Об этой же роли сипайской армии говорит и Кей: «Британское господство на востоке было укреплено и ограждено армией в 300 тысяч человек. Только маленькая часть армии

была набрана из наших соотечественников. Ни мужское население Англии, ни доходы Индии не могли предоставить средства для защиты страны только британскими войсками; значительное большинство наших бойцов было, следовательно, туземцами Индии, обученными, дисциплинированными и снаряженными по английскому образцу»³.

И вполне понятно, что повстанцы делали ставку именно на эту вооруженную силу, вымуштрованную английской военщиной и имевшую в руках современное оружие.

Сипайская армия была создана Ост-Индской компанией еще в период ее борьбы с французскими колонизаторами (XVII век). Первоначальная роль сипаев заключалась в несении охранной службы, затем они переходили в резерв английской армии.

Мало-помалу сипайские части росли численно, и к 1764 году они насчитывали 19 батальонов по тысяче человек в каждом. В 1764 году среди сипаев началось брожение по поводу отказа им в законной награде за выслугу лет. Это брожение, в конце концов, вылилось в восстание одного полка, который арестовал всех своих английских офицеров и дал клятву больше не служить англичанам. Восстание было подавлено самым жестоким образом. Кей пишет по этому поводу: «...было ясно, что это зло развивается и нужна твердая рука, чтобы приостановить его. Так, 24 сипая были судимы военным судом за мятеж и дезертирство, признаны виновными и приговорены к расстрелу из орудий. Войска были выстроены, европейские и туземные орудия заряжены, и обвиняемые были приведены на казнь. Майор Х. Мунро, командующий бенгальской армией, наблюдал за этим ужасным карательным парадом и подал команду привязать к стволам орудий первых четырех преступников. Приказ был выполнен... и по команде они были разорваны на куски»⁴.

Казнь эта вызвала ропот среди бенгальских войск. Офицеры доложили Мунро, что в случае продолжения казни они не могут ручаться за сво-

¹ Kaye «History of the Sepoy War». Vol. I, p. 632.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 213.

³ Kaye «History of the Sepoy War». Vol. I, pp. 201—202.

⁴ Там же, стр. 207—208.

их людей. Но Мунро, повернув пушки против сипаев, предложил им сложить оружие. Обезоружив сипаев, он все же расстрелял и остальных. Кей считает, что это была ужасная расправа, но она научила «сипайскую армию тому, что ни один британский солдат, черный или белый, не может восстать против государства без того, чтобы не навлечь на себя страшного возмездия...»¹.

Однако эти надежды не оправдались, и после этой зверской расправы наблюдались случаи дальнейших попыток к восстаниям в туземной армии. Так, в 1805 году вспыхнуло волнение в мадрасской армии; в 1824 году — в Баракпуре, в Бенгальском 37-м полку; в 1843 году — в 6-м кавалерийском полку мадрасской армии; в 1843—1844 годах — в 47-м кавалерийском полку; в 1844 году — в 34-м и 64-м полках бенгальской армии; в 1850 году — восстание в нескольких полках (22-м, 30-м и др.) в Пенджабе и, наконец, в 1857 году — почти во всей бенгальской армии.

Эти факты полностью подтверждают вывод английского историка Гранта о том, что «туземные войска Индии либо под командованием собственных принцев, либо под британским флагом никогда не были освобождены от некоторого духа неповиновения»².

И все же восстание 1857 года совершенно отличается от предыдущих восстаний в армии.

«Мятежи бывали и до этого в индийской армии, но нынешнее восстание отличается от предшествующих характерными и особо-опасными чертами,—писал Маркс.—Это первый случай в истории, что сипайские полки перебили своих европейских офицеров; что мусульмане и индусы, забыв взаимную неприязнь, объединились против своих общих господ; что «волнения, начавшись среди индусов, привели к возведению на трон в Дели магометанского императора»; что восстание не ограничилось небольшим количеством местностей и что, наконец, восстание в англо-индийской армии совпало с проявлением общего

¹ Kaye «History of the Sepoy War». Vol. I, p. 208.

² J. Grant «Illustrated History of India», p. 237.

недовольства против английского господства со стороны великих азиатских народов, ибо восстание бенгальской армии, вне всякого сомнения, тесно связано с персидской и китайской войнами»³.

Эти черты сипайского восстания 1857 года говорят уже не о простом мятеже, а о крупном национально-освободительном движении, связавшем воедино и мусульман и индусов. А если мы укажем здесь, что бенгальская армия вербовалась главным образом из туземцев наиболее беспокойных провинций: Бенгалии, Бихара и Ориссы,—то нам станет совершенно ясно, почему именно в этой армии началось восстание 1857 года.

Имеется еще ряд причин, относящихся непосредственно к восстанию сипаев. Туземные офицеры постепенно выживались из армии и заменялись англичанами. «Английский младший офицер назначался в каждую роту, в то время как туземный офицер вытеснялся из армии»⁴.

Общее недовольство в стране нашло живой отклик и в армии. И стоило появиться незначительному, на первый взгляд, поводу, чтобы вспыхнуло всеобщее восстание. Вскоре такой повод представился.

«Как причину недовольства, начавшегося уже 4 месяца тому назад среди бенгальских войск, официально выставляют подозрение туземцев, что правительство собирается нарушить их религиозные верования. Выдача патронов, бумажные гильзы которых были, по рассказам, смазаны говяжьим и свиным жиром и откусывание которых, как это приходилось делать, рассматривалось поэтому туземцами как нарушение их религиозных предписаний,—и явилась сигналом для местных волнений»⁵.

История с патронами, о которой говорит Маркс, и послужила поводом к восстанию 1857 года. Ход и результаты самого восстания являются темой особого исследования, к которому мы вернемся в одном из следующих номеров журнала.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 214.

⁴ Kaye «History of the Sepoy War». Vol. I, p. 211.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 214.

И. Арский**МОГУЩЕСТВО
И УПАДОК ИСПАНИИ**

в XVI—XVII вв.

1

Испания XVI—XVII веков представляет собою исключительный интерес как благодаря своеобразию ее исторических судеб в этот промежуток времени, так и благодаря той выдающейся роли, которую она играла в жизни всей Западной Европы того периода. Могущество Испании в XVI веке, а затем быстрый развал испанской мировой монархии и полный хозяйственный и политический упадок страны в XVII—XVIII веках представляют собой явление совершенно необычное. Сходные события происходили лишь в истории Швеции в XVI—XVIII веках, страны, которая также быстро достигла большого внешнеполитического могущества, а затем стремительно пришла к политическому и экономическому краху. Но упадок Швеции не имел такого общемирового значения и размаха и не в такой мере дезорганизовал и разрушил хозяйственные основы страны, как упадок Испании в XVII—XVIII веках.

Испания как политическое целое стала существовать только с конца XV века, когда в результате брака наследницы кастильской короны Изабеллы и наследника арагонской короны Фердинанда (1469 г.) два важнейших государства Пиренейского полуострова объединились, хотя сперва и не в единое целое, но во всяком случае под властью общего правительства. В 1474 году Изабелла становится королевой Кастилии, а в 1479 году Фердинанд наследует корону Арагона.

Вне объединенной испанской монархии остается последний оплот мавров в Испании — Гранада и Португальское королевство. Но Гранада после долгой борьбы была в 1492 году завоевана войсками Фердинанда и Изабеллы, и только Португалия осталась вне рамок возникавшей огромной испанской монархии.

В своем объединенном государстве Фердинанд и Изабелла создали абсолютистский режим с присущим ему бюрократическим аппаратом. Абсолютизм «католических королей», как прозвали Фердинанда и Изабеллу церковники за их рвение к католицизму, отличался от абсолютизма, например, французского. Он не имел под собой достаточной экономической базы. Испания при Фердинанде и Изабелле и при их преемниках, будучи единой монархией, по существу, все же была конгломератом областей, почти ничем экономически между собой не связанных, а по своему социально-политическому устройству, языку, историческому прошлому часто сильно друг от друга отличавшихся. Под одной властью были объединены: отсталый пустынный Арагон, свободолюбивая Баскония, полускотоводческая Кастилия, торгово-ремесленная Каталония, полумавританская Андалузия.

Эту специфику испанского абсолютизма отмечал и Маркс: «Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть приравнена к азиатским формам правления»¹.

В глазах кастильца араговец или каталонец всегда оставался чужеземцем (*forastero*), мало чем отличавшимся от настоящего иностранца (*estranjero*) — какого-либо француза или итальянца. Эта разрозненность, разобщенность отдельных частей Испании сказывалась на протяжении всей ее истории и не изжита полностью и до настоящего времени.

Политически объединенная Испания

¹ Маркс и Энгельс. Соч. Т. X, стр. 722.

уже при «католических королях» достигла большого значения и могущества в Европе. Арагонские владения охватывали не только всю восточную часть Испании, но также и южную часть Италии (Неаполитанское королевство, Сицилию и Сардинию). Арагон был крупной средиземноморской державой, и его владения, постепенно расширявшиеся арагонскими королями в XIII—XV веках, вошли в состав объединенной Испании. Кроме того Фердинанду удалось подчинить себе большую часть Наварры (1512 г.). Дальнейшая политика испанского королевского дома еще более расширила испанские владения. Дочь Фердинанда и Изабеллы Хуана была выдана замуж за Филиппа Габсбурга, владевшего землями прежней Бургундской династии — Нидерландами, Люксембургом, графством Бургундским (Франш-Конте), графством Шаролэ.

Но Хуана была безумна, муж ее Филипп «Красивый», явившийся в Испанию, чтобы управлять Кастилией от имени жены, скоро умер, и после смерти Фердинанда (1516 г.) Испания досталась внуку католических королей Карлу Габсбургу, воспитывавшемуся в Нидерландах.

Приезду нового короля в Испанию предшествовало появление в стране целой орды его фламандских фаворитов, которые принялись усердно грабить Испанию, нарушая старинные права и привилегии (фуэрос) испанских областей. Появление Карла в Испании в 1517 году несколько не улучшило положения, созданного его фаворитами. Новый король был высокомерен, замкнут и совсем чужд испанским нравам и порядкам. Он даже не знал кастильского языка; и его любимым родным языком оставался язык нидерландских валлонов (наречие французского языка), которыми он себя окружил. Гордому дворянству Испании не понравился новый король. Он стремился укрепить и усилить абсолютистский режим, основы которого заложили его дед и бабушка, но если те были плоть от плоти испанской знати, то новый король был чужаком для грандов Кастилии и Арагона. Дворянство Испании в своей значительной части находилось поэтому в оппозиции к новому королю.

Буржуазия кастильских городов была охвачена негодованием, видя, как новый король не соблюдает их привилегий и всяческими способами выкачивает деньги из Испании, которые идут на проведение его широких внешнеполитических планов, совсем чуждых интересам испанской буржуазии. Широкие народные массы Испании также имели достаточно поводов для недовольства. Правление Фердинанда и Изабеллы мало чем улучшило положение крестьянства, ремесленников и городской бедноты. Классовая ненависть народа к своим эксплуататорам уже давно назревала и летом 1520 года вылилась в восстание под лозунгом защиты старинных фуэрос. Против королевского абсолютизма восстала значительная часть городов Кастилии. «Сущность его (восстания.— И. А.) заключалась в защите вольностей средневековой Испании против захватов современного абсолютизма»¹,— писал Маркс.

Но движение быстро переросло эти рамки, превращаясь в широкое антифеодалное восстание городской бедноты. Это сразу отбросило кастильское дворянство и «патрициат», вначале присоединившихся к движению и возглавивших его, в ряды горячих приверженцев Карла; вскоре и городская буржуазия отвернулась от движения. Ряд городов (Кордова, Севилья и др.) стал на сторону Карла, и дворянское ополчение разгромило восстание (1521 г.).

И в других местах Испании классовая борьба принимала настолько острые формы, что переходила в открытые восстания широких масс бедноты против феодалов и городского патрициата. Восстание «Хермании» (братства) в Валенсии (1519—1522 гг.) и на о. Майорке, восстание жестоко угнетавшихся мавританских крестьян в 1526 году носили именно такой характер.

Первые годы правления Карла были тревожным временем для испанских феодалов. Не говоря уже о ряде крупных восстаний, отдельные бунты вспыхивали то тут, то там. Эти восстания

¹ Маркс и Энгельс. Соч. Т. X, стр. 718.

напугали господствующие классы Испании и сплотили их вокруг абсолютистского правительства, заставив забыть первоначальное фрондерство. С каждым годом абсолютистский режим завоевывал все новые позиции, не встречая более серьезного сопротивления. Испанский народ был обессилен физически и морально; инквизиция изымала все активные элементы из его среды; «... благодаря инквизиции церковь превратилась в самое страшное орудие абсолютизма»¹. Орды попов и монахов одурманивали испанцев религиозным фанатизмом, внушая им ненависть к иноверцам и их потомкам.

Сам Карл принимал фактически ограниченное участие в управлении страной. Он носился с планами создания всемирной монархии под своей властью. Уже в 1520 году он уехал из Испании в Германию, чтобы закрепить за собою императорскую корону, доставшуюся ему после смерти деда со стороны отца — императора Максимилиана Габсбурга. Карл унаследовал от него Австрию, Силезию, Тироль и ряд других более мелких владений, а также Чехию. Путем подкупа курфюрстов за деньги, одолженные у банкирского дома Фуггеров, Карл добился своего избрания императором.

Под властью Карла V Испания оказалась составной частью обширной мировой монархии, которая охватывала половину Западной Европы, отдельные пункты на побережье Алжира и Туниса и, наконец, огромные пространства Нового Света, открытого еще при «католических королях» Колумбом (1492 г.). При Карле V кастильские конкистадоры завоевывали целые страны в Америке. В 1520 году Кортес завоевал Мексику, а в 1533 году Писарро покорил Перу. Огромные земли, богатые золотом, серебром, жемчугом и всевозможными богатствами роскошной тропической природы, — земли, пределов которых еще никто не знал, — были подчинены власти императора Карла.

Карл V мог хвалиться тем, что в его владениях никогда не заходит солнце.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 720.

«Аутодафе».

О карл. Берругете. XV век.

Занятый дипломатическими делами и войнами в своих необъятных владениях, Карл редко бывал в Испании. Испания и ее колонии поставляли ему деньги, а испанский народ — храбрых и выносливых солдат, лучших в тогдашней Европе. Популярностью среди испанского дворянства он не пользовался, так как продолжал оставаться чужеземцем, которого в Испании почти и не видели.

Зато значительной популярностью среди испанских дворян пользовался старший сын и наследник Карла — Филипп. Он был так же холоден, надмен и замкнут, как и отец, но считал себя природным испанцем, вырос в Испании и только в Испании чувствовал себя дома. В нем испанские гранды видели воплощение своей собственной традиционной, чопорной и мрачной пышности, воплощение своего непримиримого религиозного фанатизма, ненависти и презрения к иноземцам. Когда состарившийся Карл в 1556 году отказался от испанской короны и удалился в Эстрем

мадурский монастырь св. Юста, Филипп стал королем Испании. Карлу не удалось закрепить за Филиппом императорский титул, и германские земли Габсбургов вместе с императорской короной перешли к брату Карла — Фердинанду. Под властью Филиппа II Испания стала подлинным центром всей монархии, а Мадрид, расположенный в самом центре Кастильского королевства, — постоянной столицей Испании.

2

Филипп II (1556—1598 годы) назначил на все высшие государственные должности кастильских аристократов. В области внешней политики он продолжал осуществлять планы Карла V, направленные к установлению всемирного господства Испании. Он превратил Испанию в форпост католической реакции в Европе. На Испанию опирались австрийские Габсбурги в борьбе с германскими протестантами, испанские инквизиторы и солдаты огнем и мечом искореняли протестантизм в Нидерландах, помощью Испании пользовались французские католики во время религиозных войн XVI века, на Филиппа II опиралась в своей борьбе с протестантизмом католическая королева Англии Мария «Кровавая» (1553—1558 годы), бывшая к тому же женой Филиппа II.

Сам Филипп II был фанатичным католиком. Для него католицизм был знаменем феодальной реакции, а инквизиция — основным орудием для подавления всякого недовольства и протеста подданных.

Инквизиция стала неотъемлемой частью испанской государственной машины и одной из важнейших опор абсолютизма. Ее агенты выискивали и искореняли малейшие искры враждебности к королю и к церкви. «Святейшая инквизиция» была всемогуща, и даже вельможи не могли ей сопротивляться. Ежегодно в Испании инквизиция осуждала в среднем по 1240 человек¹, с 1481 по 1788 год инквизи-

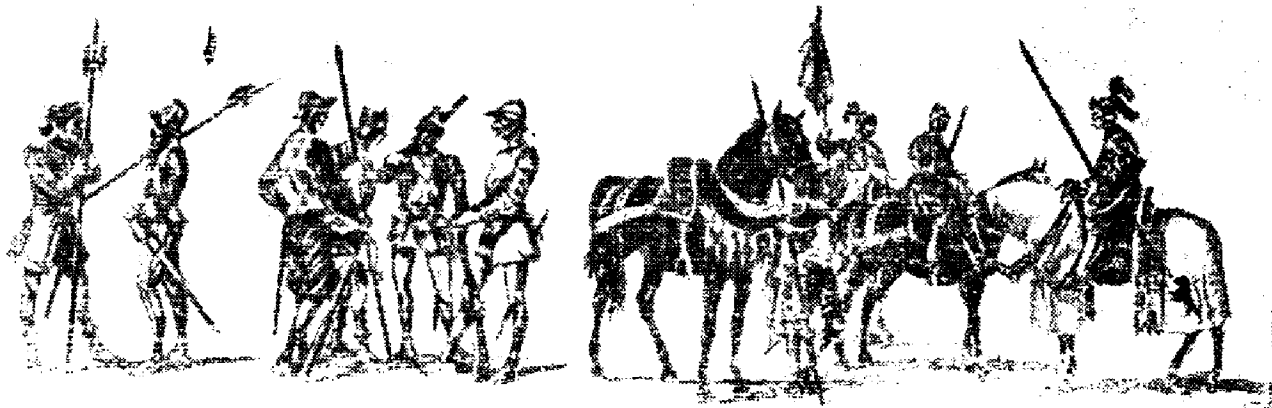
ция в Испании сожгла 34 382 человека, заочно приговорила к сожжению 17 690 человек, заточила с конфискацией имущества 291 450 человек.

В Испании царил религиозный террор. Когда в 1492 году после долгой осады капитулировала Гранада, католические короли обязались уважать религиозные убеждения покоренных мавров. Но победители тотчас же забыли о своих обещаниях, и католическое духовенство повело наступление на мавров. Исповедник королевы архиепископ толедский Хименес де Сиснерес руководил насильственным крещением мавров. По его распоряжению, на одной из площадей Гранады были собраны отовсюду арабские книги, среди них множество драгоценных старинных произведений арабской науки, и публично сожжены. В результате этих преследований мавры восстали и долго сопротивлялись в горах Ронды, Альпухарры и в других районах, но были подавлены превосходными силами испанских войск. В 1501 году им было предписано или креститься или выселиться из Испании. Часть их предпочла внешне подчиниться и крестилась. Крещеные мавры стали называться «морисками».

В Испании были еще и другие группы мавров — «мудехары». Они в отличие от морисков, компактной массой населявших территорию бывшего Гранадского эмирата, недавно присоединенного к Кастилии, жили в различных частях Испании и уже издавна (с XIII века) находились под властью христианских королей. В период правления фанатически настроенной Изабеллы мудехарам Кастилии уже в 1502 году было предписано либо креститься либо выселиться. В арагонских землях Фердинанд, опасавшийся за экономическое благополучие своих владений, придерживался более мягкой политики по отношению к мудехарам.

Но Карл V в 1526 году предписал им креститься, что вызвало новое неудачное восстание мавров в арагонских землях, стоившее большого кровопролития. Многие из них бежали в Африку, большая часть, однако, подчинилась крещению. Евреи были изгнаны еще в 1492 году. Незначительная часть их крестилась, положив

¹ Gan's «Ensayo marxista de la historia de Espana», p. 19. Madrid. 1934.

Испанские солдаты.

С гравюры XVI века.

начало тайным иудеям — «маранам».

Инквизиция охотилась за маранам и морисками. Их жизнь была совершенно невыносима. Время от времени происходили мавританские бунты. Мориски пытались жаловаться королю на постоянные преследования инквизиции, но, конечно, безрезультатно. Их уличали в отступлении от католических обрядов, которых они никогда и не знали, а затем за отпадение от христианства сажали в тюрьмы, пытали их, отправляли на костер, конфисковывая их имущество, обогащая таким образом казну инквизиции. Такая же судьба постигала и маранов. Морискам запрещали носить их старинные костюмы, разговаривать между собой по-арабски, давать своим детям арабские имена, употреблять на праздниках свои музыкальные инструменты, плясать свои танцы и т. д. При Филиппе II преследования морисков достигли своего апогея. Назначенный в Гранаду инквизитор Педро де Деса довел несчастных морисков до полного отчаяния, и результатом его деятельности явилось восстание андалузских морисков в 1568—1571 годах, тем более опасное для испанского правительства, что в это время (1560—1574 годы) шла тяжелая и бесплодная война с турками и африканскими мусульманами.

Капитан-генерал маркиз Мондехар со своими войсками с трудом справился с восстанием, но сумел, в конце концов, уступками и смягчением режима умиротворить страну. Но Педро де Деса и католические попы добились при дворе смещения Мондехара. Преследования морисков возобновились и вызвали новый взрыв восстания, которое было также жестоко

подавлено «огнем и кровью», как и предыдущие.

С 1582 года правительство проектировало окончательное изгнание морисков из страны, но Филипп II не смог осуществить это намерение, в частности, потому, что опасался нанести убыток многим семьям испанской знати, земли которых обрабатывались трудолюбивыми и искусными в оросительном деле мавританскими крестьянами. Но в 1609—1610 годах при преемнике его Филиппе III изгнание морисков было осуществлено, причем им даже запрещалось вывозить с собой деньги. Около полумиллиона морисков выселилось, большая часть их эмигрировала в Африку. Но изгнание фактически далеко не было полным, так как христианское население жалело несчастных и укрывало их от взоров правительственных чиновников и духовенства. Многие изгнанники потом тайно снова возвращались на родное пепелище. В 1615 году, например, в одном только поселении Альмагро было обнаружено более 800 тайно скрывавшихся морисков. Их обращали в рабство, отправляли на ртутные рудники, на галеры. Но это уже были рассеянные остатки прежнего многочисленного мавританского населения Испании.

Изгнание евреев и морисков опустошило и обезлюдило огромные плодороднейшие испанские области. Старинные оросительные сооружения мавров разрушались, земледелие падало, страна нищала. Зато абсолютизм испанских королей торжествовал, укрепляя свое господство огнем и мечом, устанавливая религиозное и политическое единство монархии.

Абсолютистский режим все более

укреплялся в Испании. Кортесы собирались регулярно, но значение их все более падало. Подкупами и угрозами правительство обеспечивало себе их покорность. К тому же с 1538 года правительство перестало созывать дворянство для участия в заседаниях кортесов, чем еще более ослабило их авторитет.

«...то было время... когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Свобода Испании исчезала... но вокруг лились потоки золота, звенели мечи, и зловеще горело зарево костров инквизиции»¹.

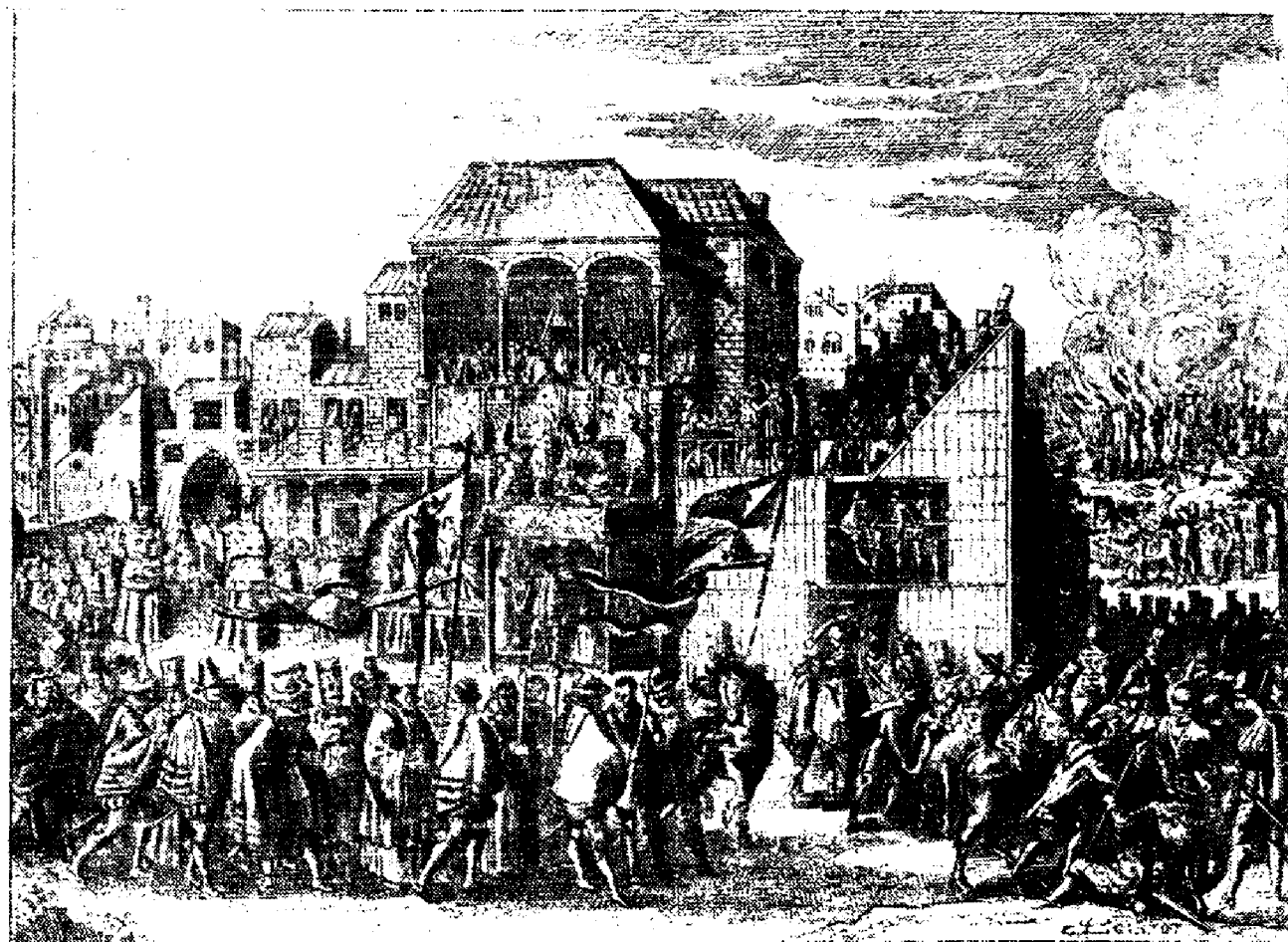
Мелкое дворянство нахлынуло в города, добиваясь занятия муниципальных должностей и депутатских мест в кортесах в качестве представителей городов. «...в Испании аристократия приходила в упадок, не потеряв своих самых вредных привилегий, а города утратили свою средневековую мощь, не получив современного значения»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 721.

² Там же.

Филипп II правил через посредство своей многочисленной бюрократии, не стесняя себя соблюдением старинных фуэрос. Попытка Арагона воспротивиться абсолютистским тенденциям правительства окончилась крахом. Восстание в Сарагоссе в 1590 году было подавлено, и Филипп II покончил с фуэросами Арагона.

Запершись в своем сумрачном полудворце, полумонастыре Эскориале, выстроенном им на некотором расстоянии от Мадрида, Филипп готовил планы разгрома поднимавшегося протестантизма в Германии, Франции и Англии. Прежде всего, опираясь на инквизицию, Филипп с корнем вырвал слабые ростки протестантизма в самой Испании. Наиболее значительные группы лютеран были раскрыты в Вальядолиде (около 50 человек) и в Севилье (около 800 человек). В 1559—1560 годах часть их была сожжена, а часть отреклась от протестантизма, чем спасла себе жизнь. Когда глава вальядолидских протестантов капитан испанских войск Карлос де Сесо проходил на костер мимо Филиппа II, пожелавшего лично

Аутодафе.

С гравюры XVI века.

присутствовать на аутодафе, он спросил короля: «Зачем вы приказываете жечь меня?» «Если бы мой сын был таким же нечестивцем, как и вы, я сам принес бы дров, чтобы его сжечь», — ответил ему Филипп.

Филипп II хотел всем руководить сам и в мрачном уединении Эскориала просиживал дни и даже ночи над разбором и чтением бумаг, ставя резолюции, требуя дополнительных сведений и разъяснений. Он хотел проникать во все мелочи и за мелочами упускал главное. Филипп не любил выслушивать своих подчиненных; его стихией были бумаги, донесения, резолюции, указы. Он прочитывал и исписывал горы бумаг, часто не заботясь даже о проверке своих распоряжений. Он доводил до отчаяния даже священников требованиями буквально-го соблюдения всех обрядов. Он вечно откладывал решение важнейших дел, требуя всевозможных дополнительных сведений. Один из его ближайших советников, кардинал Гранвелла, говорил про короля, что «его решительность заключалась в том, чтобы никогда не решаться». Заваленный бумагами, Филипп многое забывал, путал и по месяцам оставлял своих агентов без инструкций и ответов при самых критических обстоятельствах. На жалобы и просьбы кортесов король отвечал уклончиво: «Мы велим это рассмотреть, и тогда можно будет решить, как следует поступить». Или: «Посмотрим». И все шло по-старому.

Во всей Европе Филипп II пользовался заслуженной ненавистью. Его рука чувствовалась и за кровавыми убийствами гугенотов во Франции, и в казнях английских протестантов при Марии «Кровавой», и в сожжении нидерландских кальвинистов, и в грабеже Нидерландов, и в разорении несчастной Италии. Его называли «Демоном южных стран».

Старший сын Филиппа дон Карлос незаслуженно стал героем легенды. Это был слабоумный разнузданный юноша, который доводил до отчаяния отца своей неспособностью к делам управления и своими дикими выходками. Принц развлекался тем, что сек маленьких девочек, колот кинжалом коней в королевской конюшне, кидал-

ся со шпагой на приближенных короля (в частности на знаменитого палача Нидерландов герцога Альбу за то, что Филипп назначил Альбу, а не его заместником Нидерландов). Дон Карлос возненавидел своего отца, отстранившего его от государственных дел, и пытался организовать заговор и бежать за границу. Это грозило Филиппу серьезным политическим осложнением, и он решил арестовать сына (1568 год). Филипп хотел предать его суду и лишить прав на наследование короны, но дон Карлос избавил своего отца от лишних хлопот: сидя под арестом во дворце, он умер, обвешившись фруктами и прохладительными напитками.

Филипп II решил объединить весь Пиренейский полуостров под своей властью. Будучи родственником португальской королевской семьи, он воспользовался тем, что в 1578 году сумасбродный и не в меру фанатичный португальский король Себастьян, отправившись в завоевательную экспедицию в Марокко, погиб там со своим войском. Португальская буржуазия боялась поглощения своей страны могущественной соседкой, но дворянство склонялось в пользу притязаний Филиппа II на португальскую корону. Опираясь на подкупленных португальских аристократов и на испанские войска, Филипп II добился в 1580 году присоединения Португалии и ее огромных заморских владений к своей монархии. Португальские кортесы признали его своим королем и этим ускорили гибель португальского колониального могущества.

Тем временем в Нидерландах — этой богатейшей и экономически наиболее развитой стране Европы — нарастало недовольство господством Испании. Если Карл V в Испании считался чужаком, то в Нидерландах, наоборот, его считали своим. Если Карл V жестоко преследовал протестантов и выжимал из Нидерландов огромные доходы, он зато допустил нидерландское купечество к эксплуатации испанских владений в Америке. Филипп II, хотя и был до своего воцарения некоторое время правителем Нидерландов, оказался чужд и антипатичен нидерландской знати. Вся его политика была направлена в пользу

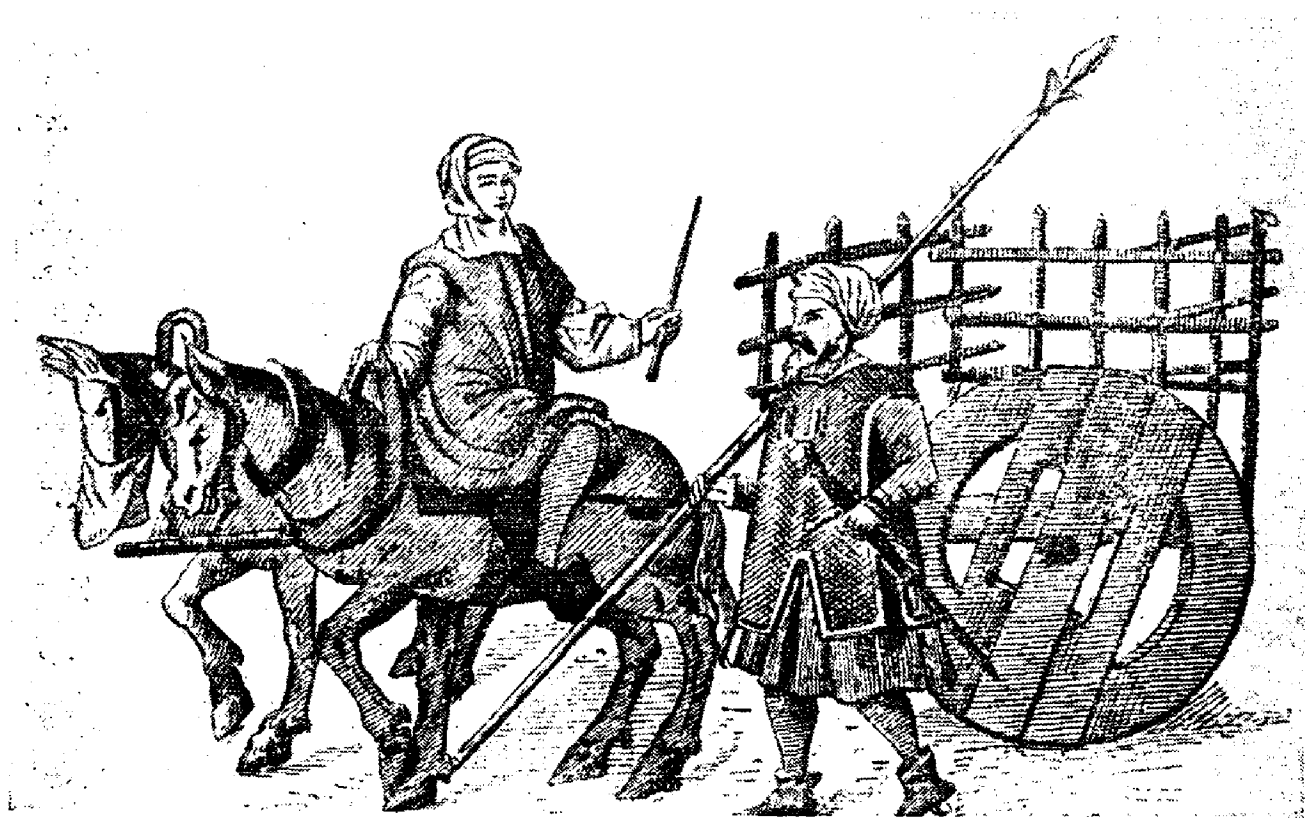
испанской аристократии и в ущерб Нидерландам. Он беспощадно преследовал протестантов, безжалостно выжимал налоги из Нидерландов, действовал как самодержец не менее рьяно чем Карл V, но он к тому же закрыл нидерландцам доступ к эксплуатации обширных испанских колоний. Это не могло не привести в конце концов к взрыву, первые признаки которого обнаружались уже в 1566 году. С 1572 года Нидерланды открыто восстали против Филиппа II, и началась долгая кровопролитная война испанского абсолютизма против молодой протестантской республики; война, поглощавшая из испанской казны огромные суммы денег.

Между тем одновременно шла война с турками, и началось восстание морисков в Испании—военные расходы достигали колоссальных сумм. Война с Турцией приносила больше славы чем пользы. В 1571 году незаконнорожденный сын Карла V дон Хуан Австрийский во главе соединенного флота Испании и римского папы, состоявшего из 264 кораблей с 79 тысячами моряков, в морском бою при Лепанто, около греческих берегов, наголову разбил турецкий флот. В 1573 году ему удалось овладеть Тунисом, находившимся в руках турок,

но через год Тунис был снова потерян испанцами.

Международное положение Испании все более осложнялось. Филипп II вмешивался во французскую религиозную борьбу, поддерживая католиков, подавлял революцию в Нидерландах, воевал с Турцией. Сил Испании не могло хватить на все это одновременно. Неуклонное осуществление исключительной испанской монополии на эксплуатацию американского континента, необычайное усиление могущества Филиппа II в Европе, религиозно-политическая ненависть протестантов к нему привели к тому, что Англия под властью королевы Елизаветы постепенно стала втягиваться в борьбу с Испанией, начав с помощи нидерландским протестантам. Филипп II интриговал против Елизаветы, пытался организовать ее убийство. Испанского посла дважды высылали из Англии за шпионскую деятельность, за заговор против королевы и связь с соперницей Елизаветы, бывшей шотландской королевой католичкой Марией Стюарт.

После 1584 года враждебные действия между Англией и Испанией фактически уже начались. Английские пираты начали на море борьбу с испанцами. В ответ Филипп II органи-

Гранадские крестьяне.

О гравюры XVI века.

зовал против Англии морской поход «Непобедимой Армады» — флота из 556 судов с 30 тысячами моряков, 63 890 солдатами и 1 600 лошадьми. Над этим проектом интервенции в Англии испанский двор работал еще с 1569 года. Флот готовился долго, он стоил громадных сумм, но в итоге суда оказались неуклюжими и плохими, экипаж неумелым, а начальник «Армады» герцог Медина-Сидония абсолютно невежественным в вопросах мореплавания.

30 мая 1588 года «Непобедимая Армада» вышла из Лиссабона. Бури мешали ее плаванию, суда рассеивались, и только 19 июня флот прибыл в Корунью. Оттуда снова вышел в море уже только 131 корабль с 7050 моряками и 18 300 солдатами. В Ламанше быстро маневрировавшие английские суда постоянными нападениями истощали силы испанского флота, шедшего к Калэ. Но в Калэ не оказалось войск, которые должны были придти на помощь «Армаде» с нидерландского театра военных действий для десанта в Англии. Высадка в Англии не удалась. Новые нападения англичан и бури довершили разгром «Армады». В Испанию вернулось всего 65 кораблей с 10 тысячами человек. Огромный флот Испании погиб, а вместе с ним рухнуло и морское могущество Испании. Море оказалось во власти английских и голландских пиратов, опустошавших испанские колонии в Америке и берега самой Испании. В 1596 году англо-голландские моряки под командой Дрэка даже взяли и разграбили один из важнейших портов Испании — Кадикс.

Интервенция во Франции привела к настоящей войне с ней (1589 — 1598 годы), ибо во Франции даже католики поняли, что Филипп II прежде всего стремится ослабить и раздробить Францию, чтобы разгромить ее до конца. Повсюду внешняя политика Филиппа наталкивалась на неудачи. Ни храбрость испанских войск, ни потоки золота и серебра, притекавшие в испанскую казну из колоний, не могли спасти положения. Среди всех своих баснословных богатств Филипп II буквально погибал от... безденежья.

Уже в 1559 году сам король писал:

«Все обыкновенные доходы отданы в залог, и для освобождения их из залога нужно 20 миллионов дукатов, стало быть, нечего об этом и думать. Кроме того правительство задолжало 7 миллионов дукатов антверпенским банкирам, севильским и другим купцам». Войны, субсидии испанским приверженцам за границей, пышный двор, роскошные постройки (один Эскориал стоил более 6 миллионов дукатов, т. е. годового дохода всей огромной испанской монархии) поглощали колоссальные суммы. В 1575 году Филипп писал: «Расстройство финансов непоправимо, мне 48 лет — что же ожидает меня в старости! Старость уже приближается, а я не знаю, как я буду жить завтра. Я не понимаю, как я живу сегодня, с той скорбью, которую мне причиняют эти заботы». А в то время ни война с Францией, ни война с Англией еще не начались!

Карл V оставил государственного долга около 20 миллионов дукатов, а после смерти Филиппа II сумма долга превысила 140 миллионов. Филипп несколько раз объявлял себя государственным банкротом (в 1557, 1575 и 1597 годах), разоряя своих кредиторов, в частности аугсбургский банкирский дом Фуггеров. Преемники Филиппа II продолжали идти по этому пути. Государственные банкротства следовали через каждые 20 лет (в 1607, 1627 и 1647 годах). Престиж Испании, военный и финансовый, рушился.

Экономически Испания ни в конце XV века, ни в XVI веке не была передовой страной Европы¹. По степени своего хозяйственного развития, по значимости городской ремесленной промышленности Испания в начале XVI века уступала и Франции, и Англии, и Италии, и Германии. Ее города были многочисленны, горды своим старинным боевым прошлым, своим фуэрос, но промышленное значение большей их части было невелико. Самый богатый торгово-промышленный центр Испании XIII—XIV веков, столица Каталонии, Барселона уже с конца XV века находилась в состо-

¹ Bonn «Spaniens Niedergang während der Preisrevolution des XVI Jahrhunderts», p. 71. Stuttgart. 1896.

янии упадка, так как в связи с турецкими завоеваниями главные рынки для ее шерстяных тканей и других товаров постепенно закрывались для нее. Значительное развитие промышленности имело место еще в некоторых городах Кастилии: Севилье, Толедо, Куэнке, Сеговии, Гранаде и др. В различных частях Испании было разбросано производство мыла (Оканья), кож (Кордова), шелковых тканей (Мурсия, Севилья и др.), оружия (Толедо) и т. п. Бискайские районы Испании давали железную руду, медь; рудники Альмадена в Андалузии — ртуть, но в общем Испания оставалась не только аграрной страной, но и страной, в которой денежное хозяйство было еще слабо развито. Города с их ремесленными мастерскими, ярмарками, рынками, с их торговым оборотом и деловыми связями с заморскими странами были, в сущности, вкраплены в мощную толщу все еще в основном натурального хозяйства обширных сельских местностей страны.

Аграрный строй Испании XVI века представлял собой ряд особенностей по сравнению с остальной Европой. Подавляющее большинство крестьянства в Испании (за исключением Арагона)¹ уже превратилось к этому времени в лично свободных наследственных арендаторов. В некоторых областях это было результатом недавней ожесточенной классовой борьбы и ряда крестьянских войн (Каталония), в других это было следствием социального развития еще с давнего времени (Кастилия, Баскония), что, конечно, не препятствовало интенсивной эксплуатации крестьянства этих местностей помещиками.

Сельское хозяйство Испании очень различалось по отдельным областям, но в целом особенностью Испании были как обилие обширных пустошей, пригодных для земледелия, так и широкое развитие искусственного орошения, особенно на юге и на востоке страны, а также исключительное значение скотоводства, точнее, овцеводства.

Сырье составляло главный предмет вывоза из Испании, и шерсть играла в нем основную роль. Правительство

¹ Altamira «Historia de España y de la civilización española». Т. III, стр. 192.

считало экспорт шерсти основной благосостояния страны, ибо огромные стада овец принадлежали светским и церковным феодалам. Так например монастырь Эскориал имел 40 тысяч овец, герцог Бехар — 25 тысяч и т. д. Ежегодно из Испании вывозилось огромное количество шерсти. Один только Брюгге в Нидерландах получал по 36—40 тысяч тюков испанской шерсти в год. Овцеводство было предметом особой заботы и внимания правительства.

Скотоводы пользовались рядом налоговых, судебных и всяких других привилегий. С 1273 года они были объединены в союз скотоводов, в так называемую «Месту», располагавшую штатом специальных надсмотрщиков (entregodares), которые раз'езжали по стране, чинили на местах суд и расправу над крестьянами и горожанами, осмелившимися огородить для распашки или для пастбы своего скота земли, на которые притязали скотоводы, а притязания их были очень обширны, ибо скотоводы широко пользовались королевским покровительством и их представитель был одновременно членом Королевского совета. В 1501 году овцеводам было разрешено захватывать под пастбища для своих овец все земли, владельцы которых в течение нескольких месяцев не заявляли никакого протеста против этого. Особенно широко покровительствовали скотоводам «католические короли», но и их преемники продолжали политику покровительства овцеводству в ущерб земледелию.

Местному населению запрещалось огораживать и закрывать свои общинные земли для прохода и пастбы кочевых стад. Однако крестьяне, нуждаясь в земле, пытались сопротивляться привилегиям овцеводов, так же как и горожане, протестовавшие в кортесах против засилья скотоводов. Правительство постоянно выступало на защиту привилегий овцеводов. Так, в 1525 году было предписано все прежние пастбища, превращенные в пашни, вернуть в их прежнее состояние, в 1552 году то же самое было предписано относительно земель, распаханых за последние 12 лет правления Карла. Аналогичные законы издавал и Филипп II в 1566, 1580,

1582 годах. В 1633 году привилегии скотоводов достигли своего апогея.

Овечьи стада разрушали кастильское земледелие, губили леса, превращая страну в голую, пустынную степь. Но монархия всячески охраняла интересы помещиков-скотоводов.

Со второй половины XVI века скотоводство стало приходить в упадок вместе со всем хозяйством Кастилии, которое, пережив в первой половине XVI века период экономического расцвета в связи с открытием Америки и появлением спроса на испанские сельскохозяйственные продукты и промышленные изделия со стороны новооткрытых колоний, затем стало стремительно клониться к упадку. В Испанию ежегодно притекало огромное количество золота и серебра. Покупательная способность денег падала, драгоценные металлы дешевели, цены на все товары стремительно росли, и борьба с дороговизной жизни была предметом постоянных забот и жалоб кастильских кортесов.

По подсчетам современного американского историка Гамильтона, за 1503—1660 годы количество одних только официально ввезенных в Испанию драгоценных металлов составило 181 333 килограмма золота и 16 886 815 килограммов серебра¹.

Большая часть ввезенных сокровищ состояла из серебра, хотя первое время только на золото и обращали внимание. В эти цифры не включена стоимость сокровищ, ввезенных контрабандным путем, которая была, несомненно, значительна.

Этот поток золота и серебра наводнил Испанию, а из нее стал переливаться и в остальные страны Европы. Испанское правительство тратило огромные суммы за границей на наем и содержание войск, на субсидии союзникам, но главной причиной отлива денег из Испании был необычайный рост цен на товары, благодаря чему иностранцам стало очень выгодно ввозить в Испанию свои товары, а испанцам выгодно эти товары покупать, так как они продавались дешевле чем туземные. Это вызвало наводнение Испании иностранными товарами и

¹ Hamilton «American treasure and the price revolution in Spain (1501—1650)», pp. 34—42. 1934.

Французская карикатура на испанских дворян.
XVII век.

огромную контрабанду. Так называемая революция цен в XVI веке постепенно охватила всю Европу, но Испания была первой страной, испытавшей на себе ее последствия. Слабая экономика Испании не выдержала такого потрясения и развалилась.

Цены росли с головокружительной быстротой, причем быстрее всего в Андалузии, куда американские сокровища попадали ранее всего. В течение XVI века цены выросли по Испании в среднем в 4,32 раза (в Андалузии — в 5 раз, в Новой Кастилии — в 4 раза, в Старой Кастилии и Валенсии — в 3½ раза), тогда как, например, в Северной Италии — только в 2 раза. Общий уровень цен в 1601—1625 годах в Испании был выше в 3,18 раза чем в 1501—1525 годах, во Франции же — только в 1,93 раза. В то время как в Испании стоимость пшеницы, например, поднялась на 556%, в Англии она поднялась только на 150%.

Деньги исчезали из Испании, и это становилось экономическим бедствием. Правительство нашло выход в инфляции путем чеканки монеты со все более растущей примесью меди, так

что в конце концов (с 1598 года) начался выпуск колоссального количества чистомедной монеты, совсем вытеснившей из обращения серебряную и золотую. Правительство пыталось путем неограниченной чеканки медной монеты покрыть свой огромный дефицит и этим вконец расстроило хозяйственную жизнь страны. По выражению Гамильтона, «за золотым веком буквально последовал бронзовый»¹. Только за 1599—1626 годы было начеканено медной монеты на 41 миллион дукатов. Не удивительно, что в первой половине XVII века 95—98% монеты, находившейся в обращении, составляла медь. Серебряная и золотая монета ушли за границу, а в Испанию контрабандой ввозили медную. Голландские контрабандисты получали при этом до 500% прибыли.

Правительство пыталось выйти из положения запретом вывоза золота из Испании, принудительной таксацией цен, но это несколько не помогло беде. Золото вывозили тайно, а цены устанавливались и существовали помимо официальных такс. Следствием такого крутого переворота в ценах было разорение страны, прежде всего ремесла, а затем и сельского хозяйства, на котором еще к тому же пагубно отражались привилегии скотоводов. Если в первой половине XVI века испанская промышленность (главным образом текстильная) переживала подъем, то тем катастрофичнее был все более быстрый упадок, последовавший за годами расцвета.

К XVII веку от некогда процветавшего в Испании ремесла не остается и следа. Точно опустошительный ураган пронесся над Испанией. Промышленность свертывается с удивительной быстротой. В одном из кварталов Толедо в 1665 году число ремесленников-шапочников сократилось с прежних 698 до... 10 человек. В Сеговии к середине XVII века оставалось не более 400 ткацких станков, а позже число их еще упало до... 60. В Толедо, где раньше в одной только шерсто- и шелкоткацкой промышленности было занято 50 тысяч человек, в 1665 году оставалось всего 16 шерсто-

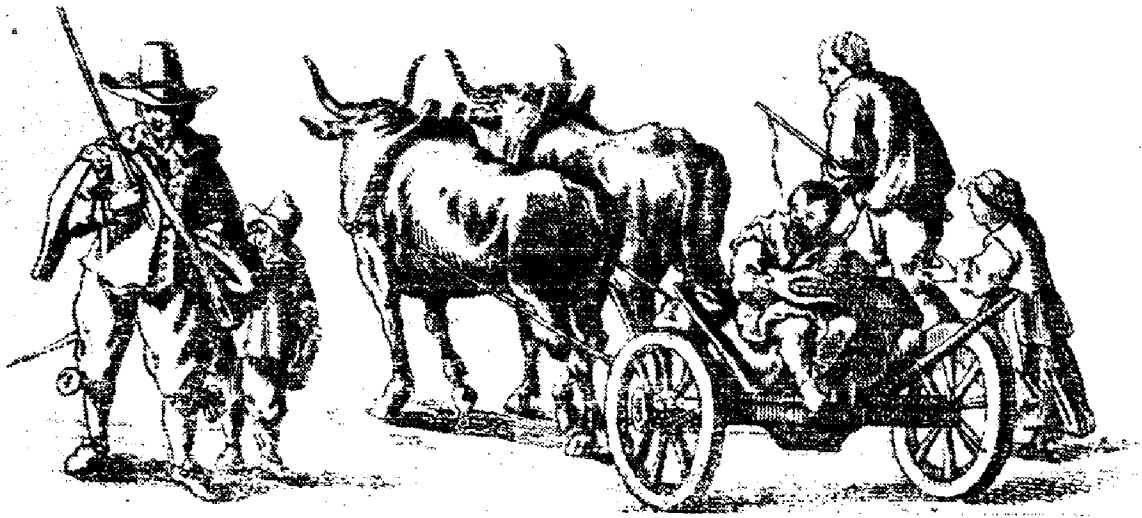
ткацких станков. Промышленность не вполне исчезла в Испании, но получила столь сокрушительный удар, от которого столетиями не могла оправиться.

«Революция цен» привела к разорению народных масс. Реальная заработная плата снизилась. Крестьянство было разорено развитием скотоводства, захватом помещиками общинных земель и ростом помещичьей эксплуатации. Оно бросало земли и уходило в города. В результате всех этих событий началось общее обезлюдение Испании. Население, которое в XVI веке быстро росло, так же быстро сокращается в XVII веке. Пашни превращаются в пустоши. Страна наполняется нищими, бродягами, солдатами, монахами. В Саламанкской епархии число крестьян с 8384 человек в 1600 году сокращается через 17 лет до 4135. Население уменьшается не только в деревнях, но и в городах. В Бургосе от прежних 5 тысяч домохозяев в 1551 году остается в 1616 году только 823, а в Медина-дель-Кампо вместо 5 тысяч — 500. Население Мадрида с 400 тысяч человек в начале XVII века падает к концу столетия до 150 тысяч человек. Если к 1541 году население Кастилии возросло до 7079 тысяч, то теперь происходит обратный процесс. В 1602 году кортесы жаловались: «Кастилия так обезлюдела, в ней настолько не хватает людей для сельскохозяйственных работ, что во множестве поселков число домов сократилось со 100 до 10, а то и вообще ни одного не осталось»². Правительство пыталось бороться с обезлюдением освобождением новобранцев на два года от налогов (1623 г.), запрещением содержать количество прислуги более определенной нормы (у грандов не более 18 человек), тем не менее при Филиппе III число браков сокращается наполовину против прежнего.

Бродяжничество и нищенство достигают небывалых размеров. Один писатель середины XVI века уже тогда полагал, что в Испании имеется около 150 тысяч бездомных. Голод становится обычным явлением в Испании. Народные пословицы сохранили память об этом. «В году больше дней

¹ Hamilton «American treasure and the price revolution in Spain (1501—1650)», p. 73.

² Altamira. Цит. соч. Т. III, стр. 487.

Испанские крестьяне XVII века.

С гравюры того времени.

чем с'еденных сосисок», — говорили испанцы. Испанский народ голодал среди золотого потока, не находя средств к существованию в разоряющейся стране. «Никакая работа не тяжела, если она дает насущный хлеб», — говорилось в пословице, и в поисках пропитания испанцы эмигрировали в Америку, поступали в солдаты, в которых нуждалось правительство. Войны испанских королей вырывали у Испании сотни тысяч молодых людей. Разоряющиеся слои мелкого дворянства (*hidalgos*) старались спастись от разорения усиленной эксплуатацией крестьянства или получением придворных и государственных должностей, службой в армии, грабежом колоний.

Богатства же знати росли прямо пропорционально разорению народа. Концентрация земельной собственности достигла необычайных размеров. В XVII веке вся Андалузия принадлежала 5 герцогским семьям. Герцог Медина-Сидония получал 130 тысяч дукатов ежегодной ренты, герцоги Инфантадо, Медина де Риосеко, Эскалона, Осуна — по 100 тысяч дукатов.

В разоряющейся стране налоги увеличивались с головокружительной быстротой. Алькабала (налог в $\frac{1}{10}$ стоимости товара при каждой торговой сделке) душила торговлю. В 1594 году кортесы жаловались, что с тысячи дукатов торгового капитала приходится уплачивать 300 дукатов налога. Но в казну попадало не более $\frac{1}{10}$ взимаемых налогов; остальное прикарманивала хищная орава дворян-чиновников, количество которой невероятно

возросло. Взимание 100 дукатов налогов обходилось казне в ту же сумму!

Испания, начиная от государственной казны и кончая всей торговой промышленной жизнью, оказалась в руках иностранцев. Одна из немецких фирм — Фуггеры — вложила к началу XVII века в испанскую торговлю более 5 миллионов рейнгульденов¹. Генуэзские и немецкие банкиры держали правительство в клещах долгов и кабальных процентов. Фуггеры брали на откуп доходы от колоссальных владений рыцарских орденов Испании, от рудников и других природных богатств страны.

В этой катастрофической обстановке наживалась не только знать, но и церковь. Она скупала заброшенные земли или присваивала их всякими иными путями. Уже при Карле V кортесы жаловались на то, что в руках церкви сосредоточилась половина всей земли. При Филиппе II в стране насчитывалось 988 одних только женских монастырей, 32 тысячи монахов только двух орденов — францисканского и доминиканского. Испания превращалась в страну нищих и монахов.

Испанское правительство стремилось выжать максимум доходов не только из Испании, но и из ее владений в Европе и в Америке. В Европе это привело, в частности, к восстанию в Нидерландах, в Америке — к обезлюдению благодаря зверской эксплуатации со стороны испанских кон-

¹ Haebler «Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien», p. 201. Weimar. 1897.

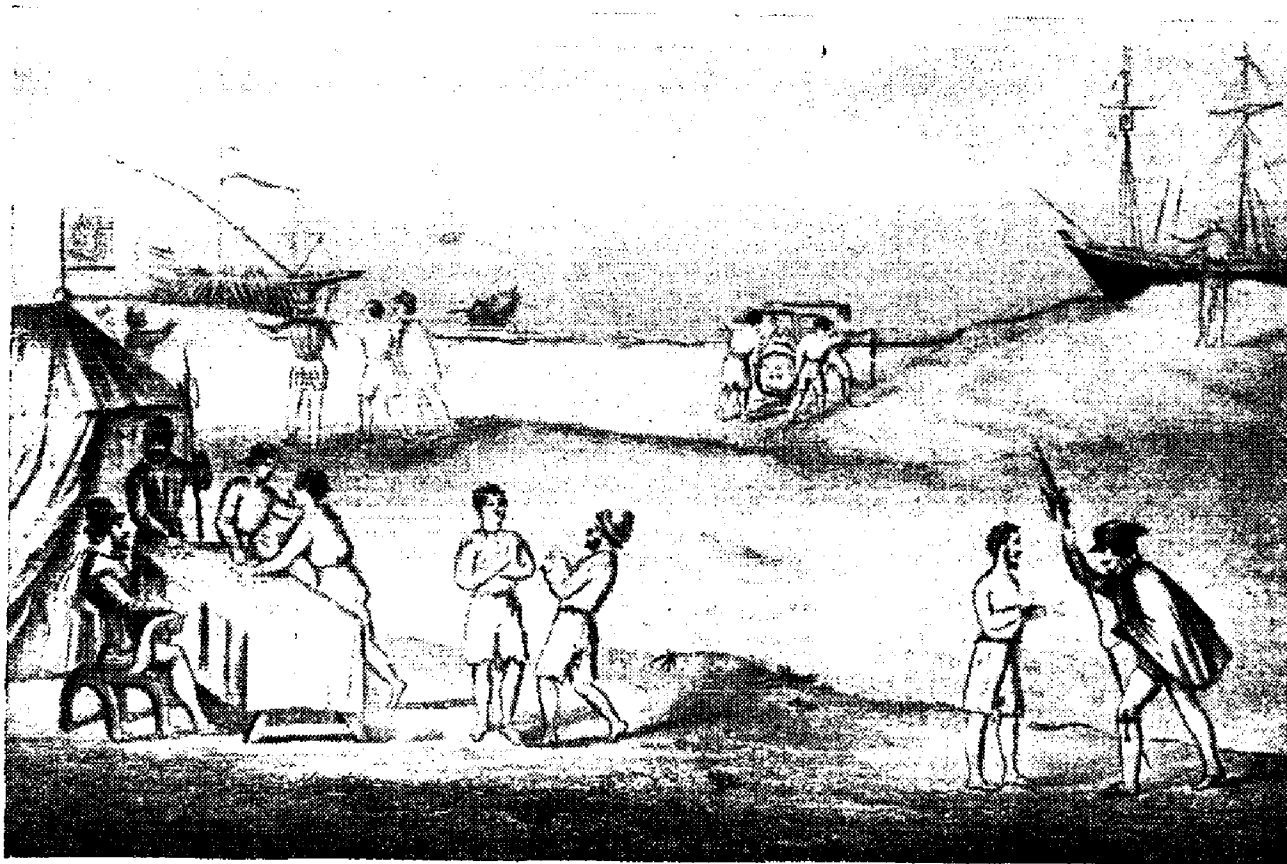
кистадоров целых областей, где туземное население массами вымирало от непосильного труда на рудниках и плантациях. Вымирающих туземцев испанские колонизаторы заменяли вывозимыми из Африки рабами-неграми.

Свои колонии в Новом Свете правительство рассматривало как исключительно монопольное владение Испании. С 1503 года в Севилье была организована палата по торговле с Индией (Casa de Contración), под контролем чиновников которой только и могли происходить торговые сношения с Америкой. Эта палата снаряжала флоты, отправлявшиеся в Новый Свет и обратно, регистрировала все ввозимые из колоний сокровища, взимала налоговые сборы с товаров и кораблей. Вся торговля с Америкой, по существу, монопольно находилась в руках группы богатейших севильских купцов. С Севильей соперничал только Кадикс, благодаря тому что отдели в устьях Гвадалквивира мешали подниматься судам по реке до Севильи.

Пока жива была королева Изабелла, в Америку разрешалось ездить, в сущности, только природным кастильцам. После ее смерти Фердинанд стал разрешать это и арагонцам. Карл V

с 1526 года разрешил торговлю с Америкой и путешествия туда всем своим подданным, к большому неудовольствию испанцев и к выгоде прежде всего нидерландцев и немцев. Южно-немецкие купцы не ограничивались ссудными операциями с испанской казной и проникновением в хозяйственную жизнь самой Испании, но занялись эксплуатацией и ее колоний, получая там в концессию целые области (в 1528 году Венецуэла была отдана в концессию Эингерам и Вельзерам, а в 1531 году Чили — Фуггерам). Филипп II выкупил венецуэльскую концессию обратно в казну (1556 г.) и запретил иностранцам сношения с Новым Светом. Торговля с колониями стала монополией испанцев.

Но испанское купечество не справлялось с этим, так как слишком слабо было промышленное развитие Испании, в которой неизмеримо росли цены на все товары. В 1548 году кортесы в целях борьбы с дороговизной просили короля запретить вывоз из Испании в колонии промышленных товаров и промышленного сырья. Это свидетельствовало о неспособности Испании экономически овладеть своими обширными заморскими владениями. Не удивительно, что, огражденная

Вербовка солдат для отправки в американские колонии.

С гравюры XVI века.

монополий, испанская торговля в Америке носила чисто спекулятивный характер. За старые сапоги в колониях платили по 300 дукатов, за плащ — тысячу дукатов, за коня — 4—5 тысяч дукатов! Это вызвало острое недовольство испанских колонистов в Америке, ведущих оживленную контрабандную торговлю с французскими, голландскими и английскими купцами.

Для укрепления испанской торговой монополии в Америке вся торговля производилась через испанский флот, два раза в год отправлявшийся в Новый Свет¹. Одна флотилия выходила из Севильи или Кадикса в апреле и шла в Мексиканский залив. Другая отплывала в ноябре в Номбре де Дьос (с 1584 года — в Порто-Бельо) и везла товары для Центральной и Южной Америки. Первая получила название «Галеонов» («Galeones»), по имени типа военных судов, конвоировавших ее, вторая называлась «flota». В конце XVI века флотилии обычно состояли из 30—90 кораблей, но уже с 1580 года они отправлялись не ежегодно, а с середины XVII века стали отплывать из Испании уже и совсем нерегулярно. Испания, разоренная, обескровленная, лишившаяся и флота и верфей, не справлялась даже с вывозом сокровищ из Америки.

Иностранные корсары (прежде всего с начала XVI века французские, а затем голландские и английские) охотились за испанскими кораблями, хотя на захват «серебряных галеонов» у них иногда не хватало сил. Но трижды испанские флотилии, везшие груз драгоценных металлов, почти целиком были захвачены иностранными эскадрами. В 1628 году эскадра Голландской вестиндской компании захватила мексиканский флот, а в 1656 и 1657 годах английская эскадра дважды перехватывала транспорт американских сокровищ. В XVII веке буканьеры (англо-французские пираты, устроившие свою штабквартиру на Гаити и соседних островах) неоднократно предавали пожарам и разорению испанские прибрежные поселения в Америке. Только за 1655—1671 годы они раз-

грабили 18 испано-американских городов и около 40 других поселений, причем некоторые города они за это время успели от 2 до 8 раз подвергнуть грабежу. Испанское правительство не имело сил для содержания нужного военного флота, а разрешений на пиратство своим подданным не давало вплоть до конца XVII века, боясь нарушить торговую монополию севильских купцов.

Несмотря на свои богатства испанское правительство не могло справиться ни с хозяйственной разрухой в самой Испании, ни с эксплуатацией колоний. Контрабанда господствовала на всех границах Испании. Один испанский писатель второй половины XVII века считал, что стоимость контрабандной торговли в одной только Севилье составляла ежегодно около 10 миллионов песо. Хотя доля казны во ввозимых из Америки сокровищах была значительна (около 26%)², но правительству и этого не хватало. Оно неоднократно конфисковывало для своих нужд сокровища, провозившиеся через севильскую палату частными лицами. Карл V произвел таких конфискаций в общем на сумму около 5 миллионов дукатов, а Филипп II, пытавшийся было отказаться от такого открытого грабежа своих подданных, только за 1556—1557 годы конфисковал 1600 тысяч дукатов. Это приводило к развитию контрабанды серебром и золотом. Так, под властью фанатичных самодержцев и феодальной знати Испания шла к полному краху. В XVII веке положение сделалось столь катастрофическим, что в кортесах открыто выражали сомнения в том, что королевство сможет просуществовать еще столетие, если дела будут идти и впредь так же.

За крахом экономическим последовал и крах политический. Преемники Филиппа II, окруженные тысячами фаворитов, продолжали его реакционно-великодержавную политику, поглощавшую колоссальные суммы. Одна война с Нидерландами, официально прекратившаяся только в середине XVII века, поглотила огромные суммы. Но уже с 1579 года Северные Нидерланды отпали от испанской монархии.

¹ Haring «Trade and navigation between Spain and the Indies in the time of the Hapsburgs», p. 207. 1918.

² Hamilton. Цит. соч. стр. 32.

Испанские дворяне.

О карт. Веласкеса.

В 1640 году восстала и отделилась Португалия, безуспешная война с которой продолжалась до 1668 года. Восстания против испанского владычества вспыхивали и в Италии, например в Сицилии в 1646—1647 годах, в Неаполе в 1648 году и в других местах. Наконец, в 1640—1652 годах восстала и на некоторое время совсем отделилась Каталония, опиравшаяся на помощь Франции. Восстания происходили также в Бискайе (1631 г.), Галисии (1637 г.), на Майорке (1640 г.), в Кордове (1652 г.) и других местах.

Внешние войны приводили к неудачам и поражениям несмотря на храбрость испанских солдат, которых обирали и губили бездарные казнокрады-генералы из аристократических семей. Войска голодали и ходили оборванцами, не получая жалованья. Мир с Англией в 1604 году не облегчил положения, так как при Кромвеле борьба на море возобновилась. Помимо того продолжалась война с Голландией и Францией. В 1643 году французы разбили испанские войска при Рокруа, в 1648 году—при Лансе. Война окончилась Пиренейским миром в 1659 году, миром, передавшим Франции Руссильон и ряд районов во Фландрии, Артуа и Люксембурге. Но и после того войны с Францией продолжались. В 1678 году Испания была вынуждена усту-

пить ей Франш-Конте, Артуа и другие земли. В 1697 году французские войска даже заняли Барселону. Французский король Людовик XIV стремился превратить всю Испанию в зависимое от него государство.

В Испании царил ужасающая нищета. 300 тысяч дворян во главе с аристократией, состоявшей из 90 грандов, 21 герцога, 72 маркизов, 124 графов и 9 виконтов, обирали страну. Доходы дворянства ежегодно составляли около 7 миллионов дукатов, а духовенства — $10\frac{1}{2}$ миллионов дукатов. В руках дворянских семей сосредоточивались громадные богатства, награбленные в Испании и ее владениях. Герцоги Инфантадо в своих поместьях насчитывали 90 тысяч подданных, из них 6 тысяч дворян. На парадных обедах испанской знати подавалось до 700 блюд. У герцога Альбукерке имелось 1400 тарелок, 500 больших блюд, 700 маленьких, сделанных из золота и серебра. Аристократов окружали толпы челяди и тунеядцев. У герцога Медина-Сели было 700 человек прислуги, у герцога Осуна — 500, у графа Оливарес — 120 человек.

При дворе обогащались королевские фавориты. При преемнике Филиппа II — Филиппе III (1598—1621 гг.), по словам поэта Кеведо, «все люди, состоявшие при этом дворе, стали непо-

требными женщинами, которых можно получать только за деньги».

Алчные, разорявшиеся мелкие дворяне толпами паразитов наводняли Мадрид, двор, разбухшие до невероятных размеров государственные учреждения, духовенство, армию, колонии, не желая заниматься никаким трудом и беспощадно грабя народ как через посредство казны, так и непосредственно. Ежегодно испанская казна собирала со всех своих владений 24 миллиона дукатов, а в середине XVII века — по 30—35 миллионов. Это был самый большой государственный бюджет в Европе, и несмотря на это испанский король был вечно без средств. Двор окружали и осаждали всевозможные прожектеры (*arbitristas*), часто просто мошенники и шарлатаны, предлагавшие правительству всевозможные способы спасения разорявшейся страны. Многие умы в стране задумывались, видя гибель своей родины; об этом свидетельствует тот факт, что испанская экономическая литература этого времени насчитывает более 400 авторов. Но все было тщетно.

Безденежье двора доходило до того, что в 1601 году король, чтобы срочно выжать деньги у мадридского самоуправления, переехал со своим двором в Вальядолид, угрожая навсегда лишит мадридцев доходов от пребывания у них двора. Когда же Карл II, последний испанский Габсбург, умер, то в казне не оставалось денег даже на его похороны.

Этот последний Габсбург, настоящий выродок и дегенерат, умирал бездетным. На наследование испанской короны предъявляли претензии французский король и император (немецкий Габсбург), так как они оба были женаты на дочерях Филиппа IV (1621—1665 гг.). Людовик XIV хотел посадить на испанский трон своего внука Филиппа Анжуйского, император — своего второго сына. Оба претендента в 1700 году тайно договорились уже разделить испанское наследство. Известие об этом сговоре вызвало страшное негодование в Испании. Карл II, чтобы спасти свою монархию от раздела, завещал корону Испании Филиппу Анжуйскому. В 1700 году он умер и в Испанию явился из Франции новый король. Началось правле-

ние испанских Бурбонов (1700—1931 гг.).

Такое необычайное усиление Франции вызвало против Людовика XIV и его внука коалицию сильнейших держав Западной Европы. Началась так называемая война за испанское наследство, т. е. за раздел Испании и ее владений. По договорам 1713—1714 годов, мир был достигнут за счет несчастной Испании. Англия захватила Гибралтар и остров Менорку, Австрия — южные Нидерланды (Бельгию) и итальянские владения Испании.

Испания вступила в XVIII век разоренная и обессиленная. За какие-нибудь два столетия она пережила величайшее могущество и глубочайшее унижение. Но за эти два столетия, полные непрерывных страданий народных масс, испанский народ обнаружил свою могучую силу, выдвинув ряд выдающихся людей, ряд железных характеров, и создал блестящую литературу и искусство. Имена Гарсиласо де ла Вега, Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона, Кеведо, Тирсо де Молина и многих других в литературе, Мурильо, Веласкеса, Рибера в искусстве неразрывно связаны со всей историей человечества XVI — XVII веков.

Таким образом, испанский народ, веками изнемогавший под игом эксплуатации, под гнетом церкви, под ярмом искусственно внедряемого невежества и темноты, тем не менее вписал ряд блестящих страниц в историю мировой культуры. Испанский народ давно завоевал себе право считаться одним из великих народов Европы. Теперь же, когда народы Испании сами берут в свои руки управление своей судьбой, для того чтобы открыть широкую дорогу в светлое будущее, к расцвету всех огромных сил и талантов, фашистские мракобесы огнем и мечом стремятся преградить им этот путь; они уничтожают лучших сынов испанского народа, их жен и детей, они уничтожают его материальные богатства, его культуру, они хотят навязать ему фашистское иго, вернуть его в мрак средневековья. Но это им не удастся, и длящаяся уже год героическая борьба трудящихся Испании, встречающая горячую поддержку и сочувствие со стороны всего передового человечества, этому порукой.

**ПОЛОЖЕНИЕ
НАЕМНЫХ РАБОЧИХ
И ЗАЧАТКИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
В ЭПОХУ РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА
(XV—XVIII вв.)**

1

Разработка вопроса о положении наемных рабочих и зачатках рабочего движения в Западной Европе в докапиталистическую эпоху стоит у нас, к сожалению, не на должной высоте. Между тем едва ли нужно доказывать всю важность и актуальность указанных вопросов для нашей исторической науки.

Подлинно научному изучению классовой борьбы той эпохи и, в частности, изучению начальной, зачаточной стадии рабочего движения, без сомнения, больше всего помешала вредительская деятельность ныне разоблаченных врагов народа — троцкистов: Фридлянда, Далина, Пригожина и др. Осуществляя свою гнусную, вредительскую работу на участке новой истории, они сумели и здесь приложить свою грязную руку. За примером ходить недалеко. Японо-немецко-троцкистский бандит Ц. Фридлянд в своих выступлениях, статьях и книжках, маскируясь под «марксиста» и жонглируя цитатами, систематически искажал высказывания Маркса и Энгельса по этому вопросу. Так например вопреки Марксу и Энгельсу¹ он доказывал, что рабочие появились только вместе с фабрикой и заводом, и т. п.

У Фридлянда подмастерья XVIII века выступают как «владельцы собственности», не имеющие ничего общего с рабочими. Он сделал все, чтобы пред-

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I. Гл. 24-я, и Ф. Энгельс «Крестьянская война в Германии».

ставить в извращенном виде генезис капитализма и вычеркнуть из истории классовой борьбы раннюю фазу рабочего движения.

Не ограничиваясь этим, матерый вредитель занимался тенденциозным перевираанием цитат классиков марксизма, придавая им нужный ему смысл. Энгельсовскую характеристику предпролетариата он «обработал» таким образом, что предпролетариат превратился у него в «авангард пролетариата». Впрочем, это не помешало ему в другой статье назвать предпролетариат «отбросами феодального и цехового общества» и т. д.

Махровый бандит Далин пошел еще дальше.

В своей вредительской статье «Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII века» он занялся протаскиванием взглядов буржуазных историков (Матъеза, Сэ, Балло и др.), прикрывая их именем Маркса.

Признавая, что в XVIII веке во Франции «господствовал капитал», Далин расписывал в идиллических тонах его развитие, совершенно обходя молчанием классовую борьбу того времени. Благодаря преступному рогозейству и политической беспечности некоторых наших историков Далину удалось поместить эту гнусную стряпню в специальном сборнике, посвященном истории классовой борьбы. Характерно, что в этой «работе» ни слова не сказано о положении мануфактурных рабочих, о их борьбе с предпринимателями, о стачках, голодных бунтах и репрессивной политике абсолютизма по отношению к рабочей массе.

Научное освещение классовой борьбы в эпоху разложения феодализма прежде всего требует правильного, марксистско-ленинского понимания внутренних противоречий феодального общества.

Вредители действовали и на этом участке исторического фронта. В этой области больше всего подвизался враг народа Пригожин.

В своей брошюрке «Карл Маркс и проблема социально-экономической формации» (к счастью, своевременно разоблаченной) сей «историк», преступно извращая Маркса, попытался механистически подменить внутренние

противоречия феодального общества внешними.

Разоблачение вредительства и ликвидация его последствий на данном участке исторической науки являются необходимой предпосылкой для научной разработки предистории рабочего класса в Западной Европе.

* * *

Процесс разложения феодализма был одновременно процессом формирования капиталистических отношений. Более или менее готовые формы капиталистического уклада, как указывает товарищ Сталин, выросли и созрели «еще до открытой революции в недрах феодального общества»¹.

Феодальное ремесло либо приходило в упадок либо, совершенствуясь и усложняясь в связи с развитием разделения труда и техническим прогрессом, переходило в домашнюю капиталистическую промышленность и, наконец, в капиталистическую, централизованную мануфактуру. Вместе с тем росла интенсивность и товарно-денежных отношений. Торговля Западной Европы приобретала широкий, международный характер, а великие открытия конца XV века в огромной степени стимулировали развитие мирового рынка.

Рост промышленности и торговли оказал значительное влияние и на сельское хозяйство. В передовых странах Западной Европы обнаруживалась тенденция к переходу его на капиталистические основы с использованием вольнонаемного труда.

Все эти явления были связаны и обусловлены теми процессами в городе и деревне, которые вызывались отделением мелкого производителя от средств и орудий производства и которые являлись основой так называемого первоначального накопления. По словам Маркса, «процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда; это — процесс, превращающий, с одной стороны, общественные средства производства и существования в капитал, с

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107. 10-е изд. Партиздат. 1935.

другой стороны, непосредственных производителей — в наемных рабочих»².

История отделения масс мелких производителей от собственности на условия их труда, в сущности, и представляет собою историю формирования нового класса пролетариата.

В своем письме от 1877 года в редакцию журнала «Отечественные записки» Маркс совершенно определенно указывает, что движение, «которое отрывало постепенно производителя от его средств производства...», обращало «первого в наемника (пролетария в современном смысле этого слова), а последнее — в капитал»³.

Начало возникновения рабочего класса в Западной Европе, как указывает Маркс, можно отнести к концу XIV века, но процесс его формирования носил весьма длительный характер. Он происходил в обстановке чрезвычайного обострения классовой борьбы и охватывает собой ряд столетий. Пролетариат, говорит Маркс, проходит через различные ступени развития, и первой, начальной ступенью его развития была докапиталистическая эпоха разложения феодализма. Формирование наемной армии труда шло в основном из двух источников: из деревни и из городского ремесла. «Экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина составляет основу всего процесса»⁴.

Массы разоренного крестьянства частью становились сельским пролетариатом, а частью находили себе пристанище в городах в качестве чернорабочих, нецеховых сезонных рабочих и т. д.

Наряду с этим в результате подчинения ремесла капиталу и разложения цехового строя на положение наемного рабочего стали переходить в мануфактурный период и массы разорившихся ремесленников.

С XV века явно изменилось и положение цеховых подмастерьев: большинству их доступ в цеховые мастера был фактически закрыт. Не имея соб-

² К. Маркс «Капитал». Т. I. Гл. 24-я, стр. 573.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 215. Под ред. Адоратского. 1923.

⁴ К. Маркс «Капитал». Т. I. Гл. 24-я, стр. 574.

ственной мастерской и орудий труда, эти servants (слуги), уопен (йомены), valets (служители), как их называли тогда, превратились тоже в продавцов своей рабочей силы — наемных рабочих.

«Те самые условия, в которых средневековой цеховой мастер (речь идет об отдельных мастерах.— В. П.) развился в современного капиталиста, заставили цехового подмастерья и не принадлежащего к цеху поденщика превратиться в пролетария»¹.

В формировании рабочего класса имело значение также уничтожение феодальных дружин, выбросившее на произвол судьбы массу поставленных вне общества людей.

Рабочая масса докапиталистической эпохи была еще доиндустриальным пролетариатом, по своему составу и положению весьма отличавшимся от современного фабрично-заводского пролетариата. Это был, в сущности, предпролетариат, предшественник современного пролетариата.

В него входили и разорившиеся мастера — ремесленники, еще не утратившие надежды вернуть себе прежнее положение, и подмастерья, которым суждено было навсегда остаться наемными рабочими; здесь мы встречаем и массы нецеховых рабочих и малоквалифицированных чернорабочих, пришедших из деревни в поисках заработка.

Все эти группы были обособлены друг от друга и не проявляли стремления к объединению для борьбы за общие интересы труда.

Однако уже в ту эпоху появляются первые зачатки рабочих организаций и первые вспышки их борьбы с эксплуататорами.

Чтобы понять действительные причины и самый характер рабочего движения с XV по XVIII век, необходимо прежде всего выяснить экономические условия, в которые были поставлены массы докапиталистических рабочих в городах.

2

Несмотря на общий рост национальных богатств положение рабочей массы к началу изучаемой эпохи было

¹ Ф. Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 36. ИМЭЛ. 1931.

весьма тяжелым, и с каждым десятилетием оно еще более ухудшалось. Чем больше капитал ставил в зависимость от себя производство, тем интенсивнее становилась эксплуатация. Способ производства еще сохранял докапиталистический характер, однако эксплуатация труда уже приобрела явно капиталистические черты.

О снижении реальной заработной платы дают нам представление следующие данные.

Французский ученый Авеналь в результате многолетней работы над архивным материалом собрал свыше 60 тысяч цифр, рисующих нам состояние заработной платы и цен на предметы питания с XIII по XVIII век. Эти сведения относятся к Франции.

По словам Авеняля, «история заработной платы — это история четырех пятых нации, продающих свою жизнь за возможность иметь на что жить»².

Мы видим из этих сведений, что даже в тех случаях, когда наблюдается номинальное повышение оплаты труда, фактически мы имеем дело с ее снижением, так как революция цен привела к значительному снижению покупательной силы денег. Так, черный хлеб, стоивший в начале XVI века на современные деньги 4 франка за гектолитр, поднялся во второй половине этого столетия до 12, а к концу — до 20 франков за гектолитр.

Авеналь дает нам весьма наглядную таблицу эволюции заработка нецехового рабочего, выраженную в литрах пшеницы, ржи, в количестве килограммов мяса и других предметов питания. Мы видим, что рабочий за свой заработок с каждым десятилетием мог получить все меньше и меньше продуктов, необходимых для существования. Приведем некоторые данные из этой таблицы:

Годы	Зарплата в литрах пшеницы	Зарплата в литрах ржи	Зарплата в килограммах мяса
С 1451—1475	18,40	26	4,270
• 1501—1525	14,60	18	2,720
• 1601—1625	3,30	7,60	2,050
• 1701—1725	4,50	7,40	1,620

Особенно тяжелым было положение поденщиков-чернорабочих. Если под-

² D'avenel «Histoire économique de la propriété des salaires, des denrées et de tout les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'à l'an 1800», p. 132.

мастерья, будучи организованы, могли отстаивать свои интересы коллективно, то неквалифицированный рабочий, не имея своих организаций, оказывался беспомощным перед произволом своих хозяев. Так, поденщик, зарабатывавший на современные деньги при Карле VIII 3 франка 6 сантимов, при Франциске получал уже в среднем 2 франка 90 сантимов, при Карле IX — 2 франка 25 сантимов и при Генрихе IV — 1 франк 95 сантимов, а при Людовике XVI — 1 франк 60 сантимов. Таким образом, за период с конца XV века до начала XVIII века его заработок упал больше чем наполовину.

В XVII и XVIII веках снижение заработной платы идет особенно интенсивно. Как отмечает Авеналь, поденная плата каменщика, равная при Генрихе IV 3 франкам, доходит при Кольбере до 2 франков 30 сантимов; у плотника снижается плата с 3,18 до 2 франков; у кровельщиков и маляров — с 3,50 до 2,50. За пряжу килограмма пеньки в XV веке платили в среднем 3,15 франка, но уже при Людовике XIV — 1,72. За метр вытканного полотна оплата снизилась с 1,02 франка в XV веке до 60 сантимов к концу XVIII века.

Таким образом, во Франции в период разложения феодализма замечается систематическое снижение как заработной платы, так и сдельной оплаты труда, но при этом происходило одновременно повышение цен на предметы первой необходимости.

С подобным явлением мы встречаемся и в других странах: в Англии, Италии и Германии. В Англии с XVI по XVIII век, по самым скромным исчислениям, реальная заработная плата поденщиков, а также промышленных рабочих снизилась в полтора раза. Английский историк Роджерс утверждает, что в XV веке ремесленник для того, чтобы окупить количество хлеба, нужное для прокормления его семьи в течение года, должен был работать 10 недель. Остальное рабочее время у него шло на покрытие других потребностей. В конце же XVI века (1584 год) он мог заработать деньги на потребное количество хлеба уже в 48 недель, а в первой половине XVIII века (1725 год) всего его годового заработка не хватало на то, чтобы по-

крыть расходы по одному только хлебу.

Не в лучших условиях находились и рабочие в Италии. Если квалифицированные рабочие высших категорий были еще в сравнительно сносном положении, то этого нельзя сказать о широких массах неорганизованных рабочих.

Постоянный наплыв рабочей силы из Нидерландов и Германии, а также приток в города разоренного крестьянства вызывали сильную конкуренцию среди рабочих и влекли за собой значительное снижение оплаты труда.

Рабочие шолковой промышленности в Генуе были настолько бедны, что половина их была освобождена от уплаты всех податей.

Статистические данные, относящиеся к некоторым местностям Германии, также рисуют безотрадную картину нищеты. В Вюртемберге, например, ткачи не зарабатывали даже того, что может считаться прожиточным минимумом. Оборванная и полуголодная беднота должна была искать поддержки в частной благотворительности и заниматься нищенством.

Снижению заработной платы способствовали следующие обстоятельства: сильное падение ценности денег, вздорожание сырья и сельскохозяйственных продуктов (главным образом хлеба), наплыв в города разоренных крестьян из деревни, обостривший конкуренцию среди неорганизованной рабочей массы и создавший значительное превышение предложения труда над спросом. Наконец, немалую роль в ухудшении материальных условий рабочей массы городов играла и государственная политика так называемого «регулирования» заработной платы. Абсолютизм должен был «делать уступки буржуазному обществу, приспособляться к его потребностям» (Маркс). Охрана интересов эксплуататорской верхушки городов была одной из основных задач государственной политики. Нарождающейся буржуазии, говорит Маркс, нужна помощь государственной власти, и она действительно использует государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах,

благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости»¹.

В Италии, например, городские ра­туши строго нормировали оплату тру­да в важнейших отраслях производст­ва.

В повсеместном снижении заработ­ной платы повинны были также и це­хи.

Авеналь отрицает последнее, считая, что цехи никакого отношения к уста­новлению норм оплаты не имели. Од­нако Гаузер² подчеркивает, что цехи оказывали давление на государство, стремясь поддержать «равномерность и устойчивость в оплате труда». Но так как цены на важнейшие предметы потребления росли, то политика охра­ны существующих норм оплаты фак­тически вела к ее снижению. Такого же мнения держится и Левассер, счи­тая цех «коалицией против повыше­ния заработной платы»³.

Уже годы, следовавшие за «черной смертью» XIV века, могут считаться периодом возникновения рабочего во­проса в Западной Европе и «норми­рования заработков».

С образованием централизованных государств эти задачи берет на себя государственная власть.

Крестьянин и простой рабочий, го­ворит Ковалевский, не имели возмож­ности протестовать, «и ничто не пре­пятствовало принятию законодатель­ных мер, клонящихся к ограничению их экономических выгод в интересах собственников и предпринимателей, отождествляемых уже в это время с интересами государства»⁴.

В Англии начало этой политики можно видеть уже в XIV веке. Тако­во так называемое рабочее законода­тельство Эдуарда III и Ричарда II. Со­гласно статуту о рабочих, принятому в 1351 году, подмастерья, а также ма­стеровые, ремесленники и рабочие должны были принести присягу, что не будут требовать платы выше той жалкой нормы, которая существовала до «черной смерти».

Указывая, что подмастерья «стали

дороги после чумы», закон грозит «чрезмерно корыстолюбивым» рабочим штрафом и заключением в тюрьму.

Статут 1388 года Ричарда II, под­тверждая «все предшествующие ста­ту­ты о ремесленниках, рабочих и слу­гах», вводит еще более жесткие, осо­бенно в отношении сельскохозяйст­венных рабочих, нормы оплаты тру­да и суровые наказания за досрочный уход с работы.

По словам Маркса, закон о рабо­чих был издан вследствие настоятель­ных жалоб палаты общин. Этим зако­ном устанавливался тариф заработной платы для города и деревни.

«Под страхом тюремного наказа­ния воспрещается выдавать плату бо­лее высокую, чем указанная в стату­тах»⁵.

С XV века государство уже систе­матически ведет политику снижения реальной заработной платы. Акт 1495 года, по словам Кеннингема, «ограничивает плату за праздничные дни, разрешает делать вычеты за ле­ность... и за продолжительное сидение за едой; он устанавливает максималь­ные размеры заработной платы и раз­решает меньшую плату, где обычна более низкая плата»⁶.

XVI век был временем высокого экономического под'ема Англии, но бедствия трудового населения горо­дов: чернорабочих, подмастерьев, вольнонаемных рабочих мануфактур—нисколько не уменьшились.

«Никогда, — пишет Роджерс, — за­работная плата не падала в Англии так низко, как в эпоху Елизаветы, время наибольшего экономического процветания Англии».

«Все мероприятия Елизаветы по ра­бочему вопросу,—говорит он, далее,—были заговором, направленным против рабочего класса, чтобы отнять у него большую часть его доли в националь­ном доходе»⁷.

Забываясь о развитии промышленно­сти, английский абсолютизм, есте­ственно, меньше всего думал об инте­ресах рабочей массы.

Английское правительство всемерно

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 592.

² Hauser «Ouvriers du temps passé», p. 104. 1889.

³ Левассер «История рабочего класса во Франции».

⁴ Ковалевский «Экономический рост Европы». Т. III, стр. 177. М. 1903.

⁵ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 593.

⁶ Кеннингем «Рост английской про­мышленности и торговли», стр. 459.

⁷ Роджерс «История труда и зара­ботной платы в Англии с XIII по XIX век».

покровительствовало возвышавшейся буржуазии и стремилось обеспечить ей высокий доход, проводя законодательным путем снижение заработной платы.

Акт 1563 года (при Елизавете) поручал судьям и городским властям строго ограничивать плату рабочих, цеховых ремесленников и прислуги.

Запрещалось всякое повышение платы выше установленной нормы под страхом штрафа или тюремного заключения.

В 1597 году судьям поручалось установление нормы оплаты рабочих в суконной промышленности. Следует отметить при этом, что многие судьи сами были предпринимателями и занимались скупщиством.

С таким же явлением мы встречаемся и во Франции.

«Английское и французское законодательства (о наемном труде. — В. П.), — отмечает Маркс, — развиваются параллельно и по содержанию своему тождественны»¹.

Статуту о рабочих английского короля Эдуарда I, по мнению Маркса, полностью соответствует французский ордонанс 1350 года, изданный от имени короля Иоанна. Политика снижения реальной заработной платы проводится во Франции особенно настойчиво начиная с XVI века, со времени развития мануфактур. По королевскому ордонансу 1572 года, была значительно снижена плата каменщикам и неквалифицированным рабочим других профессий. Первым поденная плата устанавливалась в 12 су, а вторым — в 5 су. В 1687 году был установлен максимум для оплаты строителей. Кольбер, яркий представитель французского меркантилизма, при котором мануфактура достигла высокого развития, больше всего заботился о дешевой рабочей силе. Фактически снижению оплаты труда способствовали также расплата товарами и использование низкооплачиваемого труда женщин и детей.

Говоря о Германии, нельзя обойти молчанием «деятельность» герцогов саксонских, которые в XV веке изобрели чрезвычайно «оригинальный» способ снижения заработной платы.

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 592.

Земский устав 1482 года гласил: «От прелатов и сеньеров дошли до нас многие жалобы, что подданные находятся в большом упадке... и испорченности, каковые проистекают и от растущих во всех сословиях излишних расходов на пищу, напитки и одежду... посему подобает прежде всего изготовлять и выпускать неполновесную мелкую монету для выдачи заработной платы слугам и ремесленникам»².

Представители прусского и австрийского абсолютизма, усердно проводившие снижение заработной платы, подыскивали для оправдания этого и подходящую теорию. С их точки зрения, «расширение рынка сбыта и удешевление производства может быть достигнуто именно путем понижения рабочей оплаты»³.

Мария-Терезия, например, писала торговому совету: «Я вполне одобряю прекрасное намерение торгового совета снизить заработную плату, чтобы этим удешевить товары»⁴.

Развитие капитализма разрушало и без того весьма относительное благополучие мелкобуржуазного производителя, имевшего свою мастерскую, свой угол. Обнажились противоречия внутри ремесленной мастерской. Подмастерья и ученики были поставлены на положение пролетария; разорилась большая часть мастеров. Массы производителей, оторванные от средств производства и принужденные существовать на ничтожную заработную плату, имевшую к тому же тенденцию систематически снижаться, поставлены были в условия полуголодного существования.

Если по саксонскому земскому уставу XV века ремесленникам-подмастерьям полагалось 4 блюда, причем туда входили 2 мясных кушанья, то с XVI века мясо благодаря своей дороговизне стало недоступно рабочему человеку. Один ремесленник (XVI век) жалуется: «При моем отце ежедневно было мясо... но теперь все изменилось». Сильно снижается также по-

² Hunger «Geschichte der Abgaben», S. 22.

³ Кулишер «Промышленность и рабочий класс на Западе в XVI—XVIII веках», стр. 144. 1911.

⁴ Там же.

требление масла и молока. Рабочий стал питаться главным образом овощами: чечевицей, фасолью, горохом — и темным хлебом, так как пшеничный хлеб был ему недоступен.

Домашний быт рабочих людей поражал своей бедностью. По словам Бабе, помещения подмастерьев были тесны и темны. Большой частью вся семья помещалась в одной комнате, убогая обстановка которой состояла из деревянного стола, скамьи, некрашеного деревянного шкафа для одежды и грубо сколоченных кроватей с соломенными матрасами.

3

С момента образования организаций подмастерьев разгорается борьба между хозяевами ремесленных мастерских и эксплуатируемыми подмастерьями. Последние, сознавая безуспешность борьбы в одиночку, искали средств защиты в товарищеской поддержке. Для успеха борьбы нужна была организация. И эти организации, послужившие как бы зародышем современного профессионального движения, мы видим уже в конце XIV и начале XV века. Исследования Шанца¹ указывают на то, что эти организации были повсеместным явлением и что, будучи построены по общему типу ремесленной гильдии, они, однако, служили специфическим задачам. Он указывает на существование таких объединений подмастерьев у портных, кузнецов, башмачников, ткачей, пекарей, меховщиков, мясников и каменщиков.

Но еще раньше Шанца, в 1631 году, на это указывал ученый Вильда в своей работе «Gildewesen» (стр. 342): «Так как подмастерья не были полноправными членами гильдий (цехов), — говорит этот ученый, — то они образовывали во многих значительных промыслах отдельные братства».

По мнению О. Гирке, «главной целью, побудившей их (подмастерьев) соединиться, являлась... взаимопомощь, так что их касса служила одновременно и для выдачи ссуд и для пособия больным и бедным. Но, наконец, что самое важное, они взяли под свою

охрану общие профессиональные интересы во всех тех случаях, когда поднимался вопрос о заработной плате, труде и их самостоятельности, и уже рано начали составлять коалицию против своих мастеров и систематически отказываться от работы»².

Таким образом, объединение подмастерьев происходило в целях защиты своих профессиональных интересов в вопросах условий труда и его оплаты, а также для целей взаимопомощи. Мы знаем две формы этих организаций: это церковные братства и, затем, товарищества при харчевнях. Шанц указывал на различие этих организаций. Первые, по его мнению, были скорее обществами взаимопомощи и ставили религиозные цели, вторые же главным образом имели в виду задачи экономического характера. Братства, судя по уставам, были своеобразными кассами взаимопомощи. Но кроме этого они имели своей задачей и отправление религиозных обрядов, организуя церковные шествия, торжественные службы по праздникам.

Вот как гласит устав братства страсбургских ткачей - подмастерьев (1479 год): «Подмастерья-ткачи на вечные времена учреждают свое братство при большом страсбургском госпитале... каждый праздник тела господня надлежит устраивать обедни для всех братьев и сестер, причем следует молиться как за мертвых, так и за живых. Если же случится, что какой-либо брат заболеет... и попадет в госпиталь, то ему следует выдавать ежедневно один пфенниг из братской казны». Дальше говорится о том, как должно поступать братство, если умрет его член. Оказывается, его похороны идут за счет организации, которая берет на себя и заботы о семье умершего.

Нельзя, однако, думать, что братства ограничивались этими задачами. Есть основания утверждать, что они принимали участие и в активных выступлениях подмастерьев и оказывали материальную поддержку стачечникам. Цехи и власти очень косо смотрели на эти учреждения, но вслед-

¹ Schanz «Gesellenverbände». 1877.

² O. Gierke «Das deutsche Genossenschaft». B. I, S. 405, 1868.

ствие их церковного характера не решились вступить с ними в борьбу.

Иначе обстояло дело с товариществами при харчевнях. Одиноким подмастерья обыкновенно посещали харчевни, где получали питание и проводили свободное время. Это были своеобразные клубы. Благодаря регулярным встречам постоянных посетителей здесь создавались корпоративные товарищеские связи, велась агитация, подготовлялась борьба с эксплуататорами-хозяевами и вырабатывался план общих действий. В конце концов, образовались конспиративные организации при харчевнях, которые были очагами протеста и борьбы.

Но идеология средневековья наложила свой отпечаток и на эти боевые организации. Деятельность товариществ была облечена покровом тайны и связана с целым рядом мистических обрядов.

Приведем как пример церемонию посвящения в члены товарищества у шляпочников.

В кабачке, где собирались подмастерья-шляпочники, имелась тайная комната с символической мебелью. Стол с четырьмя ножками являлся символом четырех евангелистов, скамья была символом плащеницы. На столе стояли крест и две тарелки со свечами, обозначающие светила небесные, и солонка, под которой лежали 30 монет — цена иудина предательства. Посвящаемый вводился крестными отцом и матерью в комнату и выполнял сложный ритуал, проходя искус. После этого его усаживали на стул, долженствующий изображать купель, давали ему вкушать хлеба, соли, вина, кропили водой и давали три толчка, называя новым именем, которое он отныне носил как «подмастерье долга».

Эти тайные организации с их мистическим ритуалом вызывали к себе особенную ненависть со стороны церкви. Один священник XVII века жалуется, что подмастерья сильно поносят бога, профанируя все таинства нашей религии, и разоряют мастеров, лишая их мастерские рабочих рук. У них своя юрисдикция, они выбирают должностных лиц, у них сношения с городами и есть условный па-

роль, «который они держат в секрете и по которому узнают друг друга»¹.

Правительство вело беспощадную борьбу с этими организациями в Майнце, Франкфурте, Шпейере, Вормсе. За принадлежность к ним грозили тяжелые наказания. В Страсбурге, согласно «уставу о прислуге» 1465 года, запрещалось «вступать в союзы, соединения и соглашения, устраивать общества и устанавливать между собой заповеди и запреты без позволения и разрешения мастеров и совета того города».

Кроме союзов цеховых подмастерьев мы встречаемся со слабыми попытками организации у нецеховых рабочих: у чернорабочих-поденщиков и даже у сельских батраков. Все такие организации оказывались очень недолговечными. Постоянный приток новой рабочей силы, неорганизованной и готовой конкурировать друг с другом, делал бесцельными эти объединения, поскольку они были не в силах защищать интересы своих членов.

Организации подмастерьев в Германии исследованы больше всего, однако существование их установлено и в других странах Европы. Уже Левассер считал, что братства (*conféries*) подмастерьев были в XV веке всеобщим явлением во Франции². Борьба с такими организациями здесь велась весьма энергично, особенно в период расцвета мануфактур. Эдикт 1539 года, изданный в связи с волнениями парижских и лионских подмастерьев, лишил последних права коалиций. Франциск I при этом объявил, что сеньшаль имеет право осудить бунтовщиков не только на тюремное заключение, но и на казнь.

XVIII век отличался особым обилием всякого рода постановлений общегосударственного и местного значения. В 1730 году губернатор Монпелье в духе общей политики по рабочему вопросу издал для своей области специальное постановление, запрещавшее «пагубные собрания подмастерьев, вошедших в соглашение друг с другом».

Специальным постановлением в 1767 году были запрещены собрания под-

¹ Левассер. Цит. соч. Т. I, стр. 607.

² Там же, стр. 497.

мастерьев в Орлеане «более 3 человек» под страхом тюремного заключения и уплаты штрафа в 50 ливров. Полиции предписывалось установить строжайший надзор за местами обычных тайных собраний: за столовыми, кабачками и пр.

Английское правительство и мастера также беспощадно боролись с попытками организации у подмастерьев, или йоменов, как они там назывались. Мастера-седельники в XIII веке решительно отказывают своим йоменам в разрешении объединиться в братство, так как они понимали, что под маской благочестия йомены будут составлять «заговоры» с целью «чрезмерно поднять свою заработную плату».

В 1417 году мэр и альдермэны Лондона запрещают портным-йоменам «посещать собрания... в церкви или в каком ином месте, кроме тех, на которых они бывают вместе с мастерами». Они опасаются, как бы портные не образовали своего братства.

В 1421 году хозяева-портные добиваются от парламента преследования союза портняжных подмастерьев, который насчитывал больше 7 тысяч членов.

Однако уже в XV и XVI веках в Лондоне существовали братства кузнецов, плотников, суконщиков, портных, литейщиков, сукноделов, оружейников, торговцев рыбой и торговцев железом, в Ковентри — ткачей, в Экзетере — портных, в Оксфорде — сапожников, в Бристоле — портных. В петиции портных парламенту от 1421 года есть указания на то, что в Лондоне существовали братства подмастерьев в кожевенном, кузнечном, парусном и других производствах и что плотники, каменщики и столяры готовились организовать свои братства.

Повсеместное возникновение организаций подмастерьев свидетельствовало о том, что отношения между ними и мастерами приобретали все более обостренный характер. С XV века это определенно уже две враждебных классовых группы с весьма противоположными интересами. Между хозяевами-мастерами и рабочими-подмастерьями развертывается борьба, которая временами принимает длительный и упорный характер.

В ответ на попытки сократить заработную плату или удлинить рабочее время¹ подмастерья прибегают к стачкам и организованному бойкоту. Они, по уговору, бросают работу в надежде, что мастера, боясь убытков, поспешат пойти на уступки.

Если хозяева делали попытку заменить своих подмастерьев приглашенными со стороны рабочими, то стачечники старались всеми мерами воспрепятствовать этому. Они или вступали в соглашение с подмастерьями своей специальности из соседних городов, и те отказывались идти на работу или боролись с штрейкбрехерами путем угроз и преследований. Таким образом, мастера оказывались под бойкотом и не могли привлечь новую рабочую силу. Когда в 1495 году подмастерья-хлебопеки Кольмера организованно прекратили работу у своих хозяев и ушли из города, никто из их товарищей из соседних городов не пошел на работу в этот город.

Власти, естественно, как только могли боролись со стачками и бойкотами рабочих. Упомянутый выше страсбургский устав о прислуге 1465 года решительно запрещал прибегать к стачкам и бойкоту как методу разрешения спорных вопросов. Он объявлял преступлением также попытки так или иначе препятствовать штрейкбрехерскому труду, грозя за это тяжкими наказаниями.

В борьбе со строптивыми рабочими хозяева часто сами переходили в наступление и прибегали к локаутам. При этом они находили широкую поддержку со стороны власти.

Когда в XIV веке в Бреславле подмастерья объявили забастовку и бойкот мастеров на целый год, городские власти запретили принимать стачечников вообще на какую-либо работу в городе, и те вынуждены были признать себя побежденными и отдаться на волю победителя.

Точно так же лондонские подмастерья-войлочники в XVI веке, не выдержав контрнаступления хозяев, должны были придти с повинной и

¹ Подмастерья обыкновенно не выдвигали требования сокращения рабочего дня, а боролись за лишний свободный день в неделю, за «добрый понедельник».

принять очень тяжелые для них условия.

Для более успешной борьбы со стачками хозяева сами вступали в объединения с молчаливого согласия власти. Еще в XIV веке мастера кузнечных цехов Вормса, Шпейера, Франкфурта, Майнца, Оппенгейма и ряда других городов вступали в соглашение с целью организованной борьбы с движением подмастерьев.

Стачное движение подмастерьев особенно развивается в Европе начиная с XV—XVI веков. В некоторых отдельных случаях оно принимает довольно массовый характер.

В Германии уже в XIV веке стачки подмастерьев были повсеместным явлением.

Так, в 1329 году в Бреславле бастовали подмастерья, вырабатывавшие колеса; в 1351 году боролись за повышение заработной платы подмастерья-суконщики в Шпейере; в 1389 году в Констанце вспыхнула стачка подмастерьев-портных, которые добивались признания своих организаций. Несмотря на репрессии и запрещения организации подмастерьев стачечное движение в Германии с XV века постепенно ширилось и в начале XVIII века приобрело довольно широкий характер, охватив значительные массы мануфактурных рабочих.

В Англии первые указания о стачках подмастерьев тоже относятся к XIV веку. В 1362 году, указывает Эшли, «по взаимному соглашению отказались от работы лондонские подмастерья — ткачи и стригали».

В 1415 году к мэру Лондона обратились с жалобой на своих подмастерьев портные-мастера.

В жалобе говорилось, что «*уomen taylors*» «творят насилия, освобождают из рук властей нарушителей порядка, устраивают тайные сходки и срывают работу».

В период Тюдоров наряду с подмастерьями выступают на борьбу мануфактурные рабочие и разорившиеся ремесленники.

В 1607 году лондонские ремесленники и подмастерья подняли настоящий бунт и дело дошло до разгрома домов богачей (главным образом иностранцев).

В конце XVII и начале XVIII века

острые формы приобрела также борьба углекопов против шахтовладельцев и гильдии *hoasmen*, которой когда-то Елизавета предоставила право монопольной торговли каменным углем. Английский историк Манту отмечает особенно стачку 1654 и 1709 годов в Ньюкестле, когда работа останавливалась на несколько месяцев.

Стачная борьба подмастерьев во Франции приобрела довольно широкий характер начиная с XVI века.

Выдающееся место занимает стачка лионских типографских подмастерьев в XVI веке. Последние были наиболее организованы среди рабочих масс Лиона. Их братство имело свою кассу, опытных вождей и отличалось высокой дисциплиной. По первому знаку подмастерья хватались за оружие и бросали работу. Плохо приходилось тем, кто отказывался примкнуть к движению. Когда против них высылали вооруженную силу, подмастерья не боялись вступать в сражения. Организованные на военный манер, они выступали стройными колоннами, со знаменами, под командой капитана и командиров частей.

В 1539 году вспыхнула забастовка этих подмастерьев. Стачечники требовали увеличения платы, улучшения питания, уменьшения числа учеников. Кроме этого было выдвинуто любопытное требование — установить рабочие и свободные дни, не считаясь с праздниками. Хозяева жаловались, что подмастерья «хотят сделать праздники из рабочего дня и работать в праздничные дни». Три года с перерывами продолжалась борьба, и когда все средства существования у стачечников истощились, под давлением террора стачка была сломлена. Королевский ордонанс 1539 года признал, что подмастерья находятся «в состоянии бунтовщичества», и дал право властям расправляться с ними, прибегая к высылке, пыткам и даже казни.

В 1541 году король, еще раз осудив стачечников, предоставил неограниченные права хозяевам и установил норму рабочего дня до 16 часов в сутки.

Наиболее острый характер движение подмастерьев начало приобретать со времени развития домашней промышленности и мануфактуры. Этому

способствовало скопление в городах больших рабочих масс. В этих условиях создается постоянное общение, вырабатывается в большей степени сознание общих интересов и противоположности интересов рабочих и хозяев.

Мастерские и жилища мануфактурных рабочих были скучены в отдельных кварталах. Но главное — переход к мануфактуре делал рабочую массу более однородной. Это создавало условия для более широких форм движения, которые были неизвестны цеховой промышленности. Мануфактурные рабочие были наиболее спаяны общностью интересов, и если у них более слабо были развиты организации чем у подмастерьев, то это только потому, что эти рабочие находились под строжайшим надзором администрации. Последняя следила за каждым шагом рабочего, заботясь о том, чтобы тот акуратно бывал в церкви, посещал только дозволенные развлечения, возвращался вовремя домой и т. п.

Всякие товарищеские собрания и пирушки компаньонств строго запрещались. Неусыпный надзор за мануфактурными рабочими облегчался тем, что последние обыкновенно жили в особых фабричных казармах. Характерны порядки, существовавшие на золототканной фабрике в Сен-Море, под Парижем. Там ткачи работали непрерывно, не выходя из помещения. Им запрещено было разговаривать друг с другом и даже расхаживать по комнате. Они приносили клятву в том, что будут вести себя спокойно и крепко хранить всякую фабричную тайну.

В условиях почти тюремного режима мануфактурные рабочие все же часто прибегали к стачке. Правительство беспощадно боролось со всяким проявлением недовольства, но не имело достаточных средств, чтобы предохранить предпринимателей от неожиданных неприятностей в виде стачек. Полицейский надзор был бессильно мешать рабочим войти в соглашение относительно их общего дела. Один государственный чиновник начала XVIII века в своей переписке с горечью констатировал, что декреты,

запрещающие «пагубные собрания» рабочих, не исполняются.

Несмотря на суровые репрессии стачечное движение в XVII веке росло с каждым десятилетием. В некоторых областях Франции в голодные годы (1693—1694 годы) стачки нередко превращались в открытые бунты. Такие волнения имели место даже в столице. Буагильбер в своей работе «*Traité des grains*» пишет:

«Всюду царит дух возмущения... в торговых городах видишь, как от семисот до восьмисот рабочих какой-нибудь мануфактуры сразу и одновременно уходят, бросая работу, потому что захотели на 1 су понизить их почтенную плату. Наиболее мятежные применяют даже насилие по отношению к тем, которые «хотели бы быть рассудительными».

В 1697 году рабочие Дарнсталя (близ Руана) в количестве до 4 тысяч человек объявили забастовку и заставили хозяев закрыть предприятия. Стачка несмотря на решительные мероприятия властей продержалась больше месяца.

Случаи, когда в стачке принимали участие значительные массы (более тысячи человек), были нередки, особенно в XVIII веке.

Самым ярким моментом рабочего движения во Франции в период расцвета мануфактур была стачка лионских ткачей в 1744 году.

В этой стачке приняли участие не только подмастерья, но и другие категории рабочих. Весь Лионский округ охвачен был волнениями. Свыше 40 тысяч рабочих оставило работу. Причиной этому послужил регламент 1744 года, дававший большие преимущества мастерам, предпринимателям и урезывавший права подмастерьев. Вспыхнувшая забастовка превратилась в восстание, и город в течение нескольких дней оказался во власти восставших. Последние арестовали многих предпринимателей, владельцев мануфактур и подвергли разгрому их дома. Администрация была бессильна выступить на защиту хозяев, тем более что интендант города и другие власти находились в плену у восставших. Интендант с горечью писал: «Сердце обливается у меня кровью,

когда видишь, что они (рабочие) наши господа».

Только оружием королевских войск удалось ликвидировать восстание и вернуть свободу и спокойствие эксплуататорам-хозяевам. Последние, однако, настолько были напуганы, что согласились на значительные уступки.

Восстание лионских рабочих было уже предвестником новых форм борьбы и по своему характеру выходило за рамки движения докапиталистической эпохи.

«Пролетариат,— говорится в «Коммунистическом манифесте»,— проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием».

Борьба наемных рабочих докапиталистической эпохи и была первой ступенью, началом рабочего движения в Западной Европе.

Это было движение, еще долго сохранявшее на себе печать средневековья. Условия производства того времени и господство феодальных отношений придали движению подмастерьев и мануфактурных рабочих черты, сильно отличавшие его от борьбы современного пролетариата.

Идея широкой революционной борьбы за освобождение трудящихся от гнета эксплуатации была еще чужда рабочей массе того времени. Движение носило узко экономический, стихийно-оборонительный характер. Оно было обусловлено постепенным снижением жизненного уровня трудовой массы почти во всех отраслях производства и усилением эксплуатации. Вместе с тем оно почти всегда (за очень редким исключением, например лионское восстание 1744 года) сохраняло черты узко групповых и локальных конфликтов.

Отдельные групповые объединения (подмастерья, мануфактурные рабочие) были обособлены и нередко враждебны друг другу.

Гонимый и обездоленный подма-

стерье, превратившийся в пролетария, отворачивался, однако, с презрением от нецехового рабочего и не допускал его в свои организации. Разорившиеся цеховые ремесленники также были далеки от сознания общности своих интересов с остальной рабочей массой и гордо отмежевывались от нее. Они считали для себя предосудительным поддерживать отношения с людьми «из простонародья». Не классовое сознание, а кастовый дух и консерватизм групповых традиций характерны были для рабочих конца средневековья. В тот период, который был предисторией пролетариата, рабочая масса в своей стихийной борьбе стояла еще далеко от общественных задач рабочего класса. Однако уже тогда можно видеть зачатки таких методов борьбы, которые дают основание считать движение подмастерьев и мануфактурных рабочих начальной стадией рабочего движения в Западной Европе. Стачки были частым явлением докапиталистической эпохи, а стачка, как указывает В. И. Ленин, является специфически пролетарским методом борьбы.

Характеризуя ранний период рабочего движения в России, Ленин писал в своей замечательной работе «Что делать?»: «Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы... они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев». Но при этом Ленин отметил, что у рабочих того времени еще «не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю...»¹. Такой же, в основном, характер, как мы видели, имело и движение наемных рабочих на Западе в рассмотренный нами период.

¹ Ленин. Т. IV, стр. 384.

Е. Хазанова

ИТОГИ

1936—1937 учебного года
по Московской области

1

В закончившемся учебном году преподавание истории в средней и неполной средней школе по сравнению с прошлым годом несколько улучшилось. Передовые преподаватели массовой школы добились значительных успехов. Однако перестройка преподавания истории все еще идет очень медленно. Нужно сделать еще очень много, чтобы поднять преподавание истории на ту высоту, на которой она должна стоять в соответствии с указаниями партии и правительства.

Исторические знания учащихся массовых школ Московской области все еще не удовлетворительны. Ученики недостаточно понимают исторический процесс, у них плохо развиты исторические представления и исторический подход к событиям.

Что же мешало в этом году быстро улучшить преподавание истории в школах Московской области? Причин здесь несколько: во-первых, недостаточная теоретическая и, главным образом, политическая подготовка основной массы преподавателей, во-вторых, отсутствие стабильных учебников и твердых программ по истории для всех классов средней школы (5—10-е классы) и, наконец, в-третьих, недостаточное руководство преподаванием со стороны Наркомпроса и его органов на местах.

Многие преподаватели не работают над систематическим повышением своих знаний, своей научной квалификации, многие из них незнакомы даже с главными книгами и пособиями по

истории, выпущенными в прошлом году. Изданные в этом году исторические карты попали далеко не во все школы.

Построение урока остается попрежнему слабым местом. В особенности хаотично разделение сорокапятиминутного урока на его составные элементы¹.

Все еще недооценивается рассказ учителя—устное объяснение нового материала преподавателем. Учителя стремятся передать все содержание в течение 8—10 минут, хотя последовательный и запоминающийся рассказ об исторических событиях в 5—7-х классах в течение этого времени дать невозможно. Иногда преподаватель (например в Ильинской школе, Ухтомского района) вовсе не прибегает к рассказу, а переносит весь центр тяжести урока на диктовку конспекта, который затем заучивается учащимися.

Вот запись в тетради учащегося 5-го класса (тема «Греческая культура»), которая может служить наглядным образцом того, как не следует составлять конспект записи. «Из всех видов греческой культуры,—записывает ученик,—раньше всего развилась лирическая поэзия. Достигли высокого развития физика и математические знания. Авторитетом пользовался математик Аристарх (?). Он определил длину солнечного года в 365 дней 8 часов 57 минут и создал солнечный календарь. Греки занимались медициной, биологией, ботаникой, географией, историей и т. п. Расширение землевладения в Греции обусловливается расширением торговых связей». Так же неверна запись и другого ученика (6-й класс). Излагая тему «Германия и Италия в IX—XI веках», преподаватель диктовал: «В IX—XI веках крупнейшими владениями в состав феодальной Германии входили Саксония, Тюрингия, Франкония, Швабия, Бавария. В середине XI—XII веков короли

¹ Об этом мы говорили в нашей статье «Преподавание истории в неполной средней школе в первом полугодии 1936—1937 учебного года», помещенной в № 3—4 «Исторического журнала».

германские веди борьбу с остатками родоплеменного строя в лице племенных герцогов. Короли старались расчленить герцогов на более мелкие части, этим они старались устранить племенных герцогов. В IX—XI веках в Германии насчитывались сотни феодальных владений и много было владений церковных феодалов. Чтобы закрепить за собой господство над церковью, германский король Оттон I принимает титул императора «Священной римской империи германского народа». В состав этой империи вошли, кроме германских земель, вся северная и средняя Италия, а несколько позже — Бургундия». Обе записи сделаны учениками под диктовку преподавателя Антоньевской неполной средней школы тов. Хайлова. Не нужно доказывать, что конспекты, подобные приведенным, ничего, кроме вреда, учащимся не приносят.

В массе своей преподаватели истории в школах Московской области руководствовались в работе методическими указаниями Наркомпроса (распределение программного материала по классам, указания о распределении каждой темы по урокам). Методические материалы, как видим, очень скудные, но даже и они не были разосланы вовремя по школам. Многие районы Московской области (Ерахтурский, Путьинский и другие) получили эти указания только к концу третьей четверти.

У нас имеются материалы систематических наблюдений за преподаванием истории в целом ряде школ (Тулская средняя школа № 1, Коломенская, Серпуховская, Малоярославецкая, Глуховская Ногинского района, Павлово-посадская средние школы, Загорская имени КИМ, Трутеевская Рузского района, Коммунарская, Краснопахорская, Остафьевская Подольского района неполные средние школы) и материалы единовременного ознакомления с преподаванием истории в 60 массовых школах Московской области. Изучение этих материалов, а также изучение контрольных работ, записей преподавателей и учащихся—все вместе позволяет сделать следующие выводы о состоянии преподавания истории за 1936—1937 учебный год.

В последовательности изложения и в освещении исторических событий и явлений ряд школ по сравнению с прошлым годом имеет несомненные достижения. Передовые преподаватели сумели сочетать последовательность изложения с правильным марксистским объяснением исторического материала. Самый материал давался в достаточном объеме и правильно распределялся по классам. Таких школ и преподавателей по Московской области можно считать не один десяток.

Однако наряду с достижениями имеются и значительные недостатки, на преодоление которых необходимо направить силы преподавателей истории и руководящих органов народного образования. В первую очередь к таким недостаткам относится неудовлетворительное изложение содержания исторического материала. Особенно неблагоприятно в сельских неполных средних школах, преподаватели которых плохо знают фактический материал и поэтому часто извращают исторические события. Вместо систематического изложения исторических событий преподаватель либо рассказывает о двух—трех случайных эпизодах либо дает большой материал, не являющийся, однако, основным в развитии темы. Часто преподаватель, взяв исторические факты из старых учебников, перерабатывает их крайне неумело и неграмотно, употребляя при этом недопустимые термины и обороты речи. Приведем несколько примеров.

В Антоньевской неполной средней школе, Бабынинского района, преподаватель Хайлов следующим образом описывал учащимся 5-го класса греческую культуру: «Я вам расскажу об искусстве, архитектуре, скульптуре, живописи и театре. Сделано в V веке очень и очень много. Впервые после грубых и примитивных, неотшлифованных статуй, современных V веку, искусство развивается. Было развито искусство лепить — лепка. Тогда еще делались мраморные статуи. Вот статуя богини Артемиды, она была извлечена из земли на острове Делосе. Она носит в первый период вид плохой: вид чурбана, была обозначена на чурбане голова, волосы, руки. В VI веке на

том же острове Делосе найдена крылатая статуя Победы. Богиня неслась в воздухе, была высоко поднята правая рука, левая—опущена, с веселой улыбкой на лице. Статуя вышла с острова Хиоса, эта из мастерской Архема (запомните). Вот какие источники этой скульптуры. На рабском труде основывалась скульптура. Она стала удачно изображать статую богов, своих царей, диктаторов и борьбу атлетов. В городе Олимпе они тоже вошли в науку искусств борьбы атлетов. Здесь уже поза, жесты, выражение лица стали удачнее получаться. Эти скульптуры помещались в храмах, во дворцах, в которых жили цари. Они разрушались во время войны. Мы знаем Мирона, Поликлета и Фидия; это скульпторы, жившие в половине VI века. Уже постепенно стали изображать схватки между персами и троянцами. Стали удачны в Греции греческие войны. Богиня Афин была представлена в виде бога войны. Она изображалась так: в длинной тунике, в шлеме, копье держит в правой руке, а щит в левой руке. Так в скульптуре изображенная фигура была неподвижна и мертва, застывшая. Это вполне понятно. Кого ты знаешь из скульптуров того времени?» (Ученик: «Мирон»). Учитель продолжает: «Мирон главным образом лепил статую дискоболов. (Нагибаясь, он (?) делал жест ногами и руками). Поликлет изображал статую Геры—богини. Фидий, он жил в эпоху Перикла, он изображал Зевса, самого главного бога, а храмы он изображал красиво и просто. Наряду со скульптурой развивалась хорошо живопись; рисунки на вазах были организованы. Вот раскрашенная ваза (показывает небольшой рисунок из учебника, почти закрыв его при этом пальцем, и тут же кладет книгу). Черная фигура на желтом фоне, на котором стояла красивая фигура. Наоборот, на черном фоне стояла желтая фигура. Раскрашенные вазы ставились в могилы знатных людей. Был живописец, фамилия его Полигнот. Его картины описаны греческим путешественником Павзанием. Далее, идет живописец Апилес, рисовал такие картины: рождение Афродиты. Она была богиней Греции. Он живописно нарисовал так: застывшие морские волны и потом выход из мор-

ских волн Афродиты. Вот наряду со скульптурой и живописью существовала и литература. Греция—родина всех форм. Гомеровский эпос—сам Гомер изображен в скульптуре (показывает рисунок из книги). Существовала лирика, драма. Какие произведения написал Гомер? (Ученики с мест: «Одиссею»). Был поэт там Тиндар (?). Бесприменно запомните. Он выставлял побежденных в общественных играх, которые были ежегодно. Он написал Ахиллон... (Звонок). Записи не будем делать, это легко».

Недочеты этого урока очевидны. Сведения даются не всегда существенные, а часто совершенно второстепенные. Названия, явления и характеристики извращены. Рассказ проведен небрежно, непродуманно. Неправильно использован рисунок. Бессмысленные термины и выражения делают совершенно неприемлемой подачу материала.

Подобная нечеткость, извращения, вредные выводы допускают преподаватели и других школ. Так например в Якименской неполной средней школе, Новодеревенского района, преподаватель Букашкин в конце урока о крестовых походах, резюмируя изложенное, сказал: «Особенно воспользовались от крестовых походов Венеция, Генуя и Флоренция, и потому в этих странах расширились рамки натурального хозяйства». Неграмотность языка и неправильность выводов в данном случае очевидны. Известно, что в результате крестовых походов в перечисленных пунктах расширились товарные отношения, а не натуральное хозяйство.

Последовательность изложения фактического материала—важнейшая задача преподавателя. И здесь не обходится без крупных упущений. Часто замечается сплошное социологизирование, сопровождающееся применением голых схем. В других случаях преподаватели пытаются дать учащимся «вузовский» курс в виде лекций, недоступных пониманию 12—14-летних учеников. Известны также попытки изложить учащимся на уроке весь материал, который преподаватель сам прослушал на лекции или прочитал в книге. Обычно в таких случаях мате-

риал дается в сыром виде, совершенно не обработанным.

Особенно неблагоприятно обстоит дело с разбором и обобщением исторических событий, т. е. с теми факторами, которые должны подводить учащихся к правильному, марксистско-ленинскому пониманию истории. В подавляющем большинстве случаев преподаватели не уделяют никакого внимания этим важнейшим вопросам. В результате в преподавании господствует погоня за фактами ради фактов. У учеников не вырабатывается умение правильно понимать современные события и ориентироваться в них.

Все эти недостатки мешают преподавателям гражданской истории сделать ее одним из основных средств в выработке марксистско-ленинского мировоззрения у всей многомиллионной массы учащихся.

Совсем по-другому подходят к построению урока более квалифицированные педагоги, непрерывно и упорно работающие над собой. Приведем часть рассказа преподавателя Сухера (Павловопосадская средняя школа) в 5-м классе по теме «Образование афинского государства»:

«С древнейших времен население Аттики делилось на 4 филы (племена). Каждая фила, в свою очередь, делилась на фратрии (родовые союзы), а фратрии уже делились на роды (общины).

Во главе Аттики стоял вначале царь (в VIII веке до нашей эры). Но царь сам никогда не управлял: кроме царя существовал еще совет старейшин. В Афинах он назывался ареопаг. Что значит ареопаг? Это значит — совет старейшин. Кроме ареопага, кроме совета старейшин, было еще народное собрание.

Постепенно, когда аристократы, — а кто такие аристократы? (Г о л о с а учащих ся: «Богатые люди»). Они в Афинах назывались эвпатриды. Когда афинские аристократы, т. е. эвпатриды, все более и более богатели за счет эксплуатации демоса (народа), они стали ограничивать власть царя, и в скором времени вместо царя управление Афинами переходит к людям, избираемым аристократами, т. е. царская власть уничтожается и заменяет-

ся республикой, т. е. выборным управлением. Но кто участвовал в выборах, кто тут управляет? Управляет аристократия. Лица, избираемые аристократами для управления страной, назывались архонтами. Аристократы все более и более богатеют, и поэтому вполне естественно, что вся власть постепенно сосредоточивается в руках у эвпатридов, в руках у аристократов. Теперь уже управляет ареопаг (вспомним: что такое ареопаг? Это совет старейшин, пополняется исключительно из аристократов, из архонтов. Скажем, архонт прослужил срок службы, он переходит теперь куда? В ареопаг, т. е. в совет старейшин, а проще сказать, в совет аристократов). Народное собрание теряет уже всякую власть.

Это случилось в VII веке. К VII веку до нашей эры значение народного собрания в Афинах пало так же, как оно пало в Спарте. Вся власть к этому времени сосредоточивается в руках органа эвпатридов — ареопага, а он из своей среды выбирает архонтов. Итак, в Аттике царская власть уничтожается, устанавливается республика, но власть в этой республике принадлежит эвпатридам, т. е. аристократам.

В это же время, т. е. в VIII—VII веках до нашей эры ухудшается положение демоса, т. е. народа. Сам демос делится на 3 группы: 1) земледельцев, 2) ремесленников, 3) промышленников-торговцев.

Итак, демос состоял из 3 групп: земледельцев, ремесленников, промышленников-торговцев. Положение демоса с каждым годом ухудшается. Земли земледельцев захватывают эвпатриды, т. е. аристократы. Часто земледельцы и ремесленники принуждены были брать деньги в долг у эвпатридов. Не имея возможности уплатить свои долги, часть демоса превращалась в рабов. И вполне естественно, что в VII—VI веках до нашей эры между демосом и аристократами идет ожесточенная борьба за землю, борьба за то, чтобы аристократы не так сильно эксплуатировали демос. Но об этом мы будем говорить на следующем уроке. А сегодня на этом кончим. Кто расскажет сейчас вторую

часть моего рассказа, т. е. кому принадлежала власть в Афинах в VIII веке до нашей эры, затем нужно будет рассказать о росте богатства эвпатридов и о переходе власти в руки эвпатридов». Петрова: «В афинском государстве была сперва власть царя, еще был совет старейшин, который назывался ареопагом, и было, как во всех древних государствах, еще народное собрание. В народном собрании решались самые важные вопросы. (Педагог: «Это было когда?»). Это было в VII—VI веках. (Педагог: «Нет, в VIII веке до нашей эры»). Но потом богатые (аристократы), их называли эвпатриды, стали ограничивать власть царя, и, наконец, царь почти не стал иметь никакого значения, а у власти стали иметь значение одни эвпатриды. Эти... (Педагог: «Кто это эти?») эвпатриды (педагог: «Правильно») стали выбирать из своей среды людей, чтобы они управляли всем государством. Их называли архонтами. Когда архонт прослужит определенный срок, он идет в ареопаг. В Аттике было 3 группы демоса: там были земледельцы, ремесленники, промышленники-торговцы».

Планы уроков, распределение времени урока (опрос учащихся, рассказ преподавателя, запись плана, повторение для закрепления знаний) продумываются только передовыми преподавателями, у значительного же большинства все делается стихийно, неорганизованно. Различно и самое содержание уроков, по объему материала, по порядку его расположения, по способам его оформления.

Выводы: преподавание гражданской истории, этой важнейшей дисциплины в школе, все еще находится не на должной высоте и мало способствует развитию у учеников марксистско-ленинского мировоззрения.

3

«Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат»,—сказано в поста-

новлении СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР (от 16 мая 1934 года). Освещение исторических деятелей у преподавателей ряда школ дается правильно (например в Шатурской средней школе, в Павловопосадской средней школе, в Загорской неполной средней школе и других). Но все же следует отметить, что именно этот момент встречается в практической работе преподавателей большие трудности. Часть преподавателей вообще обходит его, другие же дают исторических деятелей изолированно, вне связи с событиями, оторванно от классовой почвы. Нередко преподаватели уделяют чрезмерное внимание личным качествам исторических деятелей, идеализируют их.

Франциск I, например, изображается только легкомысленным человеком, превыше всего ставящим свою личную жизнь. Его роль в централизации Франции не вскрывается. В рассказе о Людовике XIV наибольшее внимание опять-таки уделяется чрезмерным подробностям о его личной жизни, в результате чего Людовик XIV не предстает перед учащимися как государственный деятель. Еще большие извращения допускают преподаватели истории в 8—10-х классах, освещая личность Петра Великого, Екатерины II и других политических деятелей. Здесь нередко повторяются ошибки М. Н. Покровского и его школы.

В этом году преподаватели обратили большее внимание на закрепление в памяти учащихся хронологических дат и важнейших исторических событий. Однако нельзя сказать, что здесь все обстоит благополучно. Ученики многих школ хронологические даты усваивают отрывочно, заучивают их чисто механически и потому быстро забывают. Сведения эти обычно не связаны органически со знанием конкретных событий истории, с конкретными именами исторических деятелей. Из школьной практики известно, что даты, связанные с материалом, запоминаются более прочно. Такие события, как завоевание Англии, начало развития парламентаризма, Тридцатилетняя война, восстание чомпи, восстание Уота Тайлера, буржуазная революция в Англии, открытие Амери-

ки Колумбом являются вместе с тем и хронологическими датами, которые учащиеся знают лучше других.

4

Знания учащихся массовых школ по истории остаются в общем на низком уровне. Даже в лучших школах и у передовых преподавателей истории некоторые ученики плохо знают предмет. Во время испытаний, к которым большинство учащихся добросовестно готовилось, ответы по истории были очень пестры: наряду с хорошими и даже отличными ответами давались и плохие (Пушкинская средняя школа, Раменская средняя школа).

Только в единичных случаях на испытаниях по истории не было вовсе плохих ответов (Загорская неполная средняя школа, преподаватель Соболева, 10-й класс Загорской средней школы № 1, преподаватель Денисов).

Итак, качество знаний по истории и в истекшем учебном году повышалось чрезвычайно медленно.

Это сказывалось и в течение учебного года и во время годовых проверочных испытаний.

Вот некоторые примеры наиболее путаных и безграмотных ответов учащихся. В Краснознаменской школе, Новодеревенского района, на испытаниях в 7-м классе о гусистском движении учащийся сказал: «Гус выступил против индульгенции. Индульгенция — это разные святые, святой палец, чтобы собирать деньги с крестьян. Сверху смотреть — религиозное движение, а на самом деле против феодалов».

Нередки случаи, когда преподаватели, помогая учащимся ответить на вопрос, сами обнаруживали полное незнание материала. Преподаватель той же Краснознаменской школы, Новодеревенского района, Шабанов, когда учащийся затруднялся рассказать о «жакерии», спросил: «У нас (?) крестьяне — кулаки, середняки и бедняки; кто участвовал в «жакерии»?» Ученик: «Батраки». Преподаватель: «Свой труд батрак продает феодалам». На вопрос преподавателя о Филиппе IV и первых генеральных штатах ученик дает такой ответ: «Он открывает войну и захватывает местечко Шампань, средства требовались

для раскрашивания их домов». Вместо исправления нелепого ответа учащегося преподаватель «добавляет»: «Филипп IV становится над папой как бы заглавным». На вопрос о восстании Уота Тайлера ученик отвечает: «Это восстание вооружилось чем попало и заняло местечко и луг, они требовали повышения зарплаты». Преподаватель добавляет: «Крестьяне — большинство — были переведены на денежную плату».

Не лучшие ответы дают учащиеся Калининской школы, Новодеревенского района (преподаватель Евдокимов). На вопрос «О крестьянской войне в Германии» учащийся сказал следующее: «Вся иерархия лежала на крестьянах... Началось восстание мирно, потом крестьяне потребовали свержения частной собственности — программы, близкой к коммунизму».

Для контраста приведем урок в Тульской школе № 3. Повторяли тему о 1905 году. Ученица очень подробно и толково рассказывает о комиссии Шидловского, о причинах бойкота ее большевиками и о попытках меньшевиков участвовать в выборах в эту комиссию. Затем преподаватель дополняет рассказ. К изучению революции 1905 года он привлек местный материал — участие тульских рабочих в революции. Метод работы, который необходимо приветствовать и поощрять.

Урок в Тульской 20-й школе. Ученик удовлетворительно рассказывает о борьбе большевиков с ликвидаторами. К недостаткам урока относится то, что не была исправлена ошибка ученика, сказавшего, что реформа Столыпина была направлена против помещиков. Преподаватель тов. Ульянова не исправил ошибки и другого ученика, который сказал, что после реформы 19 февраля 1861 года крестьянам стало хуже, чем было до реформы.

5

Если проанализировать данные об успеваемости учащихся, то окажется, что при больших колебаниях по четвертям преобладают посредственные оценки.

В отдельных школах у передовых преподавателей (Нейкирх, Соболева, Сухер, Черняков, Кузнецова, Овчаро-

ва, Дранников, Есипова, Селивохина и др.) есть и большие достижения в повышении успеваемости учащихся. Длительной и настойчивой работой перечисленные преподаватели добиваются серьезных знаний у учащихся.

В общем, подводя итоги за год, следует признать, что только в лучших школах, лучше оборудованных и снабженных пособиями и литературой, с передовыми учителями, результаты преподавания истории хорошие. В большинстве школ в текущем году знания учеников дальше записанного в их тетради не идут. Особенно это относится к школам отдаленных районов и сельских местностей. Наконец, есть еще и такие школы (их, правда, немного), где преподавание истории еще вовсе не дало удовлетворительных результатов.

Прекрасную успеваемость по истории показали учащиеся Загорской неполной средней школы № 1 имени КИМ, где на 10 классов (около 400 учащихся) в году лишь 2 учащихся получили оценку «плохо». Оценки «отлично» и «хорошо» имеет большая часть учеников.

Из этих цифр видно, что преподаватели этой школы настойчиво, последовательно и упорно вели работу по поднятию успеваемости по истории.

С хорошими результатами пришла к концу учебного года и Тульская средняя школа № 1, где успеваемость значительно возросла.

Сравнение успеваемости по четвертям (в 5—10-х классах) дает следующую картину:

	I	II	III	IV
Отлично	20	24	26	43
Хорошо	126	136	167	125
Посредственно	253	251	235	249
Плохо	31	11	15	2

В тех школах, где преподавание поставлено хорошо, история вызывает немалый интерес у учащихся. Они обращаются к преподавателю с просьбой рекомендовать им для чтения художественно-историческую литературу, организовать исторические кружки, вечера, издавать исторические журналы и т. д.

В Красногорской школе преподаватель П. И. Потемкин практиковал выпуск исторических бюллетеней, в Кри-

ницкой неполной средней школе, Шелухинского района, преподаватель организовал исторический кружок. Такими же кружками систематически руководят М. А. Андреева в Глуховской средней школе. В Ореховозуевской средней школе преподаватель Огарев организует исторические вечера, на которых учащиеся выступают с докладами, инсценировками, декламацией на исторические темы. К сожалению, этот вид работы пока еще распространен не достаточно широко.

Приведем некоторые примеры из практики преподавания истории в старших классах средней школы.

Во 2-й Пушкинской школе, в 8-м классе, рассказ учителя о Василии III представлял собой целую лекцию на 35 минут, изложенную сухо и скучно. Ученикам было предложено не записывать. Из пособий была только карта. В 8-м классе Малоярославецкой средней школы занятие на тему «Образование Киевского государства» преподаватель Жильцова построила как беседу, вместо того чтобы организовать его как урок. Тов. Жильцова излишне много останавливалась на происхождении слова «Русь», дав три варианта объяснения его происхождения. Ученики остаются в недоумении: какой же вариант наиболее правильный? Самостоятельно решить этот вопрос они не в состоянии, хотя, судя по ответам, ученики этого класса вполне грамотные. В Бабынинской средней школе на уроке при повторении ученики отвечают заученными фразами, иногда вместо самостоятельного ответа прямо читают по своим записям, и это не вызывает никаких замечаний преподавателя. В Мордвесской школе (преподаватель Соколов) уроки проходят вяло. В теме «Московское государство времен Алексея Михайловича» слабо освещены народные волнения того времени, в частности волнения 1648 года. Не указано, что эти волнения были направлены против соляного налога, что основным требованием было смещение правительства боярина Морозова.

Просмотр контрольных работ в Реутовской школе показал недостаточное знакомство с хронологией. Ученики преувеличивают значение личности Олега, в ряде работ сказано:

«Олег был исключительно талантливый князь». Из 18 работ о Святославе в 16 была стереотипная фраза: «Святослав был типичный варяжский князь». Личность Святослава и личность Олега привлекли усиленное внимание учеников. Но беда в том, что они больше останавливались на внешних, несущественных чертах характера. Сущность же борьбы Олега и Святослава против Византии осталась невыясненной, ученикам неясно, как Византия постепенно подчинила своему влиянию Киевское государство. Во всех работах неправильно изображено принятие христианства. Но, за исключением указанных недочетов, все 37 работ показали достаточное знание учениками истории Киевского государства.

Анализ урока на тему «Новгородское государство» в Рязанской школе показывает, что там еще не изжита социологизация материала. На уроке дана только схема новгородского общественного и политического строя, но нет ярких образов борьбы низов против правящей верхушки, т. е. борьбы классов того времени.

6

Годовые учебные программы по истории в объеме, определенном указаниями Наркомпроса, выполнены далеко не всеми школами. Только 50% школ закончили учебный год нормально, т. е. теми темами, которые указаны Наркомпросом: в 5-м классе — темой «Греция под владычеством Македонии», в 6-м классе — «Наука и искусство Западной Европы в XI—XIII веках», в 7-м классе — «Расцвет абсолютизма во Франции», в 8-м классе по новой истории — темой «Парижская коммуна», по истории СССР — темой «Крестьянская реформа 1861 года», в 9-м классе по новой истории — «Эпоха развития довоенного империализма от начала XX века до империалистической войны», по истории СССР — темой «Октябрьская социалистическая революция». 10-е классы всех школ закончили программу нормально (от «Великой октябрьской социалистической революции до наших дней»).

Остальными школами программы не-

довыполнены на одну или несколько тем. Отставание это можно объяснить тем, что в некоторых школах в течение первой и даже второй четверти не было преподавателей по истории; у преподавателя в некоторых случаях не хватало фактического материала, и он оттягивал время в надежде получить его; наконец, большую роль сыграла перегруженность отдельных тем фактическим материалом.

Особенно много отступлений в 8—9-х классах. В части школ занимались новой историей почти до конца третьей четверти (Шабалин в Зарайской средней школе и другие). Поэтому на изучение истории народов СССР осталось очень мало времени. Мало времени уделяли Киевскому государству. В некоторых школах были пропущены большие темы по новой истории (например, «Революция 1848 года в Германии»).

Правильной постановке преподавания истории в 10-х классах сильно мешали частые изменения в количестве часов на этот предмет. Вначале Наркомпрос предложил изучать историю СССР от Великой пролетарской революции до сегодняшнего дня в течение первой четверти. Затем была добавлена на этот же курс и вторая четверть, для более углубленного повторения. Потом занятия были снова продлены на всю четвертую четверть. В результате такого нечеткого планирования учебно-программный материал не был достаточно серьезно изучен, тогда как при правильном использовании учебных часов можно было гораздо глубже пройти этот курс, используя в основном работы Ленина и Сталина по трехтомнику избранных произведений.

Чрезвычайную трудность для преподавателей представляет определение объема материала по темам. На сложные темы часто приходится 2—4 часа, и преподаватель крайне затрудняется сам выбрать ведущие, основные факты. Необходимо, чтобы Наркомпрос более четко указывал объем учебно-программного материала.

Лучшие преподаватели используют для занятий произведения классиков марксизма-ленинизма. Приходится учителям пользоваться также старыми учебниками разных авторов, преиму-

щественно учебниками Виппера, Платонова, Кареева и других, но у них нет указаний, как можно использовать эти учебники.

В большинстве случаев преподаватели очень плохо снабжаются необходимой для них исторической литературой, немало даже случаев, когда забракованные учебники Никольского, Трахтенберга — Гуковского являются единственными пособиями для подготовки к урокам.

Еще хуже обстоит дело с наглядными пособиями. Вновь изданные исторические карты, как и комплекты исторических картин, не дошли до всех школ.

Лучшие преподаватели тесно связаны с работой секции истории Московского областного научно-исследовательского педагогического института (МОНПИ), регулярно посещают семинарские занятия, пользуются групповой и индивидуальной консультацией, активно участвуют в разработке методических документов и работают над отдельными вопросами, выдвигаемыми практикой преподавания истории. Так, над вопросом использования исторического документа на уроках истории систематически работают преподаватели Раменской, Пушкинской, Реутовской и других средних школ. Группа преподавателей под руководством научных сотрудников института (МОНПИ) систематически работает над вопросом привлечения художественной литературы на уроках истории.

7

В истекшем учебном году испытания по истории были проведены в 7 и 10-х классах. Испытания проводились преимущественно по билетам, составленным преподавателями и утвержденным директорами. Значительное количество преподавателей не ограничилось перечнем общих тем в билетах и детализировало их, раскрывая содержание и этим подсказывая ученикам ответы. Такой порядок составления билетов, конечно, неправилен.

Требования, предъявлявшиеся к учащимся различных школ во время испытаний, очень различны. Так например в Загорской средней школе № 2

требования были снижены. Ученик этой школы Дмитриев получил «отлично», хотя в ответе его были ошибки. Говоря о X съезде партии, он не сумел рассказать о профсоюзной дискуссии. Кроме того он сказал, что товарищ Сталин был избран генеральным секретарем партии на X съезде партии, тогда как товарищ Сталин был избран генеральным секретарем партии на Пленуме ЦК, избранном XI съездом в марте 1922 года. Нэп, по словам ученика, не является необходимым в других странах (что противоречит многократным указаниям Ленина и Сталина и программе Коминтерна).

Итоги истекшего года показали, что в преподавании истории есть очень много недочетов. Для преодоления их необходима систематическая методическая помощь со стороны руководящих органов, в первую очередь Московского отдела народного образования, Московского областного научно-исследовательского педагогического института, а также через организацию различных консультаций, лекций и докладов по методике преподавания. Нужно научить преподавателя правильной организации урока (определение объема и качества материала, воспитательные моменты на уроках истории, правильное расположение во времени отдельных частей материала, из которых слагается урок, и т. п.).

Необходимо систематическое изучение преподавания в школах, обобщение опыта и внедрение лучших образцов в практику массовой школы.

Главное же, что должно помочь сделать 1937—1938 учебный год переломным годом в преподавании гражданской истории,—это непрерывная планомерная работа преподавателей истории над повышением своего научного и политического уровня.

Письмо товарища Сталина «Об учебнике по истории ВКП(б)» дает всем преподавателям истории принципиальные установки, как надо строить исторические курсы. Работая над претворением в жизнь этих замечательных указаний товарища Сталина, преподаватели истории добьются того, что история станет ведущим предметом в коммунистическом воспитании подрастающего поколения.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ в педагогических учебных заведениях

В системе преподавания истории есть еще много недочетов. В частности я хотел отметить ряд недостатков в постановке дела изучения истории средних веков на исторических факультетах педагогических и учительских институтов.

Преподавание зависит от качества кадров, планирования работы и наличия полноценных программ. Как раз в этих частях нашей работы не все обстоит благополучно: в работах истфаков педагогических и учительских институтов накопилось очень много вопросов, которые требуют немедленного разрешения.

История средних веков изучается в педагогических институтах, по существу, без утвержденной программы, так как имеющаяся программа самим же Наркомпросом признана неудовлетворительной. Действительно, эта программа имеет ряд существенных недостатков: она не уделяет почти никакого внимания истории средних веков Скандинавии, не дает характеристики общественно-политического устройства турок периода завоевания Балканского полуострова. Еретические движения включены в раздел средневековой культуры и рассматриваются только как явление культурное. Между тем у Энгельса имеются прямые указания на то, что ереси в течение всего средневековья являлись выражением оппозиции феодализму и феодальной церкви; он говорит: «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания». И далее Энгельс продолжает: «Ереси представляли собою отчасти выражение реакции патриархальных альпийских пастухов против проникающего к ним феодализма (вальденсы), частью оппозицию феодализму со стороны выросших из

его рамок городов (альбигойцы, Арнольд Брешианский и т. д.)...»¹.

В программе недостаточно развернуты вопросы разоблачения фашистских извращений по конкретным разделам истории средних веков. Об ошибках Покровского, о так называемом торговом капитализме и абсолютизме в программе ничего не сказано.

Если педагогические институты работают по неудовлетворительной программе, то учительские институты ее совсем не имеют.

Работники Наркомпроса недооценивают значение истории средних веков, о чем свидетельствует распределение часов. На лекционный курс по этому предмету отводится 120 часов, несмотря на то что курс громоздок и по охватываемым эпохам и по территории. Из всех исторических курсов история средних веков является самой стесненной и «обиженной», так как на все другие курсы отводится значительно большее количество часов. В интересах дела преподавателям приходится нарушать эти нормы Наркомпроса, так как изложить всю историю средних веков, начиная с V века и до эпохи буржуазных революций, за 120 часов невозможно.

На истфаке четырехгодичного педагогического института история средних веков проходит на 2-м курсе (лекционный курс и практические занятия). При таком уплотнении студент не сумеет как следует осознать преподнесенный лектором материал. А если учесть, что студент обязан познакомиться с документами, работами классиков марксизма и наиболее важными сочинениями буржуазных историков, то неправильность подобной планировки выступит перед нами со всей очевидностью. Поэтому необ-

¹ Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 33. 1931 г.

ходимо дать возможность проходить историю средних веков со студентами в течение не менее трех семестров. Спешка в прохождении такого важного курса очень вредна.

Особенно плохо планируется работа исторических факультетов учительских институтов. На 1-м курсе Свердловского учительского института, по плану Наркомпроса, стоит курс истории средних веков (132 часа). Этот курс для учительского института является основным, так как институт готовит преподавателей для неполных средних школ, а в 6-м и 7-м классах изучается средняя история. Несмотря на это, по плану, указанный курс должен быть пройден на протяжении только одного 2-го семестра, т. е. фактически на протяжении 3—4 месяцев. Приходится читать лекции по 3—4 раза в шестидневку. Совершенно ясно, что при такой гонке студент учительского института не сумеет сознательно усвоить материал. Он сам не овладеет материалом истории

средних веков, поэтому и «плоды» его преподавания будут весьма плачевны.

Необходимо отметить также и то обстоятельство, что наши журналы до сих пор преподаванием истории в педагогических и учительских институтах не интересовались. У нас нет обстоятельных и выдержанных методических пособий. Наркомпрос не созывал преподавателей истории средних веков на совещания или конференции. Кафедры тоже до сих пор не занимаются разрешением принципиальных научно-методических вопросов.

Все указанные недостатки легко устранить совместными усилиями Наркомпроса, директоров институтов и научных работников. Наркомпросу и руководителям институтов следует внимательно прислушиваться к голосу научных работников и студентов. К сожалению, чуткого отношения к голосу низов пока еще нет.

П. Нечипоренко

Ученические записи по истории

(Из опыта Ольшанской средней школы Харьковской пригородной зоны).

Преподавание древней истории ведется мной без учебника, поэтому время на уроке я распределяю примерно так: 6—10 минут — спрашивание урока, 15—20 минут — изложение нового материала и 15—20 минут — конспективная запись учениками нового материала. Эта запись производится под диктовку, причем я стараюсь предупредить все ошибки, выразительно произнося слова, а особенно трудные записывая на классной доске. Все ученические тетради после 2—3 уроков я беру надом для проверки и ставлю отдельную оценку за состояние записей, учитывая и орфографические ошибки. Обнаруженные ошибки я выписываю на отдельном листе против фамилии ученика и во время устного опроса пользуюсь этими заметками. Список ошибок я по-

том передаю преподавателю родного языка для дальнейшей их проработки в классе.

Приведу наиболее характерные случаи ошибок учеников. Так, вместо слова «фараон» ученики написали: «Фараон», «Фраон», «Параон» (все с заглавной буквы и большинство с орфографической ошибкой). При исправлении этих ошибок я объяснил, что «фараон» — это имя нарицательное и каждый фараон имел собственное имя. После объяснения снова пишу это слово на классной доске и предлагаю всем ученикам посмотреть в свои тетради и проверить, верно ли у них записано. Ученики часто делают ошибки и при выразительной диктовке и при списывании с классной доски. Учителю очень важно знать все

возможные варианты неправильного написания слова.

Приведу наиболее часто встречающиеся случаи ошибок, сделанных на уроках истории (большинство, чисто орфографические, я опускаю). Ученики написали: «гипси» (вместо гиксы), «Якнос» (Яхмос), «р. Нив» (р. Нил), «А Сирия» (Ассирия), «фрам» (храм), «веодал» (феодал) и т. п. Избежать полностью этих ошибок при занятии без учебника можно только после упорной и долгой, систематической борьбы с ними. Нужно знать причины ошибок и их характер в каждом отдельном случае. Например одна ученица, сидящая на передней скамье, при списывании с классной доски слова «Ашурназирпал» написала так: «А Шурна зир пал». Она, очевидно, и не смотрела на доску. Благодаря этой ее ошибке я обнаружил, что она совершенно не разбирается в записанном ею же самой тексте.

Ученики 6-го класса «А» (по теме «Рим») сделали следующие ошибки: «клебеи» (плебеи), «децембират» (децемвират), «синат» (сенат), «Сергий» (Сервий), «Тарквиллий» (Тарквиний), «каркуренция», «комбуренция» (конкуренция), «навесник» (наместник), «моноколисты» (монополисты) и т. п. Некоторые чисто орфографические ошибки я исправляю без подробных объяснений. Ошибки же в таких словах, как «конкуренция», «монополист», помогли мне обнаружить, что ученик из-за своей невнимательности на уроке или по моей вине совершенно не знает значения этих слов.

Одной из гарантий против орфографических ошибок является четкое знание учеником значения данного слова и неоднократное чтение этого слова в правильном написании.

Указанные выше ошибки встречаются в практике и других учителей. Поэтому чрезвычайно важно следить за записями учеников, обращая особое внимание на исправление ошибок в написании исторических терминов и понятий. Для этого необходимо, во-первых, не перегружать изложение историческими терминами и понятиями и, во-вторых, контролировать понимание этих терминов учениками, разъяснять их при употреблении в рассказе.

Придавая очень большое значение наглядным пособиям и иллюстрациям, я поставил своей целью, чтобы каждый ученик имел тетрадь с необходимыми иллюстрациями и картами. Для этого я все свои уроки сопровождаю показом иллюстраций, которые я изготовил на плотной бумаге размером в среднем 25×35 сантиметров. Карты я делаю размером от $\frac{1}{4}$ до 1 листа рисовальной бумаги. Наличие рисунка и карт в ученической тетради в несколько раз сокращает записи необходимого текста объяснений и способствует лучшему запоминанию содержания.

Иллюстрации ученики готовят в организованных мной исторических кружках. Занятия кружка происходят 1 раз в 6—10 дней. Кружок 5-го класса занимается отдельно от кружка 6-го класса. Ученики в большинстве очень охотно рисуют, просят, чтобы занятия кружка были чаще. В занятиях кружков встречаются, однако, трудности: то нет образцов для срисовывания, то нет бумаги; при занятиях в две смены нет помещения для кружка.

Но все же кружки работают успешно, и тетради учеников снабжены соответствующими тексту рисунками.

Приведу для примера описание нескольких страниц иллюстрированных классных записей одной из моих лучших учениц (5-го класса «Б»).

Тема «Первобытное общество и причины его разложения» (2 часа). 1-я страница — текст и 4 рисунка: 1) каменные орудия, 2) каменный молоток, 3) мотыга, 4) заступ; 2-я страница — продолжение текста и 3 рисунка: 1) современный топор, 2) современный горшок, 3) соха с железным лемехом.

Тема «Египет». 1-я страница — запись текста об источниках изучения Египта. Периодизация истории Египта (всего 8 строк). Далее, тема «Нил и его значение»; 2-я страница — продолжение записей и образчик иероглифов; 3-я страница — текст на тему «Занятия египтян»; 4-я страница — текст «Крестьянские восстания»; 5-я страница — то же и рисунок 2-х колонн египетского храма, 6-я страница — запись; 7-я страница — Луксорский храм; 8-я страница — за-

пись и рисунок бога Аписа; 9-я страница — запись и рисунок бога Анубиса.

Тема «Месопотамия — Ассирия». 1-я и 2-я страницы — текст записей; 3-я страница — рисунок дворца Саргона II в Харсабаде.

Я предоставляю ученикам много рисунков, чтобы одновременно на занятиях кружка можно было удовлетворить возможно большее количество желающих и подобрать рисунок, не трудный для срисовывания. Когда иллюстрации все же отстают от текста, тогда я требую, чтобы ученик писал под рисунком «к странице такой-то». Иллюстрации в тетрадах я объявил делом добровольным, но после моих разъяснений о значении иллюстраций для понимания истории и когда сами дети убедились в этом на личном опыте, большинство из них стало иллюстрировать свои записи.

Рисунки на уроках я демонстрирую в строгой последовательности, не перегружая ими урока, чтобы не расплывать внимания учеников.

Размер ученических записей мной сведен до минимума. Записывают не больше $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{5}$ рассказанного мной текста. Например об источниках изучения истории Египта я говорил много, а записали ученики только следующее:

«Прошлое древнего Египта мы узнаем из письменных и веществен-

ных памятников. Письмо египтян называется иероглифы. Писали на папирусе, камнях и на глиняных досках». Или, например, на тему «Формирование государства в Египте» ученическая запись такова: «Сначала в Египте было несколько маленьких государств, номов, которыми управляли номархи. Потом после долгой борьбы было создано два государства с центрами в Фивах и Мемфисе. Это была эпоха создания государства из первобытного бесклассового общества. После этого шла борьба между фивским и мемфисским царствами, и, наконец, Египет объединился во главе с Мемфисом в 2900 годах. С 2900 до 2500 годов была эпоха «Древнего Египетского царства».

По теме «Река Нил и ее значение» ученики записали только фактические данные: размеры реки, длину, ширину, глубину, значение разливов, названия растений и регулирование разливов. Весь материал о пустынях, оазисах, первых поселенцах по долинам рек (таких, как Нил, Тигр, Евфрат) они не записывали.

Вопрос о размере и форме ученических записей при преподавании без учебника очень труден. Я делюсь с читателями своим опытом в этом деле, с тем чтобы он мог послужить материалом для выработки более правильных методов работы в дальнейшем.

С. Лившиц

ЛИТЕРАТУРА О ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ИСПАНСКОГО НАРОДА

Уже год длится героическая борьба испанского народа против фашистских мятежников и германо-итальянских интервентов.

Трудящиеся всего мира и народы Советского союза в особенности с ослабленным вниманием и сочувствием следят за беспрецедентной, полной отваги борьбой народов Испании.

За истекший период у нас появилось большое количество книг, брошюр и статей, посвященных гражданской войне в Испании.

В настоящей статье мы попытаемся дать тематический обзор вышедшей в СССР за этот период обширной литературы об Испании и тем самым помочь читателям разобраться в ней.

Хозяйство современной Испании, классы, положение трудящихся, справочные материалы

Освещение этих вопросов дает книга «Испания в цифрах»¹. Книга представляет собой экономико-географический справочник, составленный работниками конъюнктурного отдела Института мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР.

Справочник открывается географическим очерком, дающим характеристику каждой области Испании, ее географических особенностей, экономики, населения, городов. Книга снабжена также таблицами с кратким описанием отдельных провинций. Глава «Население и классы» сообщает об общей численности и плотности населения, о классах, рождаемости, смертности и приросте населения, об эмиграции и, наконец, о языке. Одна глава посвящена духовенству — опоре реакции. Следующая глава характеризует чрезвычайную отсталость народного образования в Испании. Глава «Угнетенные национальности» говорит как о положении нацменьшинств, так и о национальном движении по октябрь 1936 года

¹ Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР. 174 стр. Партиздат. 1936. 1 р. 75 к. (в переплете).

включительно. Глава «Социальные отношения в деревне» сообщает о распределении земли и о форме землевладения, об ужасающей нищете крестьянских масс, об арендных отношениях, об аграрной реформе (1932—1936 годы) и, наконец, о конфискации земли врагов народа, произведенной правительством народного фронта в октябре 1936 года.

Затем мы находим в справочнике подробные данные о сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, роли иностранного капитала в испанской промышленности, положении рабочего класса, торговле, банках, бюджете, валюте, вооруженных силах (до мятежа), колониях. Справочник является, несомненно, ценным пособием.

Сжатый, но серьезный анализ тех же вопросов мы находим в брошюре Е. Варга «Испания в революции»². В этой брошюре дана характеристика отсталости испанского народного хозяйства, чудовищной эксплуатации трудящихся Испании (в период до гражданской войны) помещиками, продажной бюрократией, «собственной» буржуазией и иностранным капиталом. Затем тов. Варга выясняет экономический и политический удельный вес помещиков, церкви, офицеров и чиновников, буржуазии, крестьянства, городской мелкой буржуазии, сельскохозяйственных рабочих и городских рабочих.

В статье «Об экономической структуре Испании» («Большевик» № 4 от 15 февраля 1937 года) Е. Варга, давая характеристику экономики Испании, проводит разграничение между районами, занятыми республиканцами, и районами, захваченными мятежниками, чтобы дать представление о людских и экономических ресурсах правительства народного фронта и мятежников.

Книга Н. Горожанкиной «Рабочий класс в Испании в годы революции»³ основана на статистическом материале. Автор анализирует промышленный и аграрный кризис, застой в торговле (до прихода к власти правительства народного фронта), показывает, как «экономический кризис сильнейшим образом ударил по рабочему классу, положение которого и в докризисные годы было чрезвычайно тяжелым» (стр. 23).

Красочно и популярно характеризует хозяйство и классовую структуру Испании книга «Испанский народ победит!»⁴.

² Соцэкгиз. 118 стр. 1936. 70 коп.

³ Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР. 118 стр. Соцэкгиз. 1936. 90 коп.

⁴ Партиздат. 1937. 174 стр. 1 р. 25 к. Эта книга представляет собой переработанное и дополненное издание брошюры «Героическая Испания» (Партиздат. 1936. 77 стр. 50 коп.).

Социально-экономический очерк современной Испании (справочного характера) помещен также в сборнике «Испания в борьбе против фашизма»¹.

Очень кратко касается этих вопросов и небольшая популярная брошюра В. Минлоса «Испания»².

Четкая, наиболее подробная характеристика испанских партий, профсоюзов, юношеских организаций и прессы дана в приложении к брошюре Е. Варга «Испания в революции». Эти данные относятся к периоду кануна военно-фашистского мятежа. Помещенные там же краткие биографии политических деятелей (64 человека) доведены до сентября 1936 года. Все эти сведения сильно устарели.

Некоторые данные (тоже устаревшие) о печати, о политических деятелях и партиях можно найти в брошюре Минлоса «Испания» (15 биографий) и в сборнике «Испания в борьбе против фашизма» (25 биографий).

Журнал «Спутник агитатора» (№ 21 за ноябрь 1936 года) поместил характеристики героев испанского народа: коммунистов Хозе Диаса, Долорес Ибаррури, Хуана-Хозе Мансо, — а также характеристики палачей испанского народа: Хиль Роблеса, генералов Франко, Мола, Кейпо де Льяно и миллионера Хуана Марча.

Революционное движение в Испании до гражданской войны

Испанский народ пережил в XIX веке несколько революций. Об этих буржуазных революциях (1808—1814 годы, 1820—1823 годы, 1834—1843 годы, 1854—1856 годы, 1868—1873 годы), о крестьянских восстаниях рассказывает И. Трайнин в статье «Революционное прошлое испанского народа» («Большевик» № 22 от 25 ноября 1936 года, стр. 65—77). В начале XX века, до возникновения компартии (1920 год), «в Испании не было действительно революционной партии, которая могла бы себя противопоставить анархизму, анархо-синдикализму и реформизму. Несмотря на то что рабочие и крестьяне сохраняли боевой дух и революционные традиции, их выступления в результате руководства анархистов и реформистов кончались неудачами» (Трайнин, стр. 74). Очень кратко, на трех страницах, статья Трайнина излагает затем важнейшие факты, относящиеся к испанской революции, начавшейся в 1931 году (изложение доведено до фашистского мятежа).

Более подробно касается тех же вопросов статья Б. Минлоса «Испанская буржуазная и буржуазно-демократическая революция в XIX—XX веках», напечатанная в журнале «Историк-мар-

ксист» (книга 1-я, стр. 98—124. 1937). Минлос описывает не только ход шести буржуазных революций XIX века, но и период от первой до второй республики (1873—1931 годы) и пять лет второй республики (1931—1936 годы), заканчивая изложение первыми месяцами гражданской войны.

В журнале «Борьба классов» № 10 за 1936 год (стр. 5—21) напечатана статья С. Лившица «Основные этапы истории послевоенной Испании (1917—1936 годы)». Центр тяжести статьи — показ рабочего и крестьянского движения и деятельности компартии в годы революции (до фашистского мятежа).

О революции в Испании (до мятежа) мы находим особые главы в указанных выше книге «Испанский народ победит!» и брошюре «Испания» Б. Минлоса.

Участию пролетариата в революции уделено серьезное внимание в книге Н. Горожанкиной «Рабочий класс Испании в годы революции». Раздел «Борьба рабочего класса» начинается главой «Из прошлого рабочего движения» (XIX век и начало XX века до падения монархии). Затем дается подробный анализ стачечного движения в первые годы революции. Подчеркиваются раздробленность рабочего класса Испании, успехи компартии в борьбе за единый фронт, за профсоюзное единство, отрицательная роль реформистов и анархо-синдикалистов в руководстве стачками.

Остановившись на уроках октябрьских боев 1934 года, тов. Горожанкина заканчивает свою книгу моментом победы народного фронта на февральских выборах 1936 года.

Брошюра Е. Варга «Испания в революции» начинается кратким историческим очерком об Испании (от средневековья до XIX века включительно), задача которого — показать, почему Испания все еще является полуфеодальной страной. В двух последних главах брошюра касается только основных проблем революции и хода событий в 1936 году (до мятежа). Очень интересен детальный анализ причин влияния в Испании анархо-синдикализма.

Статья И. Трайнина «Важнейшие вопросы буржуазно-демократической революции в Испании» («Борьба классов» № 12 за декабрь 1936 года, стр. 97—108) останавливается на аграрном и национальном вопросах.

Книга Франца Шпильгагена «Шпионы и заговорщики в Испании»³ основана на документах, найденных после начала мятежа в штабе германских фашистов в Барселоне. Эти документы разоблачают захватнические планы гитлеровцев и убедительно доказывают их участие в подготовке мятежа.

О германском шпионаже в Испании, только в более ранний период, мы нахо-

¹ Партиздат. 1936. 186 стр. 1 руб.

² Лениблиздат. 1937. 2-е, дополн. изд. 79 стр. 70 коп.

³ Соцэжгиз. 1937. 172 стр. 2 р. 85 к.

дим конкретные данные в книге французского автора Луи Ривьера «Центр германской секретной службы в Мадриде 1917—1918 годов»¹. Ривьер знакомит нас с методами и целями шпионско-диверсионной деятельности монархической Германии в годы мировой войны. Его книга подтверждает интервенционистские устремления Германии против Испании, которые сейчас практически осуществляют гитлеровцы.

Гражданская война в Испании

В передовой статье «Девятнадцатая годовщина», в журнале «Коммунистический интернационал» № 16 (октябрь 1936 года), содержится чрезвычайно важный анализ испанской революции и ее характера:

«...испанская революция — крупнейшая освободительная борьба народных масс со времени Октября...

То, за что ведут теперь героическую борьбу массы испанского народа, — это еще не пролетарская диктатура и не социализм, но это уже не обычная буржуазная демократия с гегемонией капиталистических классов, это народная демократия с гегемонией трудящихся классов, ломающая раз навсегда хребет фашизму и реакции, открывающая путь строительству новых политических и социальных форм» (стр. 13).

В том же номере «Коммунистического интернационала» напечатана статья тов. Эрколи «Об особенностях испанской революции» (эта статья затем вышла отдельной брошюрой в издании Партиздата). Это очень важная, руководящая статья. Тов. Эрколи пишет об огромной роли компартии Испании — организатора народного фронта — и об отрицательной роли анархистов (на первом этапе гражданской войны). Он дает подробную характеристику социальной базы народного фронта: пролетариата, крестьянства, городской мелкой буржуазии и отдельных слоев буржуазии, — останавливаясь в связи с этим на анализе задач народного фронта и характере революции.

Георгий Димитров, рулевой Коммунистического интернационала, в своей статье «Народный фронт борьбы против фашизма и войны» («Коммунистический интернационал» № 17 за ноябрь 1936 года) пишет:

«...испанский народ именно благодаря народному фронту уже пять месяцев героически отстаивает свою свободу и независимость. В этой тяжелой борьбе он будет иметь тем более шансов на победу, чем больше рабочий класс сумеет сохранить до конца прочное единство народного фронта, чем больше он сумеет подчинить исторически сложившиеся разногласия между коммунистами, социалистами и анархистами высшему интересу народа — делу подавления фашистского

мятежа, чем более решительный отпор он даст попыткам опасных перепрыгиваний через неизбежные этапы революции со стороны некоторых близоруких сектантов, легкомысленных фантазеров и троцкистских провокаторов. Наконец, испанский народ тем скорее расправится с фашистскими мятежниками, чем более быстро и решительно будет ему оказана поддержка международного пролетариата и всего передового человечества» (стр. 51).

О целях борьбы и о характере испанской революции пишет М. Эрколи в статье «Борьба испанского народа против фашистских мятежников» (Сборник «Испания в борьбе против фашизма». Партиздат. 1936). Это сборник статей и материалов, напечатанных ранее (в июле — сентябре 1936 года) в журналах «Большевик», «Коммунистический интернационал», «Спутник агитатора», «В помощь партизана», в газетах «Правда» и «Известия». В этом же сборнике находим четыре обзора хода военных действий в первые месяцы гражданской войны, а также ряд других статей и материалов.

Книга «Испанский народ победит!» — одна из лучших, популярных книг об Испании как по глубине политического анализа, так и по языку — рассказывает о начале мятежа и о ходе гражданской войны с июля 1936 года по март 1937 года. Здесь мы находим четкую характеристику основных проблем революции, деятельности компартии и ее задач, суровую, но заслуженную критику действий испанских анархистов, показ гнусной, провокационной роли испанских троцкистов.

О ходе событий с июля по ноябрь 1936 года включительно рассказывает упоминавшаяся выше брошюра Б. Минлоса «Испания» (2-е издание). Особенно интересны главы «Слабые стороны демократического лагеря на первом этапе борьбы» (июль—август) и «Наступление на Мадрид и перестройка демократического лагеря» (сентябрь—октябрь). Автор останавливается также на провокационной деятельности контрреволюционных троцкистов и на дезорганизаторской деятельности анархистов.

Журнал «Большевик» периодически помещает обзоры хода военных действий в Испании. Эти статьи снабжаются схемами боев.

О наступлении мятежников на Мадрид и начале боев за столицу рассказывает статья Е. Иогана «Новая фаза гражданской войны в Испании» («Большевик» № 21 от 1 ноября 1936 года, стр. 79—89). В «Большевике» за 1937 год мы находим обзоры Г. Березова «Полгода гражданской войны в Испании» (№ 2 от 15 января, стр. 67—82) и «Малага—Харама—Гвадалахара» (№ 7 от 1 апреля, стр. 75—88).

Выдающийся французский писатель-антифашист Жан-Ришар Блок в своих очерках, написанных в Испании, живо

¹ Воениздат. М. 1937. 133 стр. 1 р. 25 к.

описывает борьбу испанского народа в первые недели фашистского мятежа — в Барселоне, Валенсии, Мадриде (книга «Испания, Испания!»¹).

Увлекательно написаны очерки Фрэнка Питкэрна «В Испании» (июль—август 1936 года)². Автор, специальный корреспондент английской коммунистической газеты «Дейли уоркер», находился в Испании в момент начала мятежа и пробыл там до конца сентября. Он вступил в ряды 5-го полка народной милиции, участвовал в боях. Питкэрн очень наблюдателен, он умеет видеть, и его очерки дают кусок настоящей жизни республиканского тыла и фронта в первые месяцы гражданской войны. В марте 1937 года вышла другая книга Питкэрна, «Испания»³. В нее вошли не только те очерки, которые помещены в указанной выше книге, но и его корреспонденции, напечатанные в «Дейли уоркер» в ноябре—декабре 1936 года.

Брошюра «Наблюдателя «Мадрид будет могилой фашизма»⁴ подробно рассказывает о наступлении мятежников на Мадрид и начале героической обороны столицы (ноябрь 1936 года).

Брошюра «Героический Мадрид»⁵, составленная из корреспонденций французского буржуазного журналиста Луи Делапре, дает незабываемую, потрясающую картину зверского разрушения Мадрида авиацией фашистских интервентов в ноябре 1936 года (Делапре вскоре погиб: самолет, на котором он летел в Париж, был сбит фашистами).

В брошюре «Португалия сегодня»⁶ Ральф Фокс, английский писатель-коммунист (впоследствии убитый на фронте, где он сражался в рядах Интернациональной бригады), рассказывает о своей поездке осенью 1936 года в Португалию, где царит фашистская диктатура, и разоблачает поддержку испанских мятежников португальским правительством.

Нельзя без волнения читать сборник речей и статей Долорес Ибаррури (Пасионарии), пламенного трибуна испанского народа, одного из вождей компартии Испании⁷. Долорес разоблачает замыслы врага, она призывает к беспощадной борьбе с фашизмом. Голос Пасионарии раздаётся и в парламенте, и на фронте, и на митингах в тылу. Она выступает и в Париже, где призывает к международной солидарности с испанским народом. Долорес зовет испанский народ «брать пример с героических русских братьев», воспользоваться опытом Великой октябрьской революции и гражданской войны, идти по пути Ленина и Сталина.

Подробная хроника событий в Испании за время мятежа, составленная в виде календаря, печатается в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика».

Ряд статей и очерков, рассказывающих об эпизодах гражданской войны и напечатанных в начале 1937 года в советской прессе, был перепечатан затем в двух сборниках: «Героические бойцы революционной Испании»⁸ и «Боевые эпизоды героической борьбы испанского народа»⁹. Оба сборника вышли в апреле 1937 года. Первый сборник состоит из очерков и статей Мих. Кольцова, И. Эренбурга, М.-Т. Леон, капитана***, майора***, Рамона Х. Сендера, майора Рамона Диэстро, Эрколи, Г. Поллита и др. Второй сборник, гораздо более внушительный по объёму, содержит очень многое из того, что помещено в первом сборнике, он даёт гораздо больше ценных корреспонденций Кольцова и Эренбурга, в него включены также три очерка Д. Лебедева.

Маленькая книжечка Ил. Эльвина «Героические женщины республиканской Испании»¹⁰ даёт ряд конкретных фактов о работе женщин-антифашисток на фронте и в тылу, останавливается на деятельности Пасионарии и заканчивается рассказом о помощи, оказываемой республиканской Испании антифашистскими капиталистическими странами.

Книжечка «Героическая молодежь Испании»¹¹, составленная Г. Самуэли, содержит ряд очерков, документов, биографий, свидетельствующих о пламенном героизме и революционном мужестве трудящейся молодежи Испании в борьбе с фашистами.

Брошюра «Лина Одена — героиня испанского народа»¹² рассказывает биографию одной из руководительниц испанского комсомола (а затем и Объединенного социалистического союза молодежи), которая героически погибла на фронте, сражаясь против мятежников.

О фашистской агрессии, о том, как итальянские и германские фашисты помогают мятежникам, рассчитывая получить за это часть испанской территории, о том, как лондонский комитет по «невмешательству» попустительствует агрессорам, мы находим данные в статьях А. Е. «Борьба фашистских агрессоров за испанский плацдарм» («Большевик» № 20 за 1936 год, стр. 72—82), Дж. Гольдхилла «Гражданская война в Испании и политика попустительства агрессорам» («Большевик» № 22 за 1936 год, стр. 78—86). От помощи мятежникам оружи-

¹ Гослитиздат. 1937. 220 стр. 2 руб.

² Гослитиздат. 1936. 133 стр. 1 р. 25 к.

³ Партиздат. 1937. 172 стр. 2 руб.

⁴ Партиздат. 1936. 63 стр. 30 коп.

⁵ Соцэкгиз. 1937. 40 стр. 25 коп.

⁶ Соцэкгиз. 1937. 63 стр. 35 коп.

⁷ «Фашисты не пройдут!» Партиздат. 1936. 131 стр. 40 коп.

⁸ Лениноблиздат. 1937. 83 стр. 60 коп.

⁹ Областное книгоиздательство. Сталинград. 1937. 222 стр. 3 руб.

¹⁰ ЦК МОПР СССР. М. 1937. 55 стр. 30 коп.

¹¹ «Молодая гвардия». 1937. 108 стр. 50 коп.

¹² Партиздат. 1936. 29 стр. 20 коп.

ем и летчиками итальянские и германские фашисты перешли в конце 1936 года к открытой интервенции, отправив в Испанию десятки тысяч своих солдат.

В журнале «Коммунистический интернационал» (№ 16 за октябрь 1936 года) Эрнст Фишер в статье «Покончить с фальшивым нейтралитетом!» разоблачает политику «невмешательства» как политику, выгодную фашистским агрессорам, он ставит в пример политику советского правительства в этом вопросе, бичует лицемерие вождей II интернационала.

Важнейшим документом для понимания происходящих событий является доклад Хозе Диаса, талантливого вождя компартии Испании, на расширенном пленуме ЦК 5 марта 1937 года. Докладчик останавливается главным образом на вопросах: «1) характер нашей борьбы, 2) что надо делать, чтобы выиграть войну на полях сражений, на фронте производства и в тылу, 3) задачи нашей партии» (см. «Коммунистический интернационал» № 3 за март 1937 года).

3—4 мая 1937 года в Барселоне произошел троцкистско-фашистский путч, имевший своей задачей внести разброд в республиканский тыл. Документально доказано, что ПОУМ (испанские троцкисты) — агентура фашистов в республиканском тылу. Статья Обреро «Троцкистско-фашистский путч в Барселоне» («Большевик» № 10 от 15 мая 1937 года, стр. 75—82) вскрывает контрреволюционную деятельность троцкистов и рассказывает о борьбе компартии против этих фашистских наймитов.

Очень важна статья Андре Марти «Война испанского народа за независимость» («Большевик» № 11 от 1 июня 1937 года). Она дает возможность читателю разобраться в сложной обстановке майских дней в республиканской Испании, в военной ситуации и во внутреннем положении. Марти останавливается на барселонском путче, объясняет причины реорганизации испанского правительства, подвергает критике ошибки Ларго Кабальеро, вскрывает раскольническую деятельность руководителей II интернационала, а наряду с этим он отмечает активность и рост влияния компартии, успехи испанского народа в борьбе с фашизмом, его огромные политические и социально-экономические завоевания.

Тем же проблемам посвящена и речь генерального секретаря компартии Испании Хозе Диаса «За победу — против клеветников коммунистической партии», произнесенная 9 мая 1937 года, после барселонского путча («Коммунистический интернационал» № 5 за май 1937 года)¹. Разъяснив условия, необходимые для того, чтобы выиграть войну, Диас изложил

¹ Отмеченные нами речи Диаса от 6/III и 9/V изданы отдельной брошюрой: Хозе Диас «За свободную и независимую Испанию!» Партиздат, 1937. 70 стр. 35 коп.

причины несогласия компартии с политической Ларго Кабальеро. В том же номере «Коммунистического интернационала» опубликована речь мадридского коммуниста Хирона «Борьба с троцкистской агентурой фашизма в Испании».

Горячо рекомендуем читателю речь Хесуса Эрнандеса (коммуниста, министра просвещения испанского правительства), произнесенную на митинге в Валенсии 28/V 1937 года («Коммунистический интернационал» № 6 за июнь 1937 года). Эрнандес показывает, как ошибочная политика Ларго Кабальеро обусловила поражения на фронте и неустойчивость тыла. Компартия заявила, что правительство Ларго Кабальеро не может долее оставаться у власти. Новое правительство (возглавляемое Негриным) приняло основные пункты, предложенные компартией. Далее, Эрнандес останавливается на задачах правительства и на необходимости создания единой партии пролетариата.

Международная солидарность с героическим испанским народом

О проявлении горячей солидарности СССР к республиканской Испании свидетельствует книга «Народы СССР — испанскому народу»². Это сборник документов, резолюций, сообщений о прибытии советских пароходов с продовольствием в Испанию, обращений и писем коллективов и отдельных лиц, газетных заметок, а также материалов, говорящих о признательности испанского народа Советскому союзу.

Книжка «СССР и фашистская агрессия в Испании»³ состоит из документов, содержащих высказывания руководителей партии и правительства СССР и акты советской дипломатии, относящиеся к борьбе испанского народа против фашистских интервентов и свидетельствующие о борьбе СССР за всеобщий мир, в защиту демократии, против фашистских агрессоров. Публикация документов начинается со знаменитой телеграммы товарища Сталина Хозе Диасу.

Не лишена интереса книжка Юр. Кольцова «Испания в огне»⁴. Автор — специальный корреспондент «Комсомольской правды» — отправился в Испанию осенью 1936 года с одним из советских пароходов, везших продовольствие и одежду испанским трудящимся. Он пробыл в республиканской Испании десять дней, побывал в Аликанте, Мадриде, Валенсии, Альбасете и других городах. Его путевые заметки описывают ряд интересных эпизодов. Особенно подчеркнуто в книжке чувство любви и благодарности по отношению к СССР со стороны испанского народа.

² Партиздат, 1937. 173 стр. 3 руб.

³ Соцэкгиз, 1937. 70 стр. 40 коп.

⁴ «Молодая гвардия», 1937. 111 стр. 80 коп.

Отметим также сборник «Мы с вами»¹, посвященный героической борьбе испанского народа. Сборник состоит главным образом из стихов советских поэтов об Испании. О ходе борьбы испанского народа против мятежников дают фактический материал лишь несколько очерков советских корреспондентов — Михаила Кольцова и Ильи Эренбурга.

Большой и очень ценный фактический материал собран в богатой иллюстрированной книжке «Дело Испании — не частное дело испанцев»². Книжка дает картину той огромной кампании солидарности с республиканской Испанией, которая развернулась в СССР, во Франции, в Англии, США, Бельгии, Швеции, Латинской Америке и даже в Италии и Германии. Уделено внимание также Интернациональной бригаде и международной солидарности моряков.

Об этой кампании солидарности мы находим подробные сводки (по всем странам) в журнале «Коммунистический интернационал» за 1936 год (№№ 16 и 17) и за 1937 год (№№ 1, 2, 3).

Очень крупную роль в героических боях за Мадрид сыграла Интернациональная бригада, составленная из немецких, итальянских, французских, английских, польских и других антифашистов.

Живое представление об этих героях борьбы против международного фашизма дает сборник «Интернациональная бригада»³. Он составлен преимущественно из статей, очерков, писем и дневников бойцов-интернационалистов, а также очерков, помещенных ранее в иностранной и советской прессе (очерки Людвиг Ренна, Густава Реглера, Марио Николетти, Станислава Матушака и др.). Особый раздел посвящен павшим в бою героям (некрологи Ганса Баймлера, Гвидо Пичелли, Карла Гейдриха и др.). Ряд заметок и статей об Интернациональной бригаде помещен в журнале «Коммунистический интернационал» (№ 18 за 1936 год и №№ 1, 2, 3, 4 за 1937 год).

Андре Марти, один из вождей французской компартии, в статье «К лондонской конференции Амстердамского и Социалистического интернационалов» («Коммунистический интернационал» № 2 за

¹ Изд. «Советский писатель». М. 1936. 128 стр. 4 руб.

² Партиздат. 1937. 115 стр. 75 коп.

³ «Молодая гвардия». 1937. 187 стр. 1 р. 50 к.

февраль 1937 года) подвергает суровой критике политику руководства этих интернационалов, отказывавшегося до сих пор от совместных с Коминтерном действий в защиту испанского народа.

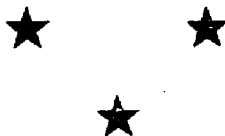
В виде небольшой брошюры вышла статья Г. Димитрова «Уроки Альмерии»⁴. Эта статья была написана по поводу провокационного поведения германских фашистов-интервентов, броненосцы которых 31 мая бомбардировали республиканский порт Альмерию. «Следует немедленно мобилизовать против разбойничьего военного выступления германского и итальянского фашизма в Испании многомиллионные силы международного рабочего движения». И тов. Димитров настаивает на созыве совместного совещания и проведении совместных мероприятий Коминтерна, II интернационала и Профсоюзного интернационала по борьбе против интервенции в Испании: «Единство действий международного пролетариата должно быть установлено и будет установлено». Брошюра снабжена рядом документов.

В нашем кратком очерке мы не имели возможности отметить все, что появилось в нашей печати об Испании за последний год, пришлось ограничиться важнейшим. Укажем лишь, что в ряде журналов: «Коммунистический интернационал», «За рубежом», «Спутник агитатора», «В помощь партучебе» и некоторых других — регулярно печатаются статьи и материалы на интересующую нас тему, что немало ценных статей, военных обзоров, очерков и корреспонденций (особенно Мих. Кольцова) печатается в газетах.

* * *

Испанский народ переживает трудные дни. Имея большой перевес в вооружении, интервенты кое-где имеют успехи (например в Бискайе). Но эти успехи не носят решающего характера. Героическая оборона Мадрида, разгром итальянских интервентов под Гвадалахарой и Пособланко показали всему миру мощь народной армии. Реорганизовано правительство народного фронта. Проводится чистка республиканского тыла от троцкистско-фашистских и «бесконтрольных» элементов. Народный фронт укреплен еще более. Сильно выросли численность и влияние компартии, являющейся душой народного фронта. Испанский народ победит!

⁴ Партиздат. 1937. 16 стр. 10 коп.

П. КЕРЖЕНЦЕВ. Ирландия в борьбе за независимость. 3-е изд., перераб. и дополн. Соцэкгиз. 1936. 246 стр.

Наша литература по истории «малых» европейских стран очень бедна. Книга П. М. Керженцева, которая во 2-м издании называлась «Революционная Ирландия», была, в сущности, единственной марксистской работой по истории Ирландии XIX века, если не считать брошюры Бернса «Английский империализм в Ирландии». Но во 2-м издании книга П. М. Керженцева обладала весьма существенным недостатком; автор, подготавливавший свою работу в лондонских и ньюйоркских библиотеках до 1917 года, не мог использовать в тех условиях всех высказываний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина об Ирландии.

Сейчас П. М. Керженцев полностью переработал свою книгу и учел опубликованные и неопубликованные материалы классиков марксизма, относящиеся к истории Ирландии в XIX веке. В результате проделанной автором работы книга значительно улучшилась и является теперь, несомненно, ценным вкладом в марксистскую научную литературу.

В переработанном последнем издании автор также более критически подошел к деятельности Парнелла и в соответствии с оценкой Маркса и Энгельса показал классовую ограниченность этого некоронованного «короля» Ирландии в XIX веке. В то же время тов. Керженцев остановился более подробно на деятельности М. Девитта, несомненно, являвшегося самым крупным борцом национально-освободительного движения в Ирландии во второй половине XIX века.

Заслугой автора является выяснение положительных и отрицательных сторон феодализма. В этой области автор опирался на высказывания Маркса и Энгельса; П. М. Керженцев показал, как внимательно следили Маркс и Энгельс за национальным движением в Ирландии и какое огромное значение придавали они отделению Ирландии в деле борьбы английского рабочего класса с правящими классами Англии. Однако автор, на наш взгляд, недостаточно подробно остановился на вопросе о том, почему английская буржуазия и помещики так сопротивлялись введению автономии в Ирландии, тогда как переселенческие колонии — Канада, Австралия — получили автономию сравнительно легко. Даже Южная Африка получила статус доминиона в 1909 году почти без всякой серьезной борьбы, т. е. через 7 лет после кровопролитной англо-бурской войны, а Ирландии пришлось вести напряженную

борьбу против Англии, и страна до сих пор еще расчленена надвое.

Тов. Керженцев, по нашему мнению, недостаточно остановился на вопросе о позициях британского империализма в Ирландии. Дело заключается не только в огромном военно-стратегическом значении Ирландии для Англии, которое и поныне так же велико, если не больше чем во времена Елизаветы Тюдор, Кромвеля и Наполеона: немалое значение имеет и заинтересованность английских лендлордов в ирландском землевладении, британских промышленников — в ирландском рынке, британских банков — в инвестициях в Ирландии и в ирландских капиталах, которые помещены в английские предприятия, и т. д. Эти интересы Англии особенно велики в Ольстере, который и поныне составляет часть Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Большим достоинством книги является подробное освещение ирландского восстания 1916 года. Вот превосходная тема для диссертации кого-либо из наших молодых историков. Огромное значение этого восстания отмечал Ленин. Возмущаясь оценкой, которую давал этому восстанию разоблаченный ныне враг народа Радек, назвавший восстание путчем, Владимир Ильич писал: «Кто называет такое восстание путчем, тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию как живое явление»¹. Товарищ Сталин в борьбе против оппортунистических установок Пятакова в национальном вопросе отчетливо формулировал позицию партии большевиков в вопросе об ирландском восстании: «Разве движение Ирландии против английского империализма не есть движение демократическое, наносящее удар империализму? И разве это движение мы не должны поддерживать?...»².

Написанное тов. Керженцевым заключение «Ирландское свободное государство» далеко не исчерпывает этой темы. Тов. Керженцев не показал в этой главе, как распалась шинфейнерская партия и как деятели ее скатились в болото контрреволюции. Автор слишком мало места уделил разоблачению политики де Валера.

Несмотря на указанные недостатки книга тов. Керженцева имеет несомненную ценность. Она интересна особенно сейчас, когда решается вопрос о превращении Ирландии в суверенное независимое государство. Книга написана превосходным языком, легко читается и снабжена интересными иллюстрациями.

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 269.

² Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 50.

К. ДОССОН. *История монголов.* Т. I. Огиз. Восточносибирское областное издательство. Иркутск. 1937. 248 стр. 6 руб. 1500 экз.

Первым изданием «История монголов» Доссона вышла в 1824 году, вторым — в совершенно переработанном виде — в 1834—1835 году. Таким образом, прошло уже более ста лет со времени выхода второго издания, но и теперь по количеству ценнейшего фактического материала, извлеченного непосредственно из первоисточников, мы не имеем по истории монголов ничего, чем можно бы заменить работу Доссона. Последующие труды английских и французских историков (Ховорс и другие) и работа русского ученого Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» (том II. Ленинград. 1926) повторяют все выводы Доссона и поэтому не могут претендовать на самостоятельное значение, тем более, что эти авторы, не владея восточными языками, не могли критически отнестись к источникам.

Крупнейшие русские ориенталисты, академики Бартольд и Владимирцов, в ряде своих работ уделяли должное внимание труду Доссона.

Бартольд, например, следующим образом отзывался об «Истории монголов»: «Среди трудов синологов по истории монголов нет ни одного, который мог бы выдержать хотя бы отдаленное сравнение с трудом Доссона» (журнал «Восток» № 5, стр. 252. 1928), а в другом месте («Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Т. II, стр. 61. 1900) он писал: «Труд Доссона до сих пор не утратил своего значения; по эрудиции автора и по осторожности выводов он стоит несравненно выше последующих трудов». Академик Владимирцов, перечисляя наиболее выдающиеся работы европейских ученых по истории монголов, наравне с трудами академика Бартольда и французского ученого Пеллио, указывал и на труд Доссона, «остающийся до сих пор непревзойденным» (Владимирцов «Общественный строй монголов», стр. 12. 1934).

Поэтому мы должны всячески приветствовать полезное начинание проф. Козьмина, взявшего на себя большой труд — перевести «Историю монголов» Доссона на русский язык и тем дать возможность широкому кругу советских читателей и специалистов-историков ознакомиться с этой выдающейся работой.

«История монголов» — работа представителя буржуазной историографии, со всеми вытекающими отсюда недостатками, поэтому ко многим выводам автора нам необходимо отнестись с большой осторожностью. Но эта работа дает ценнейший фактический материал, основан-

ный на кропотливом и глубоком изучении первоисточников, главным образом «мусульманских» (арабских и персидских).

Известно, что для истории монголов наиболее ценными источниками являются сведения, доставляемые арабскими, персидскими, а также и китайскими источниками. Доссон не был синологом, но был знаком со всеми работами современных ему европейских китаистов и, в частности, с выдающимися работами крупнейшего русского сиолога — Иакинфа Бичурина, которые он использовал в своем труде. Из монгольских источников Доссон использовал немецкий перевод истории монголов, составленный монгольским ученым Санан-Сэценом. Но этот последний источник не мог, конечно, идти в сравнение с «мусульманскими» и китайскими источниками.

Наиболее значительным открытием в области изучения истории монголов, сделанным после Доссона, нужно считать опубликование выдающимся русским синологом Палладием Кафаровым знаменитого монгольского памятника «Юань-чао-би-ши» («Сокровенное сказание о племени Монгол»), который дошел до нас на монгольском языке в китайской транскрипции и в двух китайских переводах. Этот памятник, как известно, представляет собой официальную монгольскую историю, обработанную в эпическом стиле. Другим важным открытием, имевшим большое значение для монгольской историографии, нужно считать дешифровку орхонских надписей датским ученым Томсенем. К последним достижениям нашего советского монголоведения нужно отнести очень ценную работу Владимирцова — «Общественный строй монголов», к сожалению, не законченную из-за преждевременной смерти автора. Академик Владимирцов на основании анализа первоисточников дал картину разложения монгольского родового общества и становления феодализма. Феодализация монгольского общества, как известно, происходила на базе земледельческого, а скотоводческого хозяйства. Здесь эксплуатация, являющаяся признаком классового общества, выражалась в виде отдачи скота на выпас и отчуждения известной части приплода в пользу монгольской родовой аристократии.

Доссон в совершенстве знал арабский, персидский и турецкий языки и мог для своей работы использовать большое количество источников на этих языках. Главными источниками для Доссона (второстепенных источников Доссон не считает до двух десятков) служили огромная историческая энциклопедия на персидском языке, «какой в средние века не было ни у одного народа ни в Азии и ни в Европе» (Бартольд), «Джамиат-теварих (Собрание летописей) Рашидэд-Дина», везира одного из монгольских завоевателей Персии; труд арабского историка Ибн-ал-Асира «Камиль-ат-Та-

рих», что значит «Совершенство по части летописания»; затем «История завоевателя мира» (Тариха Джехан-Кушай) персидского историка Джувейни, давшего обзор монгольских походов и посетившего отдельные области Монгольской империи, и, наконец, арабская рукопись «Жизнеописание султана Джелаль-ад-дина Мангуберти» Несеви. О других источниках, которыми пользовался Доссон, мы здесь писать не будем, так как он сам на них ссылается в своей работе.

Весь труд Доссона состоит из четырех томов. Первый, недавно вышедший том заключает в себе описание кочевых народов Центральной Азии и начала образования Монгольской империи. Том открывается очень интересной статьей переводчика, дающего обзор всего того, что сделано учеными-монголоведами после Доссона. Особый интерес представляют те места, где автор ссылается на современную литературу.

Наибольшую ценность представляют последующие томы: второй том, посвященный истории монголов в Китае, и третий—четвертый томы, освещающие историю персидских монголов, или хулагуидов (преемников внука Чингиз-Хана — Хулагу).

На недостатки труда Доссона указывал еще Бартольд, который отмечал «односторонний взгляд автора на отвратительнейшие картины монгольских завоеваний» («Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Т. II, стр. 60. 1900). Доссон во многом умаляет значение некоторых прогрессивных факторов в монгольских завоеваниях (например в Китае). Другим недостатком является то, что автор пользовался сочинениями арабских и персидских историков только в одной рукописи и притом не всегда лучшей. Но все эти недостатки, конечно, не умаляют значения этого выдающегося труда.

Книга издана хорошо. Возражения может вызвать только путаная транскрипция арабских имен и названий. Лучше всего в данном случае транскрибировать русскими буквами. Например имя известного арабского историка Ибн-ал-Асира передается везде как Ибн-уль-Этир, или Ибн-ул-Етир, что совершенно неправильно и может ввести только в заблуждение неискушенного читателя.

Работа Доссона рассчитана на преподавателей истории, студентов исторических факультетов и на широкие круги читателей, интересующихся этим вопросом.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

С. Н. ДРАНИЦЫН. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Соцэкгиз. 1937. 302 стр. 4 р. 35 к.

В настоящей книге автор, руководствуясь суждениями основоположников марксистско-ленинской теории о польском восстании 1863 г., подвергает коренному пересмотру взгляды на это восстание, установленные в буржуазной науке и воспринятые некоторыми представителями марксистской историографии.

Этот пересмотр производится автором на основе большого фактического материала, почерпнутого как из многочисленных печатных источников, так и из ряда советских архивов.

Книга может быть использована студентами старших курсов, преподавательским составом обществоведческих вузов, партийным активом и вообще читателем, имеющим первоначальное знакомство с историей Польши в XIX в.*.

Е. А. МОРОХОВЕЦ. Крестьянская реформа 1861 г. Соцэкгиз. 1937. 163 стр. 1 р. 65 к.

Настоящая работа является научно-популярным очерком истории реформы 1861 г. об «освобождении» крестьян от крепостной зависимости.

Автор всесторонне освещает причины, вызвавшие реформу, борьбу классов накануне и во время подготовки ее, дает подробное изложение всех положений 19 февраля 1861 г. и крестьянского движения в связи с реформой.

В брошюре, впервые в популярной литературе, приводится большой материал о проведении реформы на «окраинах», в национальных районах России.

В заключение автор останавливается на историческом значении реформы и ее последствиях*.

ЖАН-ПОЛЬ МАРАТ. Памфлеты. Соцэкгиз. 1937. 135 стр. 1 р. 15 к.

Памфлеты Друга народа — Марата, боровшегося за дело плебса в эпоху буржуазной революции во Франции в конце XVIII в., являются одним из лучших образцов революционного творчества. Величайший трибун сумел со всей политической остротой поставить вопрос об углублении буржуазной революции, о борьбе за революционную диктатуру «низов», т. е. плебейских элементов города и деревни*.

* Звездочками отмечены аннотации издательств, перепечатанные без изменений.

СОДЕРЖАНИЕ

А. КУЧКИН —VI съезд партии большевиков	1
Ю. ПОЛЕВОЙ —Вторая петроградская общегородская конференция РСДРП(б) (июль 1917 года)	16
А. ЗОЛОТАРЕВ —Из истории народов Амура	27
С. ЛАПИЦКАЯ —Завоевание и колонизация Крыма царизмом	41

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ю. ОСНОС —Семенов—ставленник японской интервенции	54
--	----

НОВАЯ ИСТОРИЯ

В. МОСКАЛЕВ —Индия накануне сипайского восстания 1857 года	64
---	----

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

И. АРСКИЙ —Могущество и упадок Испании в XVI—XVII веках	77
В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ —Положение наемных рабочих и зачатки рабочего движения в эпоху разложения феодализма (XV—XVIII века)	94

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Е. ХАЗАНОВА —Итоги 1936—1937 учебного года по Московской области	106
И. ИВАШИН —О некоторых вопросах преподавания истории средних веков в педагогических учебных заведениях	115
П. НИЧИПОРЕНКО —Ученические записи по истории	116

БИБЛИОГРАФИЯ

С. ЛИВШИЦ —Литература о героической борьбе испанского народа	119
И. ЗВАВИЧ —Рецензия на книгу П. Керженцева „Ирландия в борьбе за независимость“	125
ПИСАРЕВСКИЙ —Рецензия на книгу К. Доссон „История монголов“	126
КНИЖНАЯ ПОЛКА	127

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48.

Ответственный редактор—**Б. М. Волин**
Ответственный секретарь—**О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № Б—10525 Изд. № 615 Зак. 1386 Тираж 50 000
Материал сдан в набор 7 VII 1937 г. Подписан к печати 27 VII 1937 г. 4 бум. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.